

МОЛОДОЙ

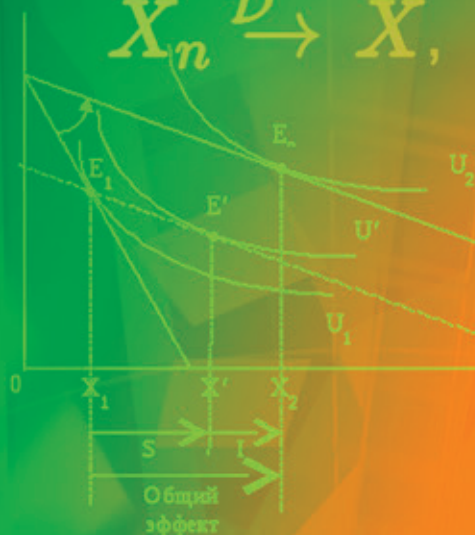
УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

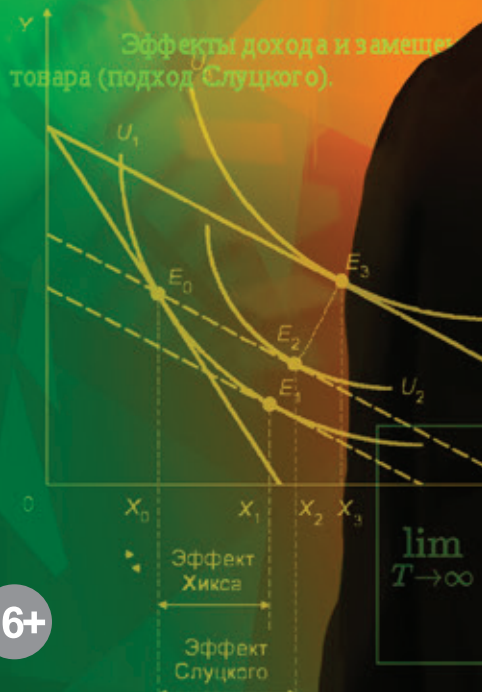
ISSN 2072-0297

$$X_n \xrightarrow{D} X,$$

Эффекты дохода и замещения
товара (подход Слуцкого).

$$\lim_{T \rightarrow \infty} \frac{1}{T} \int_0^T R_x(u) du = 0$$

И. Слуцкий

$$\frac{\partial x_i(p, \bar{u})}{\partial p_j} = \frac{\partial x_i(p, \bar{u})}{\partial p_j} + \frac{\partial x_i(\bar{p}, \bar{u})}{\partial p_j} = \frac{\partial x_i(\bar{p}, \bar{u})}{\partial p_j} - x_j(\bar{p}, \bar{u}) \cdot \frac{\partial x_i(\bar{p}, \bar{u})}{\partial I}$$

13
2016
Часть VII

16+

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 13 (117) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

На обложке изображен Евгений Евгеньевич Слуцкий (1880–1948) — выдающийся российский и советский математик, статистик и экономист.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 1.08.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Абдрахманова Т. М.

Kazakh and English names: similarities 657

Айтматова Г. А.Лексико-фразеологическое содержание
публицистических текстов, связанных
с референдумом и выборами 659**Аллабергенов Б. К.**К вопросу о сравнительной характеристике
фонемы [a] русского, узбекского литературных
языков и хорезмского диалекта 663**Аллабергенов Б. К.**О долготе гласных фонем хорезмского диалекта
узбекского языка 664**Бартков Б. И., Василенко А.**Формирование деривационного типа
с заимствованным латинским префиксом trans-
в английском языке 666**Букина А. А.**Модусно-диктумная организация концептов
«право» и «справедливость» в художественном
тексте 673**Гаврилина А. Н.**

Можно ли перестать склонять топонимы? 677

Ганькина Н. Л.Ключевые образы в стихотворении Ф. И. Тютчева
«Фонтан» 680**Гриченко Л. В., Харченко Ю. А.**Лексико-семантическая классификация
соматизмов во фразеологических фондах
английского и русского языков 685**Iskanova N. P.**

Language learning strategies 689

Коцанова Г. К., Джуманиязова Н. А.Структурно-грамматический анализ соматических
фразеологизмов в произведениях
В. Астафьева 690**Курбанова Г. С.**Ономастическая фразеология как отражение
национально-культурной самобытности
народа 692**Madraimov K. M., Matyakubov Z. M.,
Jumanova N. A.**The effect of metacognitive strategy training on
the listening and speaking performance
of learners 694**Masharipova N. O., Musaeva M. A.**

Perspective transfer in medical discourse 696

Masharipova N. O., Norbaeva S. M.Analysis of proverbs and sayings used
in book of nouns of sound words
(Diwan Lugat at-Turk) 698**Nasirdinov O. A.**Some Peculiarities of the English Conjunctions
Compared to That of Uzbek 700**Parmonov A. A., Olimov K. Y.**Lingvo-Stylistic Features of Irony (in the Works of
O`Henry) 701**Parmonov A. A.**Isomorphic and Allomorphic Features of the
Interrogative Pronouns in Modern English and
Uzbek Languages 703**Перцева А. А.**Пути изучения немецкого языка через
интернет 704**Ручко П. А.**К вопросу о семантической мотивированности
слов со значением «цвет» в русском
и английском языках 706**Салаев К. Б.**

Великие люди Узбекистана в литературе 710

Тангрибергенова Г. А.Особенности методики обучения русскому языку
в начальных классах 711**Тангрибергенова Г. А.**Перевод при обучении научному стилю
речи 713**Турумова Т. Х.**Коммуникативность как один из принципов
преподавания русского языка 714**Турумова Т. Х.**Работа с языковыми тренажерами на занятиях
русского языка 716

Филиппова М. А.

Использование фразеологизмов в англоязычном рекламном дискурсе..... 717

Ши Мэн

Особенности предложений в законах КНР..... 720

Ширикова А. В.

Лексикографические исследования в неязыковом вузе: успешный опыт в методике преподавания иностранного языка и формировании исследовательских навыков студентов..... 724

Ergashova D. A.

Educational technologies in teaching English (as an example of secondary schools) 726

Эрназарова Х. Э.

Исходно-теоретические положения к проблеме классификации по частям речи в английском языке 728

Yuldasheva Z. K., Jumanazarova S. Z.

The comparison of the lingua-cultural idioms that are commonly used in English, uzbek and russian languages..... 730

Юсубова Ч. М.

Der Besondere Gebrauch Der Trennbaren Verben Mit «An-» und «Ein-» 732

Юсубова Чамангул Мамутжоновна, преподаватель

Analyse Der Trennbaren Verben Mit «Aus-» und «An-» Aufgrund Der Grammatischen und Semantischen Funktion..... 734

ФИЛОСОФИЯ

Glushakova D., Wen Chengwei

The capability approach as an evaluative framework for disability — general overview 738

Еникеев А. А., Гредасов А. М.

Этика Б. Спинозы: перспективы постмодернистской интерпретации 741

Ермакова Л. И., Суховская Д. Н.

Методологические проблемы исследования формирования ценностных ориентаций личности в креативном пространстве городского поселения 743

Ермакова Л. И., Суховская Д. Н.

Место креативного пространства города в структуре глобальной урбосети 745

Pirozhnikova V., Hong Xiaonan

Sociological theories of the 20th century and sources of communicative rationality..... 748

ФИЛОЛОГИЯ

Kazakh and English names: similarities

Абдрахманова Толкын Муратбековна, кандидат филологических наук, доцент ВКГУ
Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова

В статье рассматриваются сходства казахских и английских имен. Сходства имен выявлены по фонетическим, семантическим признакам.

Ключевые слова: антропонимы, уникалии, фреквенталии, лексическое значение, фонетика

The aim of the research

to research similarities of the Kazakh and English names
to identify common cultural values of English and Kazakh

Object

Kazakh and English names

Subject

Structure and semantics of Kazakh and English names

Methods:

We used a method of component analysis as an effective means of studying the lexical meaning, as well as methods of continuous sampling and field work (in the collection of factual material), the reception of quantitative calculations, which allowed us to determine the percentage of matched language units for various reasons, and in some cases used etymological analysis.

We used an interview method. We interviewed a number of teachers who came from England, Canada and the USA, working in the Nazarbayev Intellectual school.

Stages in the collection of the material

The material was collected in several stages:

Stage I — continuous sampling personal names from various sources (anthroponomical dictionaries, literary texts and materials available on the Internet, etc.);

Stage II — analysis of the results of questioning and interviewing;

Stage III — minimizing body personal names through repeated differentiation, frequency of use nicknames, abbreviations, diminutive, endearing name forms.

Relevance of Research

The relevance of the research is in the structural and semantic description of informal personal names and in the clarification of anthroponomical functioning in various linguistic-cultural communities.

The scientific novelty of the work

The scientific novelty: this research work gave a complete description of the structural and semantic, motiva-

tional identity of personal names in different structural languages; identified patterns of naming personal names of people with similar meanings in different cultures and matched their tendencies; conducted a comprehensive study of the interaction of national cultures at anthropomical units.

The theoretical significance

The theoretical significance of the project is to explore the cultural identity of personal names in the Kazakh and English anthroponomical systems, comparative study of personal names by which it is possible to identify their universal and culture-specific properties, and that the work contributes to the modern Kazakh and English onomastics in contrastive and typological study of Kazakh and English languages.

The practical significance

The practical significance of the project is application to the learning of the Kazakh and English languages.

Research Hypothesis

Despite the different structure of languages (Kazakh and English) and the differences in the mentality of people, members of these ethnic groups, the naming system has a similar history and trends, as well as two completely different people have names with the same value, it indicates the similarity of people's values (religion, happiness, joy, love, peace, valor etc)

Kazakh and English names' similarities: similarities

Phonetic similarities

During the research we have found some interesting facts about phonetic similarities between Kazakh and English names. We thought, that these similarities are the result of historical loanword. The names like Maria, Aidan, Lily, Adam, Eric, Sara, Diana, Aaliyah, Altair, Arman, Alan in English have their identical form in Kazakh: Maeriya, Aidan, Liliya, Adam, Eric, Sara, Diana, Alia, Altair, Arman, Alan.

Semantic similarities

We have already mentioned, that in Kazakh and English a name has some semantic meaning. One of our aims was

to find semantic identical names in Kazakh and English. We have studied different kind of dictionaries of names and have found many examples of identical names. There are:

English Name	Kazakh Name	Meaning
Adolph	Qasqyrbay	wolf
Allan	Aedemi	beauty
Arnold	Byrkit	eagle
Archibald		
Bad, Baddy	Dos, Doszhan	friend
Benedict		blessed
Blize, Bliss	Baqyt, Quanysh	Joy, Happiness
Bolduin	Dosym	Brave Friend
Brian	Zhiger	Power
Brendan	Hanzada	Prince
Broderic	Arman	Dream
Broke	Tasqyn	
Valentine		Healthy,
Viktor	Zhengis	Won
Darvin	Zhandos	Dear friend
Jeremi,		
Esther	Zhuldyz	star
Jonathan, Taddeus	Allaberdy, Kudaybergen	Given from God
Justice	Aedilet	
Jaidon	Asyl	
Kolamban	Koegershin	
Leonard, Leo	Arystan	lion
Nicolas, Nikky	Zhengis	Won
Robert	Ayqyn	famous
Traern	Temir, Timur	iron
Wisdom	Aqyl	wise
Hillary	Baqyt	Joy, happiness
Hubert		Heart,

Common values of English and Kazakh

The analyses of similarities of Kazakh and English meanings of names shows, that people have the same ideas, interests, hope, thoughts, trust, values such as religion, bravery, good heart, praise of beauty, courage and etc.

We have studied 2466 English female names, 1737 English male names and 841 Kazakh male names 483 Kazakh

female names. The difference between numbers of English and Kazakh names happens due to the fact that in English reduced names can be spelt as official ones.

We divided all names into 9 groups: religion, love, animals, courage, family, nature, weapons, myth and magic personage, emotion (happy, joy, fun etc.). This table shows division the names on these signs:

Category	English female names	English male names	Kazakh female names	Kazakh male names
Religion	30%	40%	28,5%	30%
Love	15%	0,6%	11%	0,5%
Animals	0,5%	2,7%	20%	18%
Courage	10%	20%	15%	16%
Family	10%	10%	5,5%	13%
Nature	10%	10%	9,5%	13%
Weapons	15%	16%	0,7%	3%
Myth, magic personage	0,5%	5.35%	3,3%	1,5%
Emotion (joy, happiness)	0,5%	5,35%	6%	5%

4. Conclusion

1. Religion had great influence on the anthroponomical system of the two languages.
2. Social-political and historical-cultural processes taking place in the social life of the people played an important role in the development and formation of the Kazakh and English anthroponomy.

3. Kazakh names as well as the English Puritan names can contain the meaning of the sentence: Barzhaksy (all good), Zholzhaksy (the road is good), Allaberdi (gave him), Kyntuar (sun rises), etc.

4. Modern British and Americans, as well as the Kazakhs have returned to the traditional naming from time to time enriching its borrowings from other languages and invented new names.

References:

1. Мюллер В. К. Англо-русский словарь личных имен.
2. Wikipedia: English given names. Behind The Name: English Names.
3. Iseabail Mcleod Wordsworth Dictionary of First Names / Terry Freedman.
4. A World of Baby Names. Teresa Norman.
5. Curiosities of Puritan nomenclature. Charles Bardsley — 1897.
6. The romance of names. Ernest Weekley 1914.
7. History of Christian names. Charlotte Mary Yonge 1863.
8. Surnames of the United Kingdom: A Concise Etymological Dictionary.
9. The royal dictionary, French and English, and English and French (Abbreviation of English Christian Names used in Familiar Discourse). Abel Boyer — 1729/ Henry Harrison. Kazakh name: T. Zhanuzak Esimder syry, 2004.
10. Names of people of Kazakhstan: A Reference Manual, 1991.
11. M. K. Rakhmetova. Kazakh names, 2007.
12. T. and K. Zhanuzak/ Esbaeva Kazak esimderi, 1998.

Лексико-фразеологическое содержание публицистических текстов, связанных с референдумом и выборами

Айтматова Гульжамал Алтыбаевна, преподаватель
Ошский государственный университет (Кыргызстан)

В данной статье мы пытаемся описать способы выражения оценки на страницах республиканских газет в период ноября 2006 года. Современная жизнь в стране наполнена яркими социальными, экономическими и политическими событиями, которые люди ощущают, в чём-то участвуют, а что-то испытывают на себе и, несомненно, выражают свою оценку.

Ключевые слова: сфера обслуживания, лексика, публицистический стиль, газета, власть, политика

Lexical-phraseological content of journalistic texts related to the referendum and elections

In this article, we try to describe the ways of expressing assessment on the pages of national newspapers during the period of November 2006. Modern life in the country is filled with bright social, economic and political events that people feel, somewhat involved, but something experienced by themselves and, of course, express their evaluation.

Keywords: service sector, vocabulary, journalistic style, paper, power, politics

Публицистический стиль «обслуживает сферу политики; его главное функциональное назначение — влиять на общественное мнение, формировать его. Речевая структура публицистического стиля ориентирована на выражение политических идей, активной политиче-

ской, гражданской идеи позиции, на политическую пропаганду, острую полемику между политическими партиями, группами, на освещение событий текущей жизни, на истолкование, оценку деятельности общественных, политических организаций, официальных учреждений, на

оценку поступков, заявлений политиков, журналистов, государственных деятелей, деятелей культуры.

Языковые реакции на изменения в социально-политической жизни, происходящие в стране, находят своё отражение в средствах массовой информации и коммуникации.

Язык публицистики отражает социополитическую картину мира страны. Современные СМИ — это широкая информационная сеть. Информационные средства — газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет — охватывают собой всю страну и всё население, следовательно, быстро распространяется вся информация о событиях, происходящих в стране и регионах. Современная жизнь в стране наполнена яркими социальными, экономическими и политическими событиями, которые люди ощущают, в чём-то участвуют, а что-то испытывают на себе. Поэтому вся ключевая концептуальная лексика, называющая события (явления, состояния, реалии жизни, реалии борьбы и т.д.), — это лексика сегодняшнего времени, а значит, лексика и языка прессы, и электронных СМИ (5, с. 34).

Бурное динамическое развитие государства и общества одновременно провоцирует и интенсивное развитие языка (6, с. 56).

В наше время такие события как выборы и референдум являются являющимися неотъемлемой частью жизни общества и этот промежуток времени, который включает предвыборную гонку, день выборов, а также последствия выборов очень ярко отражается в прессе.

2011 и 2012 годы для Кыргызстана были полными политических событий, государственных реформ и народного волнения. Вот как пишет об этом политический обозреватель газеты «Слово Кыргызстана»: *«Последние два года оказались довольно напряжёнными для кыргызстанцев. Смена президентской власти, потом кровавые ошские события, референдум по Конституции, выборы в парламент, президентские выборы...»*

«Политическая борьба между партиями, обвинения, скандалы и даже угрозы держали в напряжении население».

Нами были проанализированы газетные материалы на русском и кыргызском языках двух периодов: октябрь — ноябрь 2011 года (30 октября 2011 года прошли выборы президента КР); февраль — март 2012 года (4 марта — выборы депутатов в Горкенеш г. Ош).

События октября 2011 года. В текстах газет тема выборов выходит на первый план. Это можно увидеть по заголовкам статей: *«Моя страна, мой выбор, моё будущее!», «Готовность к выборам есть», «Выбор сделан. Время итожить», «Предвыборные обещания — реальность или миф?», «Выборы закончились»* и другие. В роли заголовка выступают часто различные экспрессивные структуры: *«Голосовать или не голосовать вот в чём вопрос!», «Готов ли ты отдать свой голос!», «Шайлоо деген күрөш. Бирок*

күрөш таза болуш керек!» (Выборы — это борьба. Но борьба должна быть «чистой») и другие.

Повышается частотность употребления слов *выборы, голос, президент, электорат, избиратели, консенсус, закон*. Часто употребляются однокорневые слова к слову выборы: *выборный, предвыборный, поствыборный, выбирать*.

Слово **выборы** приобретает контекстуальные синонимы **борьба, гонка, конкуренция соревнование**: предвыборная гонка, динамика предвыборного соревнования, выборная гонка, выборный марафон, главный фаворит гонки, наравная борьба, политическая конкуренция, «Шайлоо деген күрөш. Бирок күрөш таза болуш керек!».

«Агитация преследует избирателей повсюду». «Опять на нас обрушилась лавина различных агитационных призывов». Слова *преследует, лавина* говорят о том, что народ, так или иначе, становится свидетелем предвыборной компании, всюду выборы — в газетах, журналах, на телевидении и рекламных щитах...

Воздействующая функция газеты определяет такие черты газетной речи, как побудительность, призывность, речевая выразительность, стремление к новизне выражений; эффективность воздействия и зависит от активного использования эмоционально-окрашенной лексики и фразеологии, изобразительно-выразительных средств языка (2, с. 47–52).

Метафора *прозрачные выборы* показывает, что выборы прошли объективно, честно и справедливо: *прозрачное формирование списка избирателей, доверие приходит в результате прозрачных выборов*. Хотя есть много людей, которые в прозрачности выборов сомневаются и утверждают о том, что были использованы незаконные методы как, например, административный ресурс: *«Снова этот пресловутый административный ресурс»* (пресловутый — т.е. всем известный, не раз употребляемый до этого).

Появилось новое сложное слово — *админресурс*.

Словосочетание *финансовые ресурсы* показывает, что бывают случаи предложения денег за голоса: *...реваниш-сттик күчтөр пайдаланып, финансылык ресурстар менен жеңип кеткени эстен чыктыбы* (о парламентских выборах, *реваниш* — «попытки бакиевцев вернуться к власти»). Экс-президент Роза Отунбаева в своём выступлении говорила об этом: *Сегодняшние выборы, по сути, — последняя попытка бакиевцев вернуться к власти*.

Талапкерлер... ММКларды чоңтөктөрүнө жараша «ээлеп» жүрүшөт (Кандидаты «захватили» СМИ, которые им по карману).

Призывы проголосовать: *«Твой голос — твоё будущее», и другие. Только проголосовав, мы можем не дать дорогу разным авантюристам и проходимцам (авантюристы, проходимцы имеют отрицательную оценку людей, которые стремятся к власти ради личной выгоды).*

Для данного периода характерны, в основном, негативно-оценочные языковые средства, связанные с политическими взглядами противостоящих сторон. Примеры можно разделить на несколько групп: первая группа, это слова, передающие негативную оценку гражданам, которые не хотят голосовать: *кыргызбайлар кыргыздыкка алдырышты*, т.е. поленились или не решились по своему равнодушию и беспечности проверить свои фамилии в списках избирателей. Хотя объявления проверить списки слышались везде: *Добуш берем десең, катталганынды тактагын* (Если хочешь проголосовать, проверь списки),... *бирок, тилекке каршы, биздин шайлоочулар, дезертирлердей болуп, ушуну да жасай элек...* (*дезертиры* — граждане, не желающие исполнять свой долг перед Родиной).

Слово *консенсус* употребляется довольно часто и имеет положительную оценку: *«Кыргызстанцы проголосуют за будущее страны, потому, что ценят мир, консенсусное развитие»*; *консенсусный политик* (об А. Атамбаеве).

Бир жагында жарышка түшө тургандардын саны такталбай, 11 күндү «разборкага» короткондору үшкүрүнүшөт (об обращении в суд кандидатов, недовольных решением комиссии по госязыку). Жаргонизм *разборка* имеет негативную оценку, которая показывает, что в борьбе за власть «все средства хороши».

О нарушениях требований агитации на страницах газет:... *глава ЦИК не удержался от критики отдельных СМИ, нарушающих требования агитации. Это особенно касается кыргызскоязычных СМИ*;... *жөнөкөй элдин эмес, элитанын саясий маданияты өтө төмөн деп айтууга туура келет* (слово *элита* имеет негативную оценку в этом тексте, т.е. это люди, имеющие власть и злоупотребляющие своим положением).

Слово *закон* — *беззаконие* становится в центре внимания: *В числе приоритетов должны быть верховенство закона и единство.*

Кто победит — сила права, или право силы? (право — закон). Сразить беззаконие...

Большое место в публицистическом стиле занимает разговорная лексика и фразеология. Ее использование способствует демократизации стиля, делает его общедоступным, обеспечивает необходимым контактным читателем, воздействует на него (1. с. 87). *Придя к власти, президент на Конституции клянётся служить народу, чтить и не нарушать законы. И что же? После инаугурации у него вдруг отшибает память (отшибает память — фразеологизм с негативной оценкой, имеет просторечный характер, показывает недоверие народа к политикам).*

Выборы прошли. По прогнозам наших и зарубежных наблюдателей честно и прозрачно. *«Теперь общество ожидает от кандидатов, которые приняли участие в президентской гонке высокой политической культуры».* Но были и недовольные результатами выборов:

А. Мадумаров заявил, что результаты выборов не признаёт и требует создать специальную комиссию по счёту голосов. А народ просто хочет жить спокойно: *«Не митинги, а созидание».*

События марта 2012 года. 4 марта 2012 года состоялись выборы депутатов в городской кенеш города Ош. Список депутатов в горкенеш даётся партиями, количество депутатов зависит от результатов выборов. Поэтому в феврале 2012 года проходила агитация партий в городе Ош. Условно противоборствующие партии можно разделить на два лагеря, первый — партии, поддерживающие действующего мэра города М. Мырзакматова (партии *«Улуттар биримдиги»*, *«Ата журт»*, *«Бутун Кыргызстан»* и др.), второй — сторонники власти (партии *«СДПК»* — лидер

А. Атамбаев, *«Республика»* — лидер О. Бабанов и другие).

В городе шла настоящая информационная «борьба». Вот как описывает журналист газеты «Ош шамы» состояние горожан: *Ош эми өзүбүздүн эле бийлик кумарпоздорунун таламайына түшүп, эки ортодо чайналып чайпалган эл элтеңдеп араң турат. Бийлик кумарпоздору — игроки, фанаты власти, метафора, означающая тех, кто всеми способами старается заполучить власть в свои руки; чайналып чайпалган эл — буквально, народ прожёванный политиками и качающийся в разные стороны, не зная за кого проголосовать.*

Народ устал от мнимой демократии, революций, митингов и обещаний политиков: *Батыштын баш жутар демократиясына берилип (баш жутар демократия — демократия, приносящая жертвы, смерть), эки сөз сүйлөй албаган «эргулдардын» оозун карап (эргулдар — это слово является примером внутрисловной антонимизации, само слово эргул означает богатырь, но в данном тексте оно имеет негативную оценку политиков, которые выдвигают себя «баатырами» своего народа), жулунган «революционер» аялдар (слово революционер также в этом тексте имеет негативную оценку женщин, которые выходят на митинги и «орут» о правах народа), «убактылуулар» жүрөт да көлөкөлөрүнөн өтө жүгүрүшүп (убактылуулар — временные политики, которые боятся даже своей тени, боятся за своё место).*

На страницах городских газет встречаются призывы проголосовать и сделать свой правильный выбор. Много споров было и о списках избирателей: *Укуктук мамлекетти укуксуздары!* (оксюморон, показывает, что, хотя наша страна считается правовой, происходят много нарушений прав граждан — те, которых не включили в списки избирателей по разным причинам), причину этого видят в том, что (*кыргыздын «нежелательный» добушун жок кылуунун амалы*) властям выгодно не включать их в списки (в кыргызском тексте употребляется русское слово нежелательный, значит голосующие за их оппонентов). Таким событиям даётся такая оценка: *БШКнын чайкоочулук «фокустары»*, метафора *чайко-*

очулку «фокустары». Слово фокусы говорит о том, что имеют место нечестные меры.

Негативная оценка присутствует и в примерах, где говорится о беспечности, равнодушии, доверчивости народа: *кыкендердин манкуртттугу* (*кыкендер* — негативная оценка беспечным кыргызам; *манкурт* — не знающие ни истории народа, ни его традиций и кому «наплевать на будущее страны»); *аңкоо көзгө баары эле жайында болгондой көрүнөт* (*аңкоо* означает беспечный); *А биз болсо, президентпи, премьерби, мэрби, төрүбүзгө ким келсе кол чаап гана аванс берип келгенден чарчабадык* (*аванс* — верим (имеется ввиду простой народ) их обещаниям и рукоплещем, тогда, когда они ещё не показали себя на деле).

В газетах, поддерживающих действующего мэра, много примеров оценочной лексики, даётся негативная оценка действиям противоборствующих партий: *жүзү жылмаларга ишенбейбиз* (*жүзү жылмалар* — буквально с плоскими лицами, т.е. не показывающие открыто свою позицию); *президент өзү баш болуп, а балким эртең премьер төш болуп, кайсы бир «мамлекеттик маанилүү» башка иш чаралар уюштурулуп, жогорку персоналардын Ошко келиштеринин кажети барбы?* Это риторический вопрос, утверждающий, что нет необходимости устраивать такого рода «встречи» с народом перед выборами (сочетание... *баш болуп... төш болуп...* имеет разговорный характер, означает, что они заодно, слова *мамлекеттик маанилүү* — в тексте означает ненужные мероприятия). *Азыркы «кыйшаңдап» оюн көрөткөн жетекчилер* (слово *кыйшаңдап* имеет просторечный характер, буквально означает кривляющиеся, оценка политикам, которые не имеют определенного взгляда).

Чиновник «десанттар» келип, мурда болуп келгендей эле адаттарынан жазбай камчы үйрүп, опуза менен бийликтин партиясын өткөрүүгө айдактаганы эмне берет болду экен? (*десанты* — выполняющие задание вышестоящих).

Метафоры со словом *политический* также имеют негативный характер: *Ош калаасындагы айрым ме-*

кеме ишканалардын жетекчилери саясий «сойкулук» баштап... (*саясий «сойкулук»* — политическая проституция, продажные руководители); *саясий оюн* — политическая игра (о выключении света в городе) для того чтобы «очернить» ныне действующего мэра.

Мэрге каршы кара пиарды ким уюштурду? (Кто организовал чёрный пиар против мэра?), метафора чёрный пиар означает, что против мэра ведется информационная борьба. Так пишет об этом журналист газеты «Ош шамы»: *Ошто шайлоо жакындаган сайын каралоо технологиялары катуу иштеп, шаар мэри М. Мырзакматовду коомчулукка терс көрсөткөн материалдар жарыялана баштады.*

Следующие примеры имеют негативную оценку деятельности мэра: *Өзүм билемдик менен кайдагы кереги жок эстеликтерди тургузду* (*өзүм билемдик* — самовольничать, не советуясь с другими)

Түшпөс хан — так называют нынешнего мэра города, эта метафора означает, что мэр всеми способами старается сохранить власть, историзм *хан* приближает правление мэра к монархии.

В основном, в материалах предвыборных газет встречаются слова, имеющие негативную оценку, но встречаются и примеры, в которых даётся положительная оценка: *Мелис — кыргыздын кыраан бир уулу!* (*кыраан* — слово имеет положительную оценку, означает выдающийся, видный). *Президент «М. Мырзакматов иштей берсин» десе жүрөктөгү таштар ээрийби?! — о встрече А. Атамбаева с М. Мырзакматовым* (*жүрөктөгү таштар ээрийби?! — растают камни в сердце, т.е. очень приятно и отрадно слышать*).

Таким образом, можно сказать, что язык на газетной полосе служит средством выражения различной оценки. В силу того, что газетный стиль отличается динамичностью и злободневностью, он является источником отражения «текущего момента». Изменение экономического уклада и политического строя в стране приводят к быстрому обновлению лексики. Всё это отражается в языке и в первую очередь на страницах периодической печати;

Литература:

1. Введенская, Л. А., Пономарева А. М. Русский язык: культура речи, текст, функциональные стили, редактирование. 2000 г.
2. Березин, Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. — М.: Просвещение. 1979 г.
3. Григорьева, А. Н. Стилистика русского языка. М., 2000 г.
4. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка. М., 2005 г.
5. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
6. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988.
7. Современная публицистическая картина мира. Г. Я. Солганик

К вопросу о сравнительной характеристике фонемы [а] русского, узбекского литературных языков и хорезмского диалекта

Аллабергенов Бакварган Курамбаевич, кандидат педагогических наук, доцент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Чтобы полностью представить сходства и различия между русской, узбекской литературными системами и хорезмской диалектной подсистемой гласных нужно обратиться к данным акустико-артикуляционных особенностей фонем этих языковых систем.

Фонема [а] русского языка артикулируется следующим образом: кончик языка упирается в нижние зубы, а тело языка по горизонтали слегка продвинуто вперед, но корень языка отодвигается к стенке зева, по вертикали подъем языка самый низкий: язык лежит плоско, он как бы придавлен, и при энергичном произношении на передней части его спинки может образоваться небольшая вдавленность [4, с. 72].

Таким образом, русскую фонему [а] можно охарактеризовать как гласный среднего ряда, низкого подъема.

Данная фонема в современном русском языке употребляется в двух вариантах:

1. после твердых согласных — относительно задний вариант (среднего ряда);
2. после мягких — передний вариант (переднего ряда).

На вариант русской фонемы, который встречается рядом с твердыми согласными похожа фонема [о] узбекского литературного языка. Артикуляция этого звука имеет существенные отличия от артикуляции русского [о]. При артикуляции гласной фонемы [о] узбекского литературного языка рот открыт примерно так же, как и при русской [а], то есть приближается к ударному русскому звуку [а], но более открыт, чем русский [о]. Этот гласный является звуком самого широкого и самого заднего образования в сравнении с другими гласными узбекского литературного языка.

По горизонтали, в отличие от русского [а], кончик языка, а вместе с ним и вся его масса оттягивается назад от нижних зубов, то есть значительно заднего образования, чем фонемы [а] и [о] русского языка. Средняя часть спинки языка приобретает плоскую форму, «зона наибольшего подъема спинки языка находится в задней ее части, против мягкого неба» [3, с. 8], то есть значительно заднее, чем [а] и [о] русского литературного языка, так как чем больше открыт челюстной раствор, тем выше поднимается спинка языка и зона подъема отходит назад вглубь ротовой полости. Этот звук узбекского литературного языка и по своему звучанию (акустике) отличается от [а] и [о] русского языка: «... он воспринимается как звук, звучащий средне между русскими гласными [а] и [о]» [3, с. 41].

Когда речь идет об участии или неучастии губ при образовании фонемы [о] узбекского литературного языка,

мнения ученых расходятся. Одни исследователи констатируют участие губ при артикуляции этого гласного, другие — отрицают. О лабиализованности этой фонемы, то есть об участии губ при ее произношении говорили крупнейшие тюркологи — Е.Д. Поливанов, А.К. Боровков, А. Махмудов. По данному поводу следует отметить, что все эти ученые говорили об участии губ при произнесении фонемы [о] ташкентского городского диалекта. И.А. Киссен и академик В.В. Решетов, говоря о незначительном округлении губ в начале артикуляции, отрицают лабиализованность данной фонемы в независимой позиции и утверждают, что лабиализованность этой фонемы — условная, т.е. встречается лишь в ее вариантах (оттенках), в зависимости от соседних согласных, и, естественно, это не является основным признаком в характеристике данной фонемы.

Итак, фонема [о] узбекского литературного языка имеет некоторые черты лабиализованности, а лабиализованность русской фонемы [о] не вызывает никаких сомнений.

Фонема [а] хорезмского диалекта имеет существенные различия от фонемы [а] русского и узбекского языков. Эти различия проявляются в положении органов артикуляции при произношении фонемы [а] хорезмского диалекта, которое заметно отличается от положения органов артикуляции при произношении [а] русского и [о] узбекского литературного языков. Данная фонема хорезмского диалекта артикулируется более широким раствором рта, чем фонема [а] русского языка, но менее широким, чем фонема [о] узбекского литературного языка. По горизонтали кончик языка, а вместе с ним и вся его масса, оттягивается назад от нижних зубов больше, чем при русском [а], но заметно меньше, чем при узбекском литературном [о], то есть более заднего образования, чем гласный [а] русского языка, но сравнительно переднего образования, чем узбекский литературный [о]. По вертикали средняя часть спинки языка приобретает плоскую форму, как и при сопоставляемых фонемах русского и узбекского литературных языков.

Таким образом, фонема [а] хорезмского диалекта дает слуховой эффект звука среднего между русским [а] и узбекским [о].

Фонема [а] узбекского литературного языка по своим артикуляционным и акустическим свойствам резко отличается от русского [а]. В узбекском литературном языке в зависимости от качества рядом стоящих согласных, эта фонема употребляется в двух вариантах:

1. фонема [а] более задней артикуляции, чем обычное русское [а] в изолированном произношении;

2. фонема [a] более передней артикуляции, этот вариант является основным, обязательным, т.е. данный звук является «не оттенком, а вполне самостоятельной фонемой с широким диапазоном употребления» [6, с. 39], так как первый вариант является условным и произносится только в близком соседстве с глубокозаднеязычными согласными.

По своим акустическим свойствам данная фонема звучит близко к ударной русской [a] после мягких согласных, например, в таких словах как бязь, взять, зять, и другие.

Звук [e] — оттенок фонемы [э] хорезмского диалекта, который произносится только в первом слоге слова. При артикулировании данного звука хорезмского диалекта

раствор рта носит несколько закрытый характер, то есть менее открытый по сравнению с фонемой [a] русского и узбекского литературного языков, заметно уже, даже чем [a] (основной вариант) хорезмского диалекта; по горизонтали все тело языка продвигается вперед гораздо больше, чем при сравниваемых звуках русского и узбекского литературных языков и основного варианта хорезмского диалекта; кончик языка упирается к нижним зубам, тогда как при произношении переднего варианта русского [a] и [a] узбекского литературного языков лишь слегка прикасается к нижним зубам. По своей акустике этот звук хорезмского диалекта напоминает краткую разновидность туркменского долгого [e:], например, в слове б'э: ш' — пять».

Литература:

1. Абдуллаев, Ф. А. Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кипчакского наречий узбекского языка. — Ташкент: Фан, 1967.
2. Дмитриев, Н. Н. Грамматика кумыкского языка. — М., 1970.
3. Киссен, И. А. Курс сопоставительной грамматики узбекского и русского языков. — Ташкент, 1979.
4. Матусевич, М. И. Современный русский язык. Фонетика. Учебное пособие. — М.: Просвещение, 1976.
5. Поливанов, Е. Д. Краткая грамматика узбекского языка. — Ташкент, 1968.
6. Решетов, В. В. Узбекский язык. Часть I. Введение. Фонетика. — Ташкент, 1959.
7. Юдахин, К. К. Некоторые особенности карабулакского говора. — Ташкент, 1957.

О долготе гласных фонем хорезмского диалекта узбекского языка

Аллабергенов Бакварган Курамбаевич, кандидат педагогических наук, доцент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Гласные узбекского литературного языка, как и гласные русского литературного языка, в количественном отношении неодинаковы: одни гласные оказываются более длительными, другие — менее; в одних фонетических условиях гласные приобретают длительность, а в других — утрачивают ее и оказываются максимально краткими, например, гласные [y], [и] в соседстве с глухими согласными сокращают свою длительность: пучук [п (y) чук] — курносый, тиш [т'ш'] — зуб, а в соседстве с согласным [в] приобретают долготу: сувли [су: вли] — водный и т.д. [6, с. 34–35]. Все это говорит о том, что и в узбекском литературном языке длительность и краткость гласных являются фонетически обусловленными. Такого рода длительность гласных, то есть фонетический тип длительности, имеет место и в хорезмском диалекте, например: м'е: вэ — фрукты, м'е: йнэт — труд. Длительность у гласных появляется и в результате утрачивания конечных согласных: г'а: — иди сюда, са: — клади, ка: — оставайся и т.п.

Фонологический тип длительности или первичные долготы имеются в основном в якутском и туркменском языках, в меньшей степени в киргизском и тувинском. Из-

вестно также наличие такого рода гласных и в некоторых узбекских говорах — в огузском наречии (диалекте) Хорезма и в некоторых говорах Казахстана [7, с. 32].

В вокалической системе хорезмского диалекта, в отличие от русского и узбекского литературных языков, имеет место и другой тип длительности гласных — фонологический, представляющий собой случаи, когда долгота и краткость фонем является их постоянным признаком и можно установить в языке противопоставляющиеся ряды долгих и кратких гласных, то есть долгие гласные выполняют смыслоразличительную функцию, но, следует отметить то, что они не употребляются в грамматических формах и в основном произносятся в первом слоге слова, а в очень редких случаях встречается во втором слоге слова: хам'и: р — тесто, уз'и: н — длинный и другие.

В хорезмском диалекте все гласные фонемы, кроме [ъ], имеют свою долгую пару, которая в количественном отношении противопоставлена соответствующим гласным обычной долготы.

Фонема [и:] по количеству почти вдвое превышает длительность соответствующего гласного обычной долготы. При произношении этого звука раствор рта очень узкий,

чем при обычном, язык более продвинут вперед, то есть более переднего образовали, чем [и] обычной долготы данного диалекта. Зона наибольшего подъема передней части спинки языка также находится в более передней части, чем фонема [и] обычной долготы хорезмского диалекта и сравниваемые фонемы узбекского и русского литературных языков.

По дистрибуции этот долгий звук употребляется в основном в первом слоге слова и в большинстве случаев выполняет дифференцирующую функцию, то есть фонологическую, например: и: з — след, жи: н — черт.

Долгое [и:] иногда может появляться и во втором слоге, в этих позициях оно не имеет дифференцирующего значения, «... а служит, как думается, для укрепления первого открытого слога» [1, с. 27–33].

В очень редких случаях, буквально в нескольких словах, после заднеязычного [ы] начинается [и] и быстро переходит в «... совершенно отчетливое и длительное [и]» [7, с. 33]. Например: к: з — девушка.

Фонема [у] имеет соответствующую долгую пару [у:]. Это длинный узкий огубленный звук хорезмского диалекта. Аналогичная фонема отсутствует и в узбекском, и в русском литературных языках. Данная фонема по горизонтальному движению языка более передняя, а по движению языка по вертикали — более верхняя, то есть данный звук более переднего ряда и более верхнего подъема, чем [у] обычной долготы.

По дистрибуции этот звук встречается только в первом слоге слова и не выполняет фонологической функции, например: д'у: ш — сон, г'у: ч — сила и другие.

Долгая фонема [у:] в сравнении с соответствующим кратким звуком [у], гораздо более долгий и напряженный звук. Этот звук несколько длиннее русского и узбекского литературного [у] обычной долготы. По артикуляции он более напряженный гласный и менее открытый, причем открытость выражается не только в более высотой положении спинки языка, но и в более сильной лабиализации, чем [у] хорезмского диалекта, русского и узбекского литературного языков.

По своей дистрибуции долгий [у:] ограничивается первым слогом слова, например: буз — разрушай, но [бу: з] — лед, тут — держи, но ту: т — тутовник.

Литература:

1. Абдуллаев, Ф. А. Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кипчакского наречий узбекского языка. — Ташкент: Фан, 1967.
2. Дмитриев, Н. Н. Грамматика кумыкского языка. — М., 1970.
3. Киссен, И. А. Курс сопоставительной грамматики узбекского и русского языков. — Ташкент, 1979.
4. Матусевич, М. И. Современный русский язык. Фонетика. Учебное пособие. — М.: Просвещение, 1976.
5. Поливанов, Е. Д. Краткая грамматика узбекского языка. — Ташкент, 1968.
6. Решетов, В. В. Узбекский язык. Часть I. Введение. Фонетика. — Ташкент, 1959.
7. Юдахин, К. К. Некоторые особенности карабулакского говора. — Ташкент, 1957.

Фонема [э] имеет соответствующую долгую пару, которая отсутствует в узбекском и русском литературном языках, данная фонема отличается от своей краткой пары более передней артикуляцией и более высоким подъемом передней части спинки языка к мягкому небу.

Фонема [о:] — долгая пара заднего полуширокого [о] обычной долготы — отсутствует в русском и узбекском литературном языках.

Артикуляция этой фонемы отличается от артикуляции фонемы обычной долготы тем, что при произнесении долгого [о:] губы выпячиваются вперед больше, то есть это более огубленный гласный звук, по горизонтали тело языка отходит назад меньше, а по вертикали средняя часть спинки языка поднимается к мягкому небу больше, чем при краткой паре и [о] обычной долготы. Данный звук встречается только в первом слоге слова и в большинстве случаев выступает в роли смыслоразличителя.

Фонема [а:] — самый глубокий, самый широкий звук хорезмского диалекта, который отсутствует и в узбекском литературном, и в русском языках. По артикуляции это более напряженный гласный, то есть большая открытость выражается в более низком положении задней части спинки языка. Акустически по длительности он гораздо превышает длительность ударного русского

Долгий [а:] преимущественно встречается в первом слоге слова и в большинстве случаев выступает в роли смыслоразличителя, например: аш — переваливай, а: ш — пища; аз — мало, а: з — похудей.

Фонема [а:] — долгая пара соответствующего переднего [а] обычной долготы, который отсутствует и в узбекском, и в русском литературном языках. По дистрибуции встречается только в первом слоге слова и в очень редких случаях выполняет фонологическую функцию, например: г'ама — не приходи, но г'а: ма — корабль.

Таким образом, в отличие от узбекского литературного и русского языков долгота гласных в хорезмском диалекте имеет фонологическое значение, все гласные кроне [ь] имеют долгую пару, которая в количественном отношении противопоставлена соответствующим гласным обычной долготы, а фонема [а:] имеет фонологическое значение в очень редких случаях.

Формирование деривационного типа с заимствованным латинским префиксом *trans-* в английском языке

Бартков Борис Ильич, доцент, ассистент;

Василенко Анна, ассистент

Дальневосточное отделение Российской академии наук

О префиксе *trans-* писали многие лингвисты [12; 15; 16; 18; 19].

Так, известный автор [19] сообщает, что префикс *trans-* латинского происхождения образует слова по латинской модели, например: *transrhenanus* «расположенный на другой стороне Рейна» и *trans-formare* «изменить форму». Английский язык начал имитировать эти типы с XVI века, но большинство образований приходится на XIX век или позднее [19].

Хотя слова *Trans-marine* (1583), *transalpine* (1590), *transpadane* (1617), *transmontane* (1727), *transfluvial* (1806) имеют корреляты в латинском языке, но более поздние слова являются результатом префиксации английских прилагательных, например: *transatlantic* (1779); а также более новые: *transarctic*, *transequatorial*, *trans-isthmian*, *transpolar*, *trans-Andean*.

Примерно с 1850 года префикс *trans-* присоединялся к существительным, например: *trans-frontier*, *transborder*, *trans-Mississippi*, *trans Ural*, *trans-Baikal*.

Производные прилагательные могут иметь значение «проходящий через и сквозь» как в словах: *trans-American*, *trans-African*, *trans-Sibirean*, *trans-Canadian*, *trans-Balkan*, *trans-world*. В общенаучной лексике *trans-* имеет значение «Превосходный, превосходящий», например: *transconscious*, *transempirical*, *transexperiential*, *transfinite*, *transhuman*, *transmaterial*, *transmental*, *transnormal*, *transrational*, *transsensual*, *transsubjective*. С глаголами *Trans-* соединяется не столь часто. Так, в среднеанглийских заимствованиях (из французского и латыни) — *transform*, *transfigure*, *transfigure* — можно выделить значение «измени что-л». Но с середины XVI века *trans-* можно считать деривационной морфемой в отсубстантивных глаголах, например: *transnature* (1567), *transshape* (1575), *transfashion* (1601), *transplace* (1615), *translocate* (1624), *transspeciate* (1643), *transdialect* (1698), *transliterate* (1861) [19; 21].

Однако до сих пор отсутствует качественно-количественное описание следующих вопросов:

1. Из скольких деривационных моделей складывается тип?
2. Когда возникла и как формировалась в диахронии каждая модель?
3. Каковы синхроническая и диахроническая продуктивности каждой модели и типа в целом?
4. Сколько словообразовательных значений (семем) сформировалось у префикса *trans-* в диахронии и какова их продуктивность у лексем данного типа?
5. Как изменяется средняя полисемичность (многозначность) лексем в диахронии?

6. К каким терминосистемам принадлежат дериваты с префиксом *trans-*

7. Какие стилистические пометы встречаются у лексем этого типа?

1. Формирование моделей типа с *trans-* в диахронии.

Проанализировав все лексемы с *trans-*, извлеченные из крупнейшего в мире хронологического словаря английского языка [21], содержащего 606 тыс. словарных статей [20], мы установили следующее (Табл. 1).

Сначала заимствовались лексемы из латинского языка целиком (см. колонку «*loans*»). Этот процесс начался в XIV веке и продолжался вплоть до XX века включительно. Его вклад в общую продуктивность типа ($Pd=504$ лексемы) составляет 98 заимствований (19,4%).

В основном в XVI веке начинают формироваться три основные структурные деривационные модели:

1. Модель $T+n=n$ ($Pd=152$);
2. Модель $T+a=a$ ($Pd=199$);
3. Модель $T+v=v$ ($Pd=126$).

Рассмотрим этот процесс подробнее (Табл. 1).

Итак, первые **заимствования** датируются XIV веком: *transcend* (1300–1350), *transform* (1300–1350), *transfer* (1350–1400).

В XV веке появилось еще 6 заимствований, например: *transformation* (1432), *transgression* (1426), *transmigrate* (1430), *transmigration* (1440), *transmutable* (1460), *transmute* (1494).

В XVI веке появилось 44 заимствования, например: *transcorporate* (1570), *transformate* (1571), *transcendent* (1598), *transcur* (1528), *transcription* (1598), *transcribe* (1552), *transelement* (1567), *transference* (1571), *transfigure* (1571), *transfige* (1548), *transfusion* (1578), *transilition* (1582), *translative* (1589), *transmarine* (1583), *translate* (1598), *transnomination* (1561), *transon* (F, 1513), *transpiration* (1562), *transpire* (1597), *transposition* (1538), *transfix* (1580–90), etc. В XVII веке было зафиксировано 37 заимствований, например: *transcension* (1611), *transactor* (1611), *transcendence* (1601), *transcurrent* (1608), *transcursion* (1624), *transduction* (1656), *transformative* (1671), *transfretation* (1612), *transfume* (1623), *transfund* (1670), *transfuse* (1601), *translucid* (1626), *transmiss* (1647), *transmutative* (1611), *transparency* (1615), *transponent* (1612). В XVIII веке заимствовано 3 лексемы: *transcendental* (1700), *trans-rhenane* (1727), *transudatory* (1752).

В XIX веке зафиксировано 5 заимствований: *transfluent* (1828), *transfluvial* (1848), *transgression* (1851), *transmutant* (1858), *transpalmar* (1891).

Таблица 1. Формирование моделей с префиксом trans- в диахронии

Век	Loan	Модели						Всего	%
		T+n=n T+n=n	T+a=a	T+v=v	T+n=v	T+v=n	T+n=adj		
14	3	1	-	2	-	-	-	6	1.2
15	6	1	-	-	-	-	-	7	1.4
16	44	31	16	20	1	1	-	113	22.4
17	37	42	51	52	5	-	-	187	37.1
18	3	10	8	14	-	-	1	36	7.1
19	5	32	24	36	-	-	1	98	19.5
20	-	35	20	2	-	-	-	57	11.3
Сумма	98	152	199	126	6	1	2	504	-
%	19.4	30.1	39,48	25.00	1.20	0.20	0.40	100%	100%

В XX веке приток заимствований, по-видимому, прекратился.

Неологизм с префиксом trans-: Transfect (1964).

I. Итак, первые **заимствования** датируются XIV веком: transcend (1300–1350), transform (1300–1350), transfer (1350–1400).

В XV веке появилось еще 6 заимствований, например: transformation (1432), transgression (1426), transmigrate (1430), transmigration (1440), transmutable (1460), transmute (1494).

В XVI веке появилось 44 заимствования, например: transcorporate (1570), transformate (1571), transcendent (1598), transcur (1528), transcription (1598), transcribe (1552), transelement (1567), transference (1571), transfigure (1571), transfige (1548), transfusion (1578), transilition (1582), translative (1589), transmarine (1583), translate (1598), transnominatation (1561), transon (F, 1513), transpiration (1562), transpire (1597), transposition (1538), transfix (1580–90), etc.

В XVII веке было зафиксировано 37 заимствований, например: transcension (1611), transactor (1611), transcendence (1601), transcurrent (1608), transcurion (1624), transduction (1656), transformative (1671), transference (1612), transfume (1623), transfund (1670), transfuse (1601), translucid (1626), trans-miss (1647), transmutative (1611), transparency (1615), transponent (1612).

В XVIII веке заимствовано 3 лексемы: transcendental (1700), trans-rhenane (1727), transudatory (1752).

В XIX веке зафиксировано 5 заимствований: transfluent (1828), transfluvial (1848), transgression (1851), transmutant (1858), transpalmar (1891). В XX веке приток заимствований, по-видимому, прекратился. Рассмотрим процесс формирования собственно деривационных моделей.

II. **Модель trans-+n=n** начала формироваться еще в XIV–XV веках: translation (1350), translating (1460). Но ощутимый поток новообразований начался в XVI веке — 31 лексема, например: transitoriness (1590), transformer (1594), transgress (1526), transpire (1598), translatorship (1573), translucency (1576), transporting (1500), transposing (1550), transposition (1538).

В XVII веке было зафиксировано 50 лексем: transpadane (1617), translocation (1624), transplantation (1601), transplanter (1611), transplanting (1608), transport (1611), transportment (1619), transtemporation (1649), transcendentness (1625), transact (1659), transvolation (1649), translatress (1684), translation (1601). В XVIII веке зафиксировано 10 лексем: transmigrator (1743), transparentness (1724), transplant (1756), transcendingness (1717), transferability (1776), transferee (1736), transmitter (1765), transportableness (1788), trans version (1789).

В XIX веке было обнаружено 32 лексемы: transliteration (1861), transliterator (1867), translocalization (1888), translucent (1826), transmuscle (1836), transmutationist (1844), transmutter (1826), transnihilation (1820), transposer (1882), translimitation (1845), transcendentalization (1846), transcendentalism (1803), transductor (1890), transferor (1875), transfigurment (1865), transformationist (1863), transformist (1879), transfusionist (1881).

В XX веке зафиксировано 35 лексем: Transtage (1965), transbus (1973), transfinite (1903), translationese (1957), translatorese (1915), transreceiver (1942), transreverine (1900), transmepilation (1940), transpeptidation (1950), transphasor (1979), transposon (1974), transitivity (1964).

Таким образом, диахроническая продуктивность модели равна 152 лексемам (т.е. Pd=152), что составляет 31.9% всех лексем типа.

III. **Модель trans-+a=a** (давшая 119 лексем, то есть 23.6% типа) начала формироваться в XVI веке и произвела 16 лексем, например: transplendent (1541), transitive (1560), translative (1589), translucent (1578), transubstantial (1569); В XVII веке обнаружено 51 лексема: translations (1611), transpassable (1614), transpenetrable (1615), translunary (1627), transmigrable (1689), transmissible (1644), transmissive (1649), transplantable (1656), transportive (1622).

В XVIII веке мы обнаружили 8 лексемы: transmundane (1777), translatable (1745), translatory (1753), transpositive (1783).

В XIX веке появилось 24 лексемы: trarelational (1813), transperitoneal (1891), transmeridional (1883), transmigratory (1816), transmural (1851), transnivean (1854), trans-

normal (1853), transplantar (1891), transponible (1891), transposable.

В XX веке зафиксировано 20 лексем: transplutonium (1955), transnational (1921), transmortal (1932), transmarginal (1902), transmaterial (1903), transmental (1905), transpersonal (1905), transprovincial (1916). Отметим, что наибольшее количество лексем этой модели появилось в XVII веке (51 лексема) и в XIX веке (24 лексемы). В целом, диахроническая продуктивность этой модели равна 199 лексемам (т.е. $Pd=152$), что составляет 39,5% всех лексем типа.

IV. Модель **trans-+v=v** возникла в XIV веке: transmute (1374), translate (1300); В XVI веке было образовано 20 лексем: transpour (1585), transmove (1590), transpass (1592), transcribe (1552), transept (1538). В XVII веке образовано 52 лексемы: transpatronize (1609), transluce (1609), transmeat (1656), transmogrify (1624), transmutate (1632), transnate (1623), transnominate (1623), transpare (1604). В XVII веке 14 лексем, например: transmodify (1774), transship (1792), transvert (1789). В XIX веке появилось 36 лексем: translade (1881), translay (1849), transparish (1819),

transliterate (1861), translocate (1832), transmake (1844), transmigure (1876), transmould (1855). В XX веке зафиксировано 2 лексемы: transativize (1964); transcode (1962).

V. Модель **trans+n=v** в XVI веке дала 1 лексему: transnature. В XVII веке 5 слов: transdialect, transearth, transverse, transprose, transclout.

VI. Модель **trans+v=n** дала 1 лексему в XVI веке: trans-shape.

VII. Модели **trans+a=n** дала 1 лексему в XIX веке (transborder) и 1 лексему в XX веке (trans-bay).

2. Словообразовательное значение дериватов с префиксом trans-

Диахронический анализ лексем с префиксом trans- показывает, что в семантической структуре типа можно выделить 9 основных значений (семем (Табл. 2), причем 12 семем возникло в 14 веке (1.6%), 32 семемы возникло в 15 веке (4.4%), 100 семем возникло в 16 веке (13.6%), 163 семемы в 17 веке (22.2%), 71 семема в 18 веке (9.8%), 202 семемы в 19 веке (27.5%), 165 семем в 20 веке (22.5%). Наибольшее количество семем пришлось на 19 и 20 век, а наименьшее на 14 век.

Таблица 2. Анализ формирования семем с префиксом trans- в диахронии

Семемы	ВЕК							Всего	%
	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX		
Beyond smth.	-	1	24	12	-	43	38	118	16,1
Change	2	1	20	34	-	15	8	85	11,6
Across, crossing		1		4	1	46	29	81	11,0
Over smth.	-	-	2	30	-	15		47	6,4
Transending, surpassing	-	-	-	5	-	18	20	43	5,9
Through smth.	-	-	1	-	-	2	25	28	3,9
The action of transforming	-	1	2	9	-	1	-	13	1,8
Passing across	-	2	-	1	-	10	-	13	1,8
Transfer from smth. into smth.	-	-	-	3	-	1	3	7	1,0
Прочие	10	26	51	65	70	51	42	299	40,7
Сумма	12	32	100	163	71	202	165	734	-
%	1,6	4,4	13,6	22,2	9,7	27,5	22,5		100

а. Анализ таблицы показывает, что формирование семемы «**beyond smth**» началось в XV–XVI веках, например: transmarine (1583), transnatural (1569), transcend (1513), transsubstantial (1567), transmeridian (1500), transeminent (1642), translunary (1627), transuterine (1830), transmural (1851), trans-sensual (1807), transdiurnal (1848), transfrontier (1877), trans-stellar (1888), transhuman (1812), transnivean (1854), trans-parish (1819), transempirical (1904), transmortal (1932), transmarginal (1902), transmental (1905). Общая продуктивность этой семемы равна 118 значениям, а наиболее продуктивными являются XIX и XX века.

б. Семема «**change**» состоит из 85 значений, например: transmew (1374), transpose (1a.380), transmutable (1460), transnomination (1561), transcorporate (1570), transnature (1567), transfasion (1601), trans-style (1611), transessensiate (1675), transforation (1664), transcolour

(1664), transfeminate (1646), transexion (1646), transqualify (1652), transmentation (1647), transmaterialation (1866), transfiature (1875), transconformation (1954), transstage (1965), transfinalization (1965). Наиболее продуктивным периодом является 17 век.

с. Семема «**across, crossing**» включает в себя 81 значение: transversal (1440), transunite (1652), transverse (1621), transfretation (1612), transrhenane (1727), transfluvial (1806), transpolar (1850), transplantar (1891), transfrontal (1889), transinsular (1889), transaquatic (1834), transchannel (1894), trans-equatorial (1900), transracial (1971), trans-synaptic (1954), transconfessional (1975), trans-global (1953), причем наиболее продуктивными являются XIX и XX века.

д. Семема «**over smth**» состоит из 47 значений, например: transact (1584), transgress (1578), transmount

(1600), transpassage (1603), transcurrent (1608), transpassable (1614), transferable (1646), transnominate (1623), transpontine (1844), transitable (1843). Наиболее продуктивным является 17 век.

е. Семема «**transcending, surpassing**» включает в себя 43 значения лексем, например: trans-spiritualized (1683), transcendency (1615), trans-subjective (1887), trans-solid (1898), transphenomenal (1897), transmaterial (1903), transpersonal (1905), transpolitical (1916), trans-cultural (1958). Наиболее продуктивным является 20 век.

і. Семема «**through smth**» используется в 28 дефинициях: Transorbital (1852), transpulmonary (1902), transthoracic (1905), transcrystalline (1916), transdermal (1945). Наиболее продуктивным является 20 век.

g. Семема «**the action of transforming**» используется в 13 значениях, например: transformation (1432), transubstantiate (1584), transchange (1598), transmoving (1590), transclout (1647), transvenom (1667), transmorphizn (1888). Наиболее продуктивным оказался 17 век.

h. Семема «**passing across**» используется в 13 дефинициях: transit (1440), transmit (1450), transcension (1611), transsegmental (1890), transmedian (1876), transilluminate (1890). Наиболее продуктивный — 19 век.

і. Семема «**transfer from smth into smth**» состоит из 7 дефиниций: transaminate (1608), transpatronize (1609), transdignify (1655), transboard (1807), transmethilation (1940), transferee (1948).

3. Изменение средней полисемичности лексем в диахронии.

Как известно, вновь появившаяся лексема имеет одно значение [2; 19]. Специалистов по семантике (семасиологии) интересует вопрос о том, откуда и как появляются многозначные (полисемичные) лексемы [1; 2; 10; 13].

Исследуя семантику лексем английского языка диахронически, мы ввели специальный показатель — среднюю полисемичность лексемы за определенный век (S^*), а именно: $S^* = S / P_s$, где P_s — синхроническая продуктивность, то есть количество лексем, появившихся за данный век; S — сумма значений всех этих лексем [3; 6].

Таблица 3. Изменение средней полисемичности в диахронии

Век	Сумма значений, S	Синхроническая продуктивность, P_s	Средняя полисемичность, S^*
XIV	28	6	4.7
XV	20	7	2.8
XVI	172	113	1.5
XVII	240	185	1.4
XVIII	51	36	1.4
XIX	135	97	1.3
XX	65	58	1.1
Сумма	734	504	1.5

Примечание: S-сумма значений лексем за век, P_s — количество лексем за век, S^* — средняя полисемичность лексем за век.

Диахронический анализ наших данных показывает (Табл. 3), что 6 лексем, образованных в **XIV веке**, в среднем имеют по 4.7 знач./ лек., например: transport (5 знач.), transpire (4 знач.), transpose (6 знач.), transform (5 знач.). В **XV веке** на лексему в среднем приходится 2.8 знач./ лекс. Лексемы, появившиеся в **XVI веке**, в среднем дают 1.5 знач./ лекс. (примеры: transcribe, transient, transition, transitive). Лексемы XVII века в среднем имеют по 1.4 знач./лекс. (например, transformative, transalpine, transe). У 36 лексем, появившихся в XVIII век, средняя полисемичность равна 1.4 знач./лекс. (например, transmitter, translatory, transatlantic). В XIX веке в среднем на лексему приходится по 1.3 знач./лекс. (например, transactional, transductor, transliterate, transmittance). Лексемы, образованные в XX веке, в среднем имеют по 1.1 знач./ лекс. (например, transponder, transuranic, transactivation, transceiver, transignification).

Таким образом, в результате количественного анализа семантики 504 лексем деривационного типа с префиксов trans- наблюдается следующая закономерность: «Чем старше лексемы, тем они полисемичнее (многозначнее)».

Заметим, что проделанный аналогичным образом тщательный количественный анализ исчерпывающе полных выборок 30 суффиксальных и префиксальных деривационных типов английского языка показал существование той же закономерности: «Чем старше лексема, тем она многозначнее, и наоборот». Иными словами, «**одной из объективных причин многозначности является возраст лексемы**» [3; 6; 7; 8; 9; 22; 23].

4. Стилистическая соотнесенность дериватов с префиксом trans-

Диахронический анализ значений позволил выявить 111 лексем, имеющих один из шести видов стилистических помет (Табл. 4).

Таблица 4. Стилистическая соотнесенность дериватов с префиксом trans-

Стилистические пометы	Век							Всего	%
	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX		
Rare			3	41	3		10	57	51.3
Now rare	2		1	20		1		24	21.6
Spec.				3		5	2	10	9.0
Obs.	3	1	3	1	1			9	8.1
Arch.	2		2	1				5	4.5
Now hist.	1			1	1	1	1	5	4.5
Colloq.						1		1	0.9
Всего	8	1	9	67	5	8	13	111	
%	7.2	0.9	8.1	60,3	4.5	7.2	11.7		100

К концу 20 века значения слов данного словообразовательного типа употребляются редко, 9 дериватов с префиксом trans занимают промежуточное положение между редко употребляемыми и устаревшими. Некоторые значения появившись в языке, через какое-то время переставали употребляться и становились архаичными.

Наиболее многочисленной является помета **«rare»** — 57 случаев (51,3%).

В XVI веке стали редко употребляться такие лексемы, как *transpirative*, *transplendent*, *transcolate*. В XVII веке 41 значение имеет эту помету: *transcolour*, *transdialect*, *transessentiate*, *transfeminate*, *transqualify*, *transvenom*, *transcension*, *transilience*, *transmigrant*, *transmit*, *transparence*. В XVIII веке встретилось 3 лексемы с данной пометой: *translator*/, *transpirative*, *transcribble*.

На XX век приходится 10 редких лексем: *transempirical*, *transmaterial*, *transilluminate*, etc.

Помета **«now rare»** появилась у лексем в XIV веке: *translate* (в значении *change form, appearance or substance*), *transngurate*; 1 в XVI веке — у одной лексемы: *transamination*. В XVII веке отмечено 20 лексем с этой пометой: *transitive*, *transcribe*, *translucent*, *transplace*. В XIX веке всего один случай: *transpire*. Всего выявлено 24 лексемы с данной пометой.

С пометой *spec.* было найдено всего 10 случаев: три в XVI веке: *translator*, *transfusion*, *transom*; 5 в 19 веке: *transformer*, *transilient*, *transpontine*, *transmitter*, *transplant*; 2 в 20 веке: *transhumance*, *transposon*.

Помета **«obs»** обнаружена у 9 лексем. Три пометы обнаружено у лексем XIV века (*transumption*), одна — в XV веке (*transverse*), три — в XVI веке (*transfretation*, *transcript*), в XVII веке и в XVIII веке обнаружено по 1 помете (*transpeciate*, *transmission*).

Помета **«arch»** обнаружена у 5 лексем. В XIV веке обнаружено 2 случая (*transmew*, *transmutation*). В XVI веке — еще 2 пометы (*transshape*, *transcendentia*). В XVII веке одна помета: *transalpine*.

С пометой **«now hist»** обнаружено 5 лексем: одна в XIV веке (*transaction*), одна в XVII веке: (*transplantation*), одна в XVIII веке (*transportable*), одна в XIX веке (*transformism*) и одна в XX веке (*transjordanian*).

Была обнаружена 1 дефиниция с пометой **colloq**: *Transsient*.

Коэффициент стилистичности равен следующей величине: $K_{ст} = 111 / 504 = 0,22$.

5. Терминологическая соотнесенность дериватов с префиксом trans-

Диахронический анализ лексем данного словообразовательного типа позволил выявить 132 терминологических пометы, относящиеся к 24 областям науки и техники (Табл. 5).

Коэффициент терминологичности равен величине: $K_{терм} = 134 / 504 = 0,26$. Наиболее многочисленными являются термины **биохимии**, причем все 64 лексемы появились в XX веке! Например *transconformation*, *transhydrogenase*, *transketolase*, *transpeptidation*, *transferase*, *transferrin*, *transactivation*, *transaminase*, *transposase*. В области **биологии** появилось 15 терминов (все в XX веке!), например: *transconjugant*, *transdetermination*, *transmembrane*, *trans-species*, *trans-specific*. Обнаружено 6 **химических** терминов: *transannular*, *transoid*, *transplutonium*. Помета **Med** обнаружена у 7 лексем: *transdermal*, *transcortical*, *trans-mural*, *trans-thoracic*, *transurethral*, *trans-fixion*, *trans-plant*; *geol.* *transgress*, *transcurrence*. В **области права** было обнаружено 5 терминов: в XVI веке — один (*transferee*), в XVII веке — один (*transpire*), в XVIII веке — один (*transitory*), в XIX в. — два (*transferor*, *translative*). В области **физики** обнаружено 4 термина (*transmittance*, *transmute*). В области **математики** — три термина (*transmit e*, *transform*, *transpose*); В области **лингвистики** — 2 термина (*transderivational*, *transformational*); один термин обнаружен в области **музыки**: (*transition*) И один — в **грамматике** (*transitively*). В области **электроники** — два: (*ransputer*, *trans-conductance*). В **астронавтике** — 2 термина (*transearth*, *trans-tage*). В **философии** — два термина (*transphenomenal*, *transcendent*). А также по два термина в сферах **теологии** (*transmake*, *transaccidentation*) и **микробиологии** (*transduce*, *transfection*). Следует отметить высокий процент лексем с префиксом trans-, имеющих терминологические пометы — 26% лексем всего типа.

6. Фонемное тяготение префикса trans- к инициалам ПО.

Таблица 5. Терминологическая соотнесенность дериватов с префиксом trans-

Терминосистема	Век							Всего	%
	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX		
Biochem.	-	-	-	-	-	-	64	64	48.4
Biol.	-	-	-	-	-	-	15	15	11.3
Med.	-	-	-	-	1	2	4	7	5.3
Chem.	-	-	-	1	-	-	5	6	4.6
Law	-	-	1	1	1	2	-	5	4.0
Physics	1	-	-	1	-	1	-	4	3.0
Theol.	-	-	1	-	-	1	-	3	2.3
Physiol.	-	-	-	-	1	1	-	3	2.3
Math.	-	-	1	1	-	-	-	3	2.3
Astronaut.	-	-	-	1	-	-	-	2	1.6
Geol.	-	-	-	1	-	-	-	2	1.6
Ling.	-	-	-	-	-	1	-	2	1.6
Philos.	-	-	-	1	-	1	-	2	1.6
Genetics.	-	-	-	-	-	1	1	2	1.6
Electronics	-	-	-	-	-	-	2	2	1.6
Microbiol.	-	-	-	-	-	-	2	2	1.6
Entomol.	-	-	-	1	-	-	-	1	1.0
Psychol.	-	-	-	-	-	1	-	1	1.0
Algebra.	-	-	-	-	-	1	-	1	1.0
Astrol.	-	-	-	1	-	-	-	1	1.0
Econom.	-	-	1	-	-	-	-	1	1.0
Music	-	-	-	1	-	-	-	1	1.0
Gram.	-	-	1	-	-	-	-	1	1.0
Logic	-	-	-	-	-	1	-	1	1.0
Всего	1	-	5	9	4	13	98	132	100
%	1.0	-	4.0	6.8	3.0	9.8	74.2	-	100

В середине XX века было обнаружено, что некоторые суффиксы английского [1], немецкого () и русского [] языков тяготеют к определенным фонемным исходам производящих основ (Jespersen, 1942; Степанова, 1953; Земская, 197).

Позднее в результате количественного анализа английского словаря среднего объема (Консайз) было показано, что да, такое тяготение существует у всех 75 суффиксов существительных (Иван) и 23 суффиксов прилагательных (Лесина), извлеченных из этого словаря.

В свое время мы проанализировали все префиксальные лексемы, содержащиеся в одном из крупнейших толковых словарей английского языка объемом в 600 тыс. словарных статей (), и количественно показали существование избирательного тяготения префиксов mis- () и well-, ill- () к финалям ПО.

В данной работе мы решили проверить, существует ли избирательное тяготение префикса trans- к инициалам ПО (Табл. 6).

Таблица 6. Фонемное тяготение префикса trans- к инициалам ПО

Фонема	Кол-во	%	Примеры	Hayden
[s]	75	14.9	Transsubjective, transspirit	3,4
[f]	72	14.3	Transform, transfix	1,8
[p]	65	12.9	Transpass, transpersonal	2,4
[m]	50	9.9	Transmutation, transmove	3,1
[l]	36	7.2	Translight, transliteration	4,4
[v]	33	6.6	Transview, transvest	2,2
[k]	31	6.2	Transcontinental, trans-cultural	2,8
[n]	24	4.8	Transnormal, transnatural	7,7
[r]	15	3.0	Transreverine, transrational	3,4
[I]	14	2.8	Transindividual, transilluminate	9,0
[o:]	14	2.8	Transorbital, transocular	-

[d]	12	2.4	Transdialect, transdermal	4,5
[ju]	12	2.4	Transurethral, tran-Euphrates	-
[&]	10	2.0	Transaction, transalpine	-
[g]	9	1.8	Trans-global, transgression	0,9
[e]	8	1.6	Transelement, transempirical	-
[w]	8	1.6	Transwaft, transworld	-
[b]	7	1.4	Transboard, transbus	1,7
[neutr]	2	0,4	Trans-Alaska, transatlantic	10,3
[t]	2	0,4	Trans-Tibet, transtracheal	7,7
[sh]	2	0.4	Trans-shape, trans-ship	-
[dij]	2	0.4	Transjordanian, transgenic	-
[ou]	1	0,2	Transocean	—
[z]	-	-		2,9
[i:]	-	-		1,6
Прочие	-	-		30,2
Сумма	504	100%		

(Jespersen, 1942; Степанова, 1953; Земская, 1973; Бартков и др. 1979, 1980; Минина, Бартков, 1980).

Анализ полученных результатов показывает, что префикс trans- избирательно присоединяется к инициальным фонемам ПО. Нами установлено, что на морфемном шве префикса trans- используется только 23 из 44 фонем английского языка, выделяемых фонетистами. Отметим, что 3 наиболее многочисленных инициали ПО { [s, f, p]}

дают 42,1% случаев. На пять многочисленных инициалий { [s, f, p, m, l]} приходится 59,2% случаев. А на наиболее многочисленные 7 фонемных инициаций { [s] (14,9%), [f] (14,3%), [p] (12,9%), [m] (9,4%), [l] (7,2%), [k] (6,2%), [v] (6,6%)} приходится 79,1% всех инициалий. Следовательно, существует сильное фонемное тяготение не только суффиксов, но префиксов.

Литература:

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2005. — 576 с.
3. Бартков, Б.И. Количественная семантика английских деривационных типов // Форма и содержания единиц языка и речи. Владивосток: Дальнаука, 1998. с. 3—12.
4. Бартков, Б.И. Количественный деривативный английский язык (300 аффиксов научного стиля и литературной нормы). Препр. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. 63 с.
5. Бартков, Б.И. О статусе некоторых постфиксальных словообразовательных формантов в современном английском языке // Особенности аффиксального словообразования в терминосистемах и норме. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. с. 63—91.
6. Бартков, Б.И. 45 лет в глоттологии и глоттографии // Квантитативная дериватология, дериватология, фразеология и паремология германских, славянских и романских языков (Материалы Юбилейной Международ. Конф., посвящ. 30-летию функционир. Владивосток. Лингвист. Круга. (7—9 сентября 2009 г.). Владивосток: ПИППКРО, 2010. с. 3—51.
7. Бартков, Б.И., Лейних И.Р. Синхронно-диахронное количественное описание исконного английского префикса MIS- // Труды ДВГТУ, вып. 128, 2001. с. 196—203.
8. Бартков, Б.И., Сапегина Н.Г. Формирование деривационных типов с антонимичными префиксами ILL- / WELL- в английском языке // Труды ДВГТУ, вып. 128, 2001. с. 186—196.
9. Бартков, Б.И., Федюкина А.В. Возникновение, структура и функция деривационной модели с суффиксом — (o) logy в английском языке // Словообразовательная номинация в терминосистемах и норме. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. с. 20—48.
10. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // ВЯ. 2004. № 3. с. 20—45.
11. Иванова, И.П. (Ред.) Структура английского имени существительного. М.: Высш. шк., 1975. 168 с.
12. Карашук, П.М. Словообразование английского языка. М.: Высш. шк., 1977. 303 с.
13. Кубрякова, Е.С. Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. — с. 344—393.
14. Лесина, И.М., Меграбова Э.Г., Науменко Л.К. и др. Структурная характеристика производных суффиксальных прилагательных в современном английском языке. Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 1978. — 92 с.

15. Мешков, О.Д. Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. 246 с.
16. Collins Cobuild English Guides. 2. Word Formation. London: Harper Collins Publishers, 1991. 209 p.
17. Hayden, Rebecca E. The Relative Frequency of Phonemes in General-American English // Word, 1958. Vol. VI. P. 217–223.
18. Jespersen, O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Pt. 6. Morphology. Copenhagen, 1942. 570 p.
19. Marchand, H. The categories and types of present — day English word-formation. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1960. P.379.
20. The Guinness Book of Records. N.Y., 1996. 774 p.
21. The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1933. 12 Vols.
22. Бартков, Б.И., Лейних И.Р. Синхронно-диахронное количественное описание исконного английского префикса MIS- // Труды ДВГТУ, вып. 128, 2001. с. 196–203.
23. Бартков, Б.И., Сапегина Н.Г. Формирование деривационных типов с антонимичными префиксами ILL-/WELL- в английском языке // Труды ДВГТУ, вып. 128, 2001. с. 186–196.

Модусно-диктумная организация концептов «право» и «справедливость» в художественном тексте

Букина Анна Андреевна, магистр
Кемеровский государственный университет

В статье представлены результаты анализа модусно-диктумной организации концептов «право» и «справедливость» на материале художественного текста.

Ключевые слова: концепт, дискурс, право, справедливость, модус, диктум, пропозиция

Modus-dictum organization concepts «right» and «justice» in a literary text

Bukina A. A.

The article presents the results of analysis of modus-dictum organization concepts «right» and «justice» on the material of a literary text.

Key words: concept, discourse, law, justice, modus-dictum, proposition

Настоящая статья посвящена исследованию актуальной лингвистической проблемы соотношению концептов, сформированных в разных коммуникативных системах. В нашем случае, в системе нравственных норм и в системе правовых норм общества. В данном случае это концепты «право» и «справедливость». При этом право является элементом правового мышления. Справедливость возникает из представлений о нравственных нормах, управляющих поведением человека. В статье проведено исследование дискурса, в ходе которого выявляется, каким образом данные концепты, включенные в картину мира носителей языка, влияют на организацию содержания и формы дискурса, репрезентирующие данные концепты и напротив, каким образом данные концепты могут быть смоделированы, исходя из тех текстов, которые в них воплощены. Статья в основном посвящена второму аспекту моделирования концептов в их языковом выражении. Нам, прежде всего, интересуют модусно-диктумная организация дискурса (высказываний), которая

упоминается в авторской речи и прямой речи в которой говорят о праве и справедливости.

Данная тема актуальна, еще и потому что она связана с проблемой национальных особенностей мышления. В традиционной российской ментальности ответ на вопрос: «Судить по закону или по справедливости?» очевиден для многих русских — судить необходимо по справедливости! В этой связи примечательно, что фигура, изображающая Фемиду в российской модели, не имеет повязки на глазах, поскольку она все видит и не связана: ни законом (в случае его несовершенства), ни фактом. В языковом отношении данное положение имеет разные основания: совокупность терминов, высказываний, текстов, создание которых и оперирование которыми составляет существенную часть юридической деятельности. Концепт «право» реализован в бытовом мышлении посредством человеческой деятельности, которая характеризует верное или неверное действие со стороны закона, которым должен руководствоваться человек. Духовность,

как сущностная черта российского менталитета в целом, находит свое отражение и в его части — правовом менталитете. А это означает, что подходить к анализу российского правового менталитета необходимо не с рационалистической или формальной точки зрения, а с учетом духовной контекста. Для русского рассудить по праву — значит рассудить по правде и справедливости. Поступить по праву — значит поступить по совести, по-честному. Концепт «справедливость» характеризует возвышенную духовную основу человеческих отношений, где главным ее показателем является совесть. По словам Георга Вильгельма Фридриха Гегеля «Совесть в отличие от законов бесправна в государстве; ведь если человек взывает к своей совести, то у одного может быть одна совесть, а у другого — другая. Чтобы совесть была правой, необходимо, чтобы то, что она признает правым, было таковым объективно...» В «глубинах» русской души право всегда отождествлялось с совестью, с истиной с правотой. Право через понятие справедливости связано в русском сознании с понятием правды как нравственной ценностью. Как представляется, данные особенности являются не только ментально-психологическими, но речевыми и проявляются в дискурсе, в частности в модусно-диктумной организации высказываний.

Модусная и диктумная организация концептов является пропозицией, которая понимается в лингвистике, как взгляд говорящего на «положение дел» в «возможном мире». С учетом того, что сам говорящий «встроен» в этот мир, он является его неотъемлемой частью. Поэтому все, что с ним происходит, все, что он испытывает, чувствует, переживает, может стать утверждаемым или отрицаемым в коммуникации.

Для определения термина «пропозиция» использована концепция С.Д. Кацнельсона, где автор отмечает что «... Пропозиция выражает определенное событие или состояние как отношение между двумя или несколькими предметами... содержит в себе элемент образности и в этом отношении более непосредственно отражает реальность, чем предложение. Подобно картине, она изображает целостный мир, не предписывая направления и порядка рассмотрения отдельных деталей» [9, 3–12]. Данное определение подчеркивает высокую степень актуализации смысла, по отношению к художественному тексту, который акцентирует образную сторону концептов. В свою очередь, образная сторона концептов определяет всю ситуацию, которая дает понять читателю всю важность происходящих событий.

В качестве примера к данному определению нами была использована иллюстрация авторского высказывания относительно драмы, которая основана на его биографии: ««Дело» есть плоть и кровь мои... Я написал его желчью..., — сообщал впоследствии А.В. Сухово-Кобылин. — «Дело» — моя месть. Месьесть такое же священное чувство, как любовь. Я отомстил своим врагам! Я ненавижу чиновников... Сам я никогда не служил и в департаментах являлся только проси-

телем». В данном фрагменте автор сообщает, с какой целью он создал эту драму, что ему важно показать читателю. Он писал, что его драма является процессом, который он должен выиграть против цензуры и прессы.

Предметом исследования модусно-диктумной организации концептов «право» и «справедливость» выступает драма А.В. Сухово-Кобылина «Дело». Анализ концептов представлен в статье в форме монолога или диалога автора и героев драмы. В качестве исходного положения использованы фрагменты текста, где модусная и диктумная организация концептов имеет разные основания, между ними нет, не переходящих границ, их семантическое воплощение связано со структурой их устройства.

Проблема взаимодействия права и справедливости изучалась на протяжении многих веков. Основанием для постоянного изучения данных категорий определялось тем, что с историческим развитием общественных отношений, менялись и представления людей о праве и о роли справедливости в этом плане.

Для обозначения на письме используемых выражений мы обращаемся к терминам, которые ввел французский лингвист Шарль Балли — диктум и модус. Диктум происходит от латинского языка dictum — слово, выражение. Модус — от латинского языка modus — способ.

Следующий диктума, по мнению Ш. Балли, составляет представление, которое характеризуется как цель, как объект рассудительного акта. Модус же при этом определяется как квинтэссенция, то есть смысловой центр данной характеристики, отличительным признаком которого, является субъективное отношение к сказанному.

Диктум характеризует объективное содержание предложения, которое отражает внеязыковую действительность ситуации. Этим выражено его денотативное содержание. Денотатом предложения является событие, т.е. ситуация, отражённая определённым образом в сознании говорящего. Это событие представлено как некое «положение дел». Отражаясь в сознании говорящего, денотат приобретает языковые формы, т.е. оформляется по законам данного языка.

Модус характеризует субъективное содержание предложения, т.е. дополнительное сообщение об отношении говорящего к объективному содержанию.

При характеристике противопоставления, диктум и модус не являются, тем не менее, чуждыми друг другу в едином семантическом пространстве предложения. Их взаимообусловленность закономерна. Проблема состоит в том, что диктум и модус являются все же относительно самостоятельными величинами, соотносенными в качестве объективного и субъективного слоев смысла, то есть разными оппозициями. Их противопоставленность определена противоположностью внешнего мира и человека, а также его среды и субъекта.

Из этого следует что, пропозитивная структура является картинкой, которая определенным образом соположена предметам мысли и предметным ситуациям, характеризующая фрагмент реальной или психологической

картины мира, в виде конфигураций семантических компонентов.

По выражению В.В. Виноградова, основным определением образа автора служит отношение автора. Оно может быть выражено прямо, но чаще всего содержится во всей внутренней структуре текста, скрывается в «глубинах композиции и стиля». [Виноградов 1971].

Различие внутреннего мира субъекта и внешнего мира реальности, исключают модусные пропозиции не только из диктума предложения, но и те ситуации, с которыми они соотносятся, из мира объективной действительности. Однако в трудах многих отечественных ученых и мыслителей доказывалась условность такого противопоставления.

В своем исследовании А.Н. Приходько отмечает, что «ценностная составляющая концепта суть коллективное подсознательное, формируемое с участием социодискурсивного фактора, задаваемого жизненным миром человека вместе с коммуникативной культурой общества, представителем которого он является» [Приходько 2009: 70]. Данная характеристика концепта представлена не только оценочными коннотациями: она проявляется и в ассоциативных связях, которые являются ее основными языковыми номинантами. Исследование информации любой речевой ситуации, как правило, связано со знанием говорящих о предмете общения, которое основано на их предшествующем личном опыте и вероятностном прогнозировании.

В качестве примера выступает характеристика, где диалоги концептов «право» и «справедливость», представленные в драме в форме дискурса персонажей и автора, характеризуют издевательства, ограбление и медленное убийство человека, совершаемое в «специальных рамках». Они насыщены своеобразными действиями: чиновники в коротких, сжатых фразах сговариваются о своих «планах» вымогательства в толк-ловками намеками излагают свои требования Муромскому и, получив от него деньги, выдвигают новые требования для вымогательства. И все для того, чтобы заставить Муромского согласиться на все их требования и безропотно повиноваться любому их насилию. Но законно, они шантажируют его, угрожая жизни, спокойствию и свободе его и его дочери.

В драме, концепт «право» характеризует отношения власти и общества друг к другу, в той форме, которую представил автор, но закон при этом не на стороне общества, а на стороне власти. Авторитетное положение в обществе и сила, дает оценку дальнейшим действиям героев. Право должно представлять государственную волю общества, но при этом ее государственное устройство основано на экономических, духовных, природных и других условиях жизни. В праве, воля общества воплощает свои интересы и потребности, чем придает им силу общеобязательного закона.

Право является справедливым потому, что воплощает общезначимую правильность, а именно всеобщую право-

мерность. Право выступает как одинаково справедливая для всех субъектов закона мера регуляции. Все то, что выражает право, соответствует ему и следовать праву справедливо. А с другой стороны действовать по справедливости — значит действовать правомерно, соответственно всеобщим требованиям права.

Модусный и диктумный анализ концептов «право» представлен в статье на примере, где А.В. Сухово-Кобылин гневно обличая бюрократию, провозглашает право рядового человека на протест и обличение сложившихся порядков. В разговоре с бездушным, жестоким князем, тайным советником:

— **Муромский восклицает:** «... у палача в руках закон-то — кнут!

— **Князь** (вспыхнув). А-а-а-а — как вы можете право так рассуждать?

— **Муромский.** Имею! — и потешаю свое.

— **Князь** (с иронией). Вот как! — какие же у вас на него, господин капитан, патенты?

— **Муромский.** А вот они! (Показывает свои волосы). Да вот мое сердце, да мои тоскания... слезы... истома... разорение всей моей семьи — вот мое право — да есть еще и выше!! — Почь я еще защищаю!! За что же вы нас оскорбляете, ваше превосходительство, — за что?!! Разве за то, что я люблю свое дитя, а вы своих по целым неделям не видите?!! Или за то, что мне вот под Можайском... проломил какой-то дом голову, когда я, простой армейский капитан, принимал француза на грудь, а вас тогда таскала на руках французская мамка!...»

Модусный анализ выражен в форме диалога двух героев: Муромского и Князя. Этот диалог выражен с помощью разных ремарок, которые указаны в самой драме в скобках: *вспыхнув, с иронией, показывает свои волосы*. Такой способ коммуникации в драме показывает реальное положение дел, со слов героев драмы, как непосредственных участников и свидетелей по делу.

Диктумный анализ характеризуют данный диалог, основываясь на его лексических составляющих: восклицательные и вопросительные выражения показывают эмоциональную сторону концепта. Муромский, объясняет Князю, что он имеет право так говорить. Его слова имеют прерывистый характер т.к. произнесены им в сильном эмоциональном состоянии, в состоянии аффекта. Диктумный анализ, с точки зрения лексики, демонстрирует ценностные составляющие концепта.

В качестве еще одного примера использован эпизод, в котором героиня излагает ситуацию по «делу» одному из героев:

— **Атуева.** Вот завязали, да и на, поди; проводят из мытарства в мытарство; тянут да решают; мнения да разногласия — да вот пять лет и не знаем покоя; а все, знаете, на нее.

В данном высказывании модусный анализ представлен в форме диалога, где героиня излагает ситуацию по развитию «дела», указывает на ее временной характер. Обязательство развития «дела» во времени показывает

всю тяжесть ожидания для самих участников. Со слов героини, право здесь не решает ситуации, связанной с делом, а лишь пытается разобраться в истине, исходя из разных мнений и разногласий.

Диктумный анализ представлен разговорной лексикой, с метафорическими выражениями, которые характеризуют не законодательную сферу права, а душевные мытарства человека, у которого нет защиты.

Проблема справедливости, изучается на каждом историческом отрезке времени, эта категория представляет свое понимание правильности действий, которое характеризуется тем, в каких условиях живут люди, как они представляют себе этот мир, какая существует здесь структура общества, и какое место занимает человек в этом обществе. При этом понятие справедливости связано с исторически меняющимися представлениями об неотъемлемых правах человека.

Соотношение концептов «право» и «справедливость» имеет и философский аспект. Как отмечает И. Кант, что справедливость является категорическим императивом, который определен правилом поведения, существующим в силу рациональной природы человека, он определяется им как благо. Поэтому наказание преступника справедливо, так как, изъявив желание плохо обращаться с другими людьми, преступник, как человек разумный, этим самым провозглашает, как следует обращаться с ним.

Г.В. Ф. Гегель отмечал, что справедливость и несправедливость понятия, относительные и справедливость в любой момент может обернуться несправедливостью. По К. Марксу, справедливость — это выражение существующих экономических отношений. Ее содержание и состояние зависят от существующего на данном экономическом этапе способа производства. Следовательно, все, что не связано с данным способом производства, несправедливо.

На протяжении многих веков понятие справедливости было включено в рамки теологического мировоззрения. Справедливость ассоциировалась в общественном сознании как фиксация «Божьего порядка», выражение воли Бога и предназначалась для того, чтобы карать за нечестивые поступки виновных (Фома Аквинский, Ансельм Кентерберийский и св. Агустин).

В драме А.Е. Сухово-Кобылина «Дело» концепт «справедливость» представлен в модусно-диктумной организации через определенную форму выражения слова: диалога или монолога героев драмы. Справедливость здесь определена, как форма защиты от судебного произвола:

— **Князь.** А — ну... делать нечего. Однако если был ребенок, так надо обнаружить, где он? — Ну, где же он? (Молчание.) Тут, стало, кроется другое преступление... а?! (поднимает значительно брови). Так вы извольте в мнении проставить, что вопрос этот по записке мамки не разъяснен — и все Дело (думает) ... все Дело обратить (с решительностью) к переследованию (машет рукой) и к строжайшему... строжайшему...

— **Варравин** (в сторону). Боже мой — он все изгадит! (Вслух.) Ваше Сиятельство — позвольте заметить: дело пять лет идет.

— **Князь** (остановившись). Пять лет... а хоть десять! Мне нужна истина...

Модусная организация данного диалога выражена ремарками: *молчание, поднимает значительно брови, думает, с решительностью, машет рукой, вслух, остановившись*. Она характеризует вопросительную и приказную форму лексики Князя. Такая форма разговора явно имеет неприятный характер для одного из героев диалога (Варравина).

Диктумная организация характеризует лексическую составляющую диалога, которая представлена лексикой разговорного характера, по отношению к «делу» в целом и ситуации в законодательной сфере в частности.

Помимо обращения к законодательной сфере жизни, концепт «справедливость» характеризует и духовную сферу жизни человека, как определяющую для героев драмы. В этом случае показывается, что закон не всегда прав и человеку необходимо обратиться к Богу:

— **Муромский.** Что делать?!.. просто съели — как есть съели! — Господи, ворец Милосердный! (Крестится и вздыхает.)

— **Иван Сидоров** (также вздыхая). Все в руках Господних, батюшко, — в руках Господних!

— **Муромский.** Что ж теперь делать, Иван? Я и ума не приложу.

— **Иван Сидоров.** Господь вразумит, что делать, а нет, так и сам сделает. Ты только веруй, да спокоен будь.

В модусном анализе данное высказывание представлено в форме диалога, который обозначен такими ремарками: *крестится и вздыхает, также вздыхая*. Здесь автору драмы важно показать внутреннее, душевное состояние героев. В диалоге представлена характеристика высшего Божественного провидения и человеческого светного ожидания, сомнения и борения духа.

В анализе диктумной стороны диалога присутствует лексика, характеризующая духовную сторону проблемы. Вопросительные конструкции относятся к одному герою, Муромскому. Иван Сидоров, говорит ему о высшей Божественной справедливости, о важности веры для спасения души.

Справедливость в драме описывает положение, посредством, которого моральные и нравственные установки героев драмы позволяют им поступать так, как они считают нужным. Это касается, прежде всего, их совести. Правовая справедливость имеет также и моральную, духовную и нравственную справедливость. Право представляет собой наиболее эффективный регулятор общественных отношений и поведения людей. В идеальном представлении, законодательный порядок должен базироваться на моральном порядке. Тогда право будет справедливо до тех пор, пока не изменится мораль. При отклонениях права от морали неизбежен конфликт этих двух положений, которые приводят к игнорированию закона, неподчинению ему или же сами моральные прин-

ципы начинают деформироваться. При этом, является спорным утверждение о возможности установления всеобщей справедливости закона. Ведь хотя само понимание справедливости претерпевает постоянные изменения, существуют и некоторые базовые ее принципы, которые не подвержены изменениям: «не делай другому того, что не хочешь в отношении себя».

Такое определение исследования концептов позволяет увидеть, что они наполнены разным содержанием. Содержание концептов показывает разные модусные и диктумные основания, в которых они реализуются. Их содержание осуществляется благодаря структурно-композиционной форме организации монологов и диалогов автора и героев драмы.

Литература:

1. А. В. Сухово-Кобылин Трилогия. Гос. изд., М. 1995.
2. В. В. Цуркан Антология художественных концептов русской литературы XX века Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан.: ФЛИНТА; Москва; 2013.
3. Воркачев, С. Г. Справедливость и смысл жизни: основания лингвокультурной концептологии [Электронный ресурс]: монография. — Электрон. дан. — М.: ФЛИНТА, 2015. — 561 с. — Режим доступа: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=72636
4. К проблеме справедливости в праве: очерки философии права/ Дербин А. П. — Мн., 2004—58с.
5. Кацнельсон, С. Д., Речемыслительные процессы, «Вопросы языкознания», 1984, № 4
6. Логический анализ языка: Знание и понимание, М., 1988.
7. Лотман, А. В. Сухово-Кобылин. — 1982 // История русской литературы: В 4 томах / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1982. — Т. 3. — с. 528—548.
8. Падучева, Е. В., Высказывание и его соотносённость с действительностью, М., 1985
9. Политическая философия: от концепций к теориям/ Алексеева Т. А., учеб. пособие — М., 2007—399с.
10. Теория права и государства. Под ред. проф. Г. Н. Манова. учебник для вузов. — М., 1996. — 336с.
11. Храмцова, Н. Г. Правовой дискурс и дискурсивность права / Храмцова Н. Г. / Российский юридический журнал. — 2009. — Т. 65. — № 5. — с. 57—61.

Можно ли перестать склонять топонимы?

Гаврилина Анастасия Николаевна, студент

Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова

Нередки случаи, когда общество пытается изменить то, что, казалось бы, изменению не подлежит: русский язык.

Так, в начале апреля этого года жительница Благовещенска Елена Н. (фамилия неизвестна, возможно, она отказалась называть ее при интервью) начала собирать подписи под петицией с призывом «Запретите склонять Сковородино!» В тексте петиции амурчанка говорит, что склонения типа в Сковородине и из Сковородина негативно воспринимаются жителями населенного пункта. При этом Елена требует отменить склонение одного единственного населенного пункта, а не всех топонимов среднего рода.

А вот инициативный петербуржец Алексей Серканов создал петицию, направленную на отмену склонения названий всех населенных пунктов относящихся к среднему роду (таких, как Купчино, Мурино и др.) По мнению Алексея, «жители Петербурга устали терпеть невежественные и уродующие русский язык склонения». При этом петербуржец добавляет: «Я надеюсь, мы приведем все к грамотному русскому языку».

Но так ли правы Елена и Алексей? В погоне за благозвучностью, не забыли ли они о нормах русского языка?

По словам Т. В. Маркеловой, доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой русского языка и стилистики МГУП имени Ивана Федорова, *«язык не должен терять норму употреблений склонения топонимов, потому что в данном случае речь идет о целом пласте слов типа: Царицыно, Бологое, Москва в значении «Москва-река», «Москва-город» и т.п. В книге Л. К. Граудиной, которая называется “Трудные случаи употребления единиц языка” изложены все проблемы связанные с этим типом склонения, все проблемы связанные с косвенными падежами, со словами, которые оканчиваются на -о и другие нехарактерные для русского языка окончания. Язык должен сохранять норму. Если мы не будем ее придерживаться, то скоро вообще отменим склонения, потом спряжения, а затем наша речь станет абсолютно невнятной, похожей файлы, на удары по клавишам клавиатуры, и клиповое сознание, которое сейчас уже начинает развиваться,*

Рис. 1

все победит. Мы перестанем быть нацией, у которой есть не просто великий и могучий русский язык, а у которой русский — это ее все, стержень ее единства и духовности».

Того же мнения придерживается Т.Т. Давыдова, доктор филологических наук, профессор кафедры истории литературы МГУП им. Ивана Федорова: *«Я против отмены склонений, я за то, чтобы топонимы склонялись: Домодедово — в Домодедове. Это уже кодифицировано в русской литературе, вспомните «Бородино» М.Ю. Лермонтова. Именно так и нужно писать, пусть остается так, как есть».*

Поддерживает коллег в этом вопросе В.В. Перевалов, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций МГУП им. Ивана Федорова: *«Нынешняя практика меня устраивает, и то, что названия населенных пунктов могут совершенно спокойно склоняться: живу в Пушкине и т.д. У языка есть логика. Если абсолютное большинство согласно с этой логикой, значит, так оно и будет. Язык — это самая большая конвенция, самое большое соглашение людей между собой. Если они согласны, что именно так оно и есть, значит, так оно и будет».*

И правда, русские и славянские топонимы на -ово, — ево, — ино традиционно склоняются: у Пушкина: «История села Горюхина», у Лермонтова «Не даром помнит вся Россия про день Бородина!», а также в Конькове, в Марьине, в Царицыне. А вот к употреблению несклоняемых форм прибегали лишь географы и военные, т.к. им важно было передавать названия в исходной форме во избежание путаницы со схожими названиями мужского рода: например, Киров и Кирово, Пушкин и Пушкино. *«Но хорошо ли, что газета рас-*

пространяет, укореняет эту привычку?» «Я живу в Одинцово, в Кратово», а не «в Одинцове, в Кратове» — привычка не склонять названий придает речи какой-то официальный характер», — писала Лидия Чуковская.

Однако нельзя поспорить с тем, что единственный исконно верный вариант использования склонений сегодня часто считается неправильным. Если писатель Василий Белов с сарказмом предлагал говорящим «живу в Кемерово» по такому же подобию говорить «из окно», то теперь употребление «в Перове» или «в Новогирееве» нередко расценивается как порча русского языка.

А ведь именно склоняемый вариант естественно отвечает внутренним закономерностям развития великого и могучего. Нет никаких причин избегать склонения. В нашем языке нет исконно русских слов, которые бы не склонялись: депо, кашпо, пальто — это заимствованные слова, к тому же в правилах оговорено, что они не поддаются склонению. А слов, которые по своему личному усмотрению можно то подвергать склонению, то нет, не существует вовсе.

Например, Даль в своем словаре пишет про жалюзи, что это несклоняемое французское слово и что нам такие слова «негодны».

Одни «специалисты» говорят, что склонять такие слова не следует, т.к. это названия. Но мы ведь живем в России, а не в Россия. Другие приводят довод, что не склоняются названия, относящиеся к среднему роду. Но ведь кто-то приехал из Видного, а не из Видное. Получается, что под несклонение попадают только названия на -о. Однако названия типа Долгопрудное и Кругленькое русский человек склоняет интуитивно, в отличие от Люблина и Орехова.

Доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации АмГУ Дарья Галимова говорит о проблеме: *«Это*

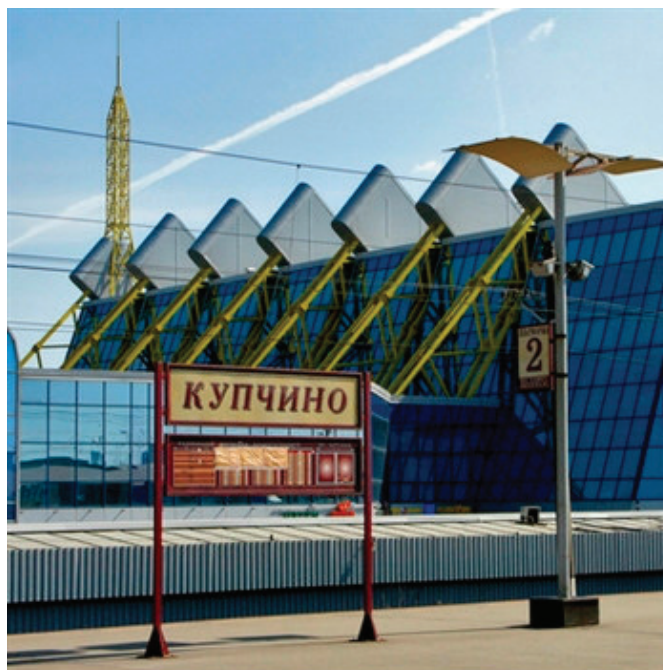

Рис. 2

Рис. 3

склонение сейчас факультативно — то склоняется, то не склоняется. На самом деле склонять нужно. Тенденция сейчас такова — эти слова употребляются как несклоняемые. Но правил никто не отменял. Рекомендации не склонять эти слова никто из филологов не давал».

Конечно, язык живет и меняется, и это нормально. Но в случае, например, с Пушкиным развивается «антирусскоязычная» и противоестественная тенденция.

И может быть правы тогда корреспонденты piter.tv, пишущие о том, что «Безграмотные петербуржцы требуют запрета «на склонение Купчино и Колпино».

Литература:

1. Азбучные истины. URL: http://www.gramota.ru/class/istiny/istiny_1_toponymy/
2. Активисты передали властям требование запретить склонение Купчина и Колпина. URL: http://paperpaper.ru/papernews/2016/04/14/kupchino_vlast/
3. Амурчанка требует запретить склонение топонима Сковородино и собирает подписи. URL: <http://www.amur.info/news/2016/04/04/109353>
4. О склонении названий некоторых населенных пунктов. URL: <http://ilyabirman.ru/meanwhile/2006/11/12/1/>
5. Склонение топонимов. URL: <https://www.babyblog.ru/community/post/russian/1694125>
6. С законодательным требованием относительно правил русского языка выступил житель города на Неве в Интернете. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1619068/>

Ключевые образы в стихотворении Ф. И. Тютчева «Фонтан»

Ганькина Наталья Леонидовна, учитель русского языка и литературы
ГБОУ Гимназия № 261 Кировского района г. Санкт-Петербурга

Стихотворение Ф. И. Тютчева «Фонтан» [1] («Смотри, как облаком живым...») было написано в 1836 году, и в этом же году напечатано А. С. Пушкиным в «Современнике». Творчество великого поэта изучено, казалось бы, вдоль и поперек. Но читатель, любящий Ф. И. Тютчева и замороженный «эфирной высотой» его поэзии (по словам А. Фета), способен обнаружить в ней нечто новое, неожиданное. Моя работа — попытка собрать воедино то, что уже было открыто исследователями, и попытаться увидеть нечто своё.

Стихотворение Ф. И. Тютчева «Фонтан» имеет 2-хчастную композицию. Чаще всего две композиционные части тютчевского стихотворения соотносят путем параллелизма состояния природы и человеческих переживаний. С точки зрения В. Я. Брюсова, этот «Самый любимый и вместе с тем совершенно самостоятельный прием творчества Тютчева состоит в проведении полной параллели между явлениями природы и состояниями души. В стихах Тютчева граница между тем и другим как бы стирается, исчезает, одно неприметно переходит в другое...» [2, с. 206]

Взаимосвязь 2 частей организуется поэтом на нескольких планах. Обе части состоят из 8 строк, причём 5 строка выделяется в обеих частях повтором «к небу». Слова, повторяющиеся в обеих строфах: «луч», «высота», «небо». «Луч» — слово-символ, обозначающий оплодотворяющие, созидательные силы, духовное просветление, творческую энергию. Связывают строфы и синонимы: «пыль»-«брызги», «фонтан» — «водомёт», «ниспасть» — «свергает». Толковый словарь Ушакова [15] даёт следующие значения: СВЕРГНУТЬ — ко-го-что:

1. Сбросить вниз (книжн. устар.). Свергнуть памятник с пьедестала.
2. (Перен.) — Освободиться от чьего-нибудь владычества, лишив власти, могущества, низложить.

Некоторой «скрепой» стихотворения является и грамматическая форма единственного глагола в повелительном наклонении «смотри». Он подразумевает, что некто обращается к читателю, внешнему наблюдателю. «В самом деле, в творчестве Тютчева необыкновенно велика доля стихотворений, обращенных к слушателю, с имитацией реального общения с ним. К такой «обращенной» лирике принадлежит более половины стихотворений Тютчева. «Ты» или «вы», к которому обращено стихотворение, может быть и определенным лицом, и представителем какой-то более или менее определенной группы, и совершенно неопределенным «ты», с которым поэт делится своими впечатлениями. Существенна иллюзия непосредственного общения, вносящая интонацию живой устной

речи и даже представление жеста, например — указательного жеста в типичном начале ряда стихотворений «Смотри, как»:

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится. [3]

Подразумеваемое «ты» поддерживается во второй части стихотворения дважды повторённым личным местоимением «тебя». Речь идёт о «смертной мысли водомёте», т.е. человеке. Затем фраза «Как жадно к небу рвёшься ты» объединяет в нашем сознании несколько «лиц»: и наблюдателя, к которому обращается лирический герой Ф. И. Тютчева, и самого лирического героя, описывающего фонтан, и сам фонтан, и «смертной мысли водомёт» (человека вообще). На важную роль местоимений в поэзии Тютчева Ф. И. указывал Ю. М. Лотман: «... любому местоимению может быть приписано противоположное значение, (они) образуют *единый* тютчевский мир с только ему присущей парадоксальной одновременно крайней личностью и столь же крайней всеобщностью». [3]

Хотелось бы подробнее поговорить о важнейших сопоставляемых в обеих частях «Фонтана» синонимах «фонтан» и «водомёт». В статье Пумпянского Л. В. «Поэзия Ф. И. Тютчева» встречаем указание на связь стихотворения «Фонтан» с державинским «Водомётом»: «Державин говорит (1808, «Водомет», II, 147) — «луч шумящий водометный, свыше сыплюща роса.» Державинским является и слово «луч». [4]

Кроме уже названных принципиальных, структурно образующих слов-образов «водомёт» («водомётный») и «луч», хочется добавить следующие лексические «переклички»: «Зарьных розы уст касались» — «коснулся высоты заветной»; «Травки, *смятые* под нею» — «Тебя стремится, тебя *мьёт*»; «Где я очи голубые *Небесам* подобно зрел» и «Как жадно к небу рвёшься ты!» и, наконец, «стрелы *огневые*» — «Пылью *огнецветной*». Тот же Л. В. Пумпянский считает, что поэзия Тютчева представляет из себя «сплав Державина и Шеллинга».

Д. Д. Благой же в статье «Жизнь и творчество Тютчева» [5] замечает, что поэту близка «романтическая философия Шеллинга с её учением о «тождестве» внешнего и внутреннего мира — природы и человеческого «Я»... философия тождества определяет не только содержание стихов Тютчева, но глубоко воздействует и на самую их форму: ею, например, продиктована столь излюбленная поэтом двучленная композиция многих его стихотворений». [5] Это касается и двучленной композиции «Фонтана». [1; 5]

Многие исследователи отмечают связь поэзии Ф. И. Тютчева с немецкой романтической поэзией.

Многозначна и показательна и перекличка отдельных образов в стихах Тютчева и Гёте. [6] «Так, важную философскую нагрузку в стихах Гёте несет на себе образ воды, предположим, в «Песни о Магомете» и «Песни духов над водами» — символическое значение воды и ее сравнение с человеческой душой.

Душа человека
Волнам подобна:
С неба нисходит,
Стремится к небу;
И снова должна
К земле обратиться,
Вечной премене
Обречена:
<...>
Воде ты подобна,
Душа человека,
Судьба человека

Подобна ветрам! (Перевод мой — А. К.) [6] См. стихотворения Шиллера «Боги Греции», «Дифирамбы», «Певцы древнего мира» и т.д. Образ из шиллеровского «Geisterseher» («Созерцатель духов») использовал Тютчев для своего стихотворения «Фонтан». Шиллер сравнивает стремление человека к бесконечности со взлетающей кверху струей фонтана, рано или поздно принужденной низвергнуться на землю. («Разве не так струя каскада с силой устремляется в высоту, которая могла бы ее взметнуть в бесконечные просторы? Но уже в первый момент ее взлета на нее действует сила притяжения, давит огромная масса воздуха, так что, описав более или менее высокую дугу, она вновь возвращается на родимую землю. И едва успев упасть, должна она с той же силой взмывать кверху. И такова же сила неизменного стремления к бессмертию, когда человек с самого момента своего возникновения постоянно должен отвоевывать для себя пространство у давящей его необходимости»). Этой параллелью объясняется, почему у Тютчева возникает в «Фонтане» образ «водного луча», совершенно не свойственного русскому языку. Но у Тютчева символическая перспектива расширяется: она охватывает не только мысль о бессмертии, а всякую ищущую человеческую мысль». [6] Фонтан-вода — «смертной мысли водомёт» — человек. Такая логическая цепочка может быть образована при сопоставлении ключевых образов стихотворения «Фонтан». Как в фонтане извергаются одна за другой струи воды, так человеческий ум фонтанирует самыми разными идеями и мыслями. Все они конечны, как смертен тот, кто их воспроизводит, — «смертной мысли водомёт». Обращает на себя внимание антитеза «смертной» («смертной мысли водомёт») — «неистощимый» («водомёт неистощимый»). Лексический повтор «водомёт» соединяет в нашем сознании эти антонимы. Словарь синонимов к эпитету «неистощимый» даёт следующий ряд слов: неисчерпаемый, неиссякающий, бесконечный, безграничный, беспредельный, неиссякаемый, неограни-

ченный, неоскудевающий. Все они подчёркивают нечеловеческую, вечную природу «смертной мысли водомёта». Мы обнаруживаем некую двойственность природы водомёта: смертность, то есть конечность, и неистощимость, то есть беспредельность. Сам человек смертен, но нечто, вложенное в него, бессмертно. Далее мы видим, что судьба водомёта не проста не только в силу его противоречивой двойственности, но и потому, что лирический герой Ф.И. Тютчева озадачен вопросом «какой закон непостижимый тебя стремится, тебя мятёт?» Усилительная вопросительная частица «какой» подчёркивает, что вопрос, заданный нам и себе самому лирическим героем, — вопрос риторический. Над ним можно размышлять, но дать на него ответ невозможно. Всё-таки попытаемся в этом разобраться. «Закон непостижимый... стремится и мятёт» уже не фонтан, а «смертной мысли водомёт», то есть человека. Эпитет «непостижимый» подчёркивает невозможность проникнуть в высшие тайны ограниченным человеческим разумом. Этот «непостижимый закон» «стремит и мятёт» человека. Интересно рассмотреть синонимичный ряд глаголов, данный словарём В.И. Даля к этому слову, — СТРЕМИТЬ что куда, с предлогами устремлять, влечь, тащить, тянуть, увлекать, волокати силою, нести током, рвать, двигать и направлять, обращать; вперять. Очевидно бессилие человека перед вложенным в него и воздействующим на него законом. И глагол «стремит» и «мятёт» — устаревшие. У Даля: «Мясти — приводить в смущение, смущать; тревожить, беспокоить» Стало быть, смысл такой: «Какой закон непостижимый тебя стремится, тебя БЕСПОКОИТ?» Бессилие и тревога — вот те свойства, которые привносит «закон непостижимый» в жизнь, ум смертного человека. Судьба фонтана и водомёта как бы повторяют друг друга. Кроме стремления вверх, к непознанному, вечному и обречённости на падение, их объединяет и общая стихия воды. Здесь уместно будет вспомнить любопытное исследование Б.М. Козырева «Письма о Тютчеве» [7] В нём он писал: «Не только природная «живая жизнь» (тютчевский образ), но и все внутреннее духовное существование, точнее, то, что в нём есть истинного и ценного, сближается у Тютчева с влагой. (Любопытную параллель этому можно увидеть в одном изречении Гёте: «Душа человека похожа на воду: приходит она с небес, падает на землю и снова поднимается на небо». Но все же это изречение воспринимается лишь как изящная метафора — у Тютчева же в бесчисленных образах «душа — влага» звучит нечто большее — как бы отзвуки некой древней веры.) ... первое положение Фалеса «Начало всего есть вода» нашло в стихах Тютчева самое живое и многообразное поэтическое воплощение» [7]. В самом деле, обратимся вновь к тексту Ф.И. Тютчева «Фонтан». Первое, что мы замечаем благодаря поэту, что «Фонтан сияющий клубится» (метафора) «облаком живым» — эпитет. Облако — слово-символ — обозначает Непознаваемое Божество, скрытое от человека

из-за его ограниченности. «Живое облако» — знак Божественного Присутствия. Фонтан оказывается отчасти этим «живым облаком». Эпитет «сияющий» также подчёркивает светящуюся, лучезарную природу фонтана, близость его к Высшему Миру. В «Письмах о Тютчеве» Б.М. Козырев пишет: «По моим подсчетам оказалось, что более чем в одной третьей части всех оригинальных стихотворений Тютчева есть образы, связанные с его излюбленной водной стихией, а примерно в одной десятой части — эти образы являются центральными, так или иначе определяющими тему стихотворения. Кажется, нет в природе такой формы существования влаги, которая не была бы отмечена Тютчевым начиная с Мирового Океана и кончая каплями слез». Статистически подтвердив поразительный сам по себе факт тютчевского «поклонения стихии воды», Б.М. Козырев не останавливается на констатации этого факта — он хочет найти в нем натурфилософское, «мировоззренческое» содержание. Поэзия Тютчева дает исследователю основание увидеть у него не просто эстетический культ воды, но «признание ее первичной и благой мирообразующей стихией»... «... вода для Тютчева есть стихия по преимуществу. При этом она — наиболее «чистая», наиболее близкая к божественному началу» [7]. «Фонтан клубится» — данная метафора позволяет увидеть в природе фонтана нечто ему не свойственное. Клубится обычно дым, связанный уже не со стихией воды, а со стихией воздуха. Ещё одно слово, «поддерживающее» эту стихию, — «дым», хотя и «влажный». Этот эпитет вновь подчёркивает необычные свойства фонтана. Так незаметно Тютчев размывает границы стихий. «Мир, природа воспринимаются им... как всеобщая связь... как непрерывная смена, как процесс, переходы... Оттенки, переходы, переливы характерны для всего его (Ф.И. Тютчева) импрессионистического стиля». [5]. «Как пламенеет» — метафора разрастается: на смену стихии воздуха приходит стихия, абсолютно противоположная воде (фонтану), — огонь. Сложное прилагательное «огнецветной» также напоминает нам о стихии огня. Но теперь огнецветной оказывается «пыль». Это слово отсылает нас к стихии «земля». Слово «пыль» является синонимом старославянского слова «прах», которое стало символом разрушения, смерти, телесной, тленной природы человека, а также течения времени. Все глаголы, относящиеся к фонтану, «клубится, пламенеет, дробится» даны в форме настоящего времени, что позволяет поэту в нашем присутствии изобразить сам акт Творения «живого облака». Таким образом, мы обнаружили несколько любопытных моментов. Во-первых, фонтан в первой строфе изображён как часть «облака живого». В границах фонтана стихии перемешиваются, перетекают друг в друга, творится некое «живое облако». Это текучее облако «дробится на солнце», превращаясь «во влажный дым». Во-вторых, очевидно наличие всех четырёх стихий, формирующих фонтан: воды, воздуха, огня, земли — и солнца, что позволяет гово-

рить о космогонии Ф.И. Тютчева, о мотиве Сотворения Мира. Ещё в 1935 году П.А. Флоренский писал о космическом мироощущении Тютчева. Интересно, что описанное Ф.И. Тютчевым Сотворение Мира из 4 стихий перекликается со взглядами пифагорейцев: «Согласно закону гармонии стихий,... ни огонь не входит в состав земли, ни земля — в состав воздуха ... Земля состоит из трех частей земли и одной части огня... Воздух состоит из трёх частей огня и одной части земли. Огонь состоит из 4 частей собственной природы...» [8, с. 293]. Кроме того, картина, представленная Ф.И. Тютчевым в стихотворении «Фонтан», перекликается с утверждениями учения стоиков, как они даны С.Н. Трубецким: «Вселенная представляется живым органическим целым, все части которого разумно согласованы друг с другом. Она образуется путем последовательных периодических сгущений и разрежений эфирной пневмы. Эта огненная пневма сгущается в воздух, а воздух — в воду, которая служит материей всех прочих тел: тяжёлые части, осаждающаяся из воды, образуют твёрдую земную стихию; лёгкие — вновь улетучиваются вверх, в воздух и огонь. В мире нет пустоты... «Пустота» лежит за пределами мира; в период воспламенения стихий, их возвращения в первобытный огонь, которым заканчивается мировой процесс, вещество, составляющее субстанцию мира, беспредельно расширяется в этой пустоте, чтобы затем вновь сгуститься и сжаться в компактную массу в период новой дифференциации, нового мирообразования» [9]. На смену Творения тут же приходит Разрушение — «дробление». Как писал И.С. Аксаков «У Тютчева деланного нет ничего: всё творится». Об этой неразделённости Творения-Разрушения писал и П.А. Флоренский: «Хаос Тютчева залегает глубже человеческого — и вообще, и индивидуального — различия добра и зла. Но именно поэтому его нельзя понимать как зло. Он порождает индивидуальное бытие, и он же его уничтожает. Для индивидуума уничтожение есть страдание и зло. В общем же строе мира, то есть вне человеческой жизни, это ни добро, ни зло... Без уничтожения жизни не было бы, как не было бы ее и без рождения... Тютчев не говорит и не думает, что хаос стремится поставить вместо человеческих норм и понятий о добре им обратные; он просто попирает их, подчиняя человека другому, высшему, хотя часто и болезненному для нас закону». [10, с. 473].

Ещё одна «роль» фонтана — соединение «высоты заветной» с землёй, «божественного» и «низкого» пространства. Обращает на себя внимание эпитет «заветная» (высота). Понятие «закон» и «завет» в старославянском и древнерусском языках — синонимы. Основное различие синонимов состоит в том, что завет — это союз, заключённый между Богом и людьми, договор. Писанная часть Завета — закон, записанный на скрижалях, в котором нельзя изменить ни буквы. Так, эпитет «заветная (высота)» подчёркивает мотив некоего договора, заключённого между смертными и Богом. Фонтан, «лучом поднявшись к небу», нарушает гра-

ницы, установленные Свыше. Но, даже нарушая, луч фонтана способен лишь коснуться этой высоты. Единственный глагол прошедшего времени в стихотворении — глагол «коснулся». Опыт нарушения Договора состоялся. Возникает библейский мотив падшего ангела, пытавшегося конкурировать с Богом, «упавшего от небес» и «разрушенного к земле». (Книга пророка Исайи 14:4–17). Тире в сложном предложении подчёркивает значение во второй части следствия, вывода из того, о чём говорится в первой части. («Лучом поднявшись к небу, он Коснулся высоты заветной — И снова пылью огнецветной Ниспасть на землю осуждён»). Антитеза «поднявшись» — «ниспасть» также подчёркивает эту причинно-следственную связь. Плата за касание — «снова пылью огнецветной ниспасть...» Наречие «снова» указывает на повтор, цикличность этого действия во времени. А инфинитив «ниспасть», лишённый каких-либо постоянных признаков, заставляет звучать эту строку как некий закон, универсальный для всех и в любое время. Кроме того, краткое страдательное причастие прошедшего времени «осуждён» порождает в нашем сознании мотив суда, страдания. Интересно вспомнить рассуждения Ю. С. Степанова в его работе «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» на эту тему: «Когда закон торжествует, появляется наказанный преступник, к концепту ЗАКОН присоединяется в русском сознании не ощущение торжества справедливости, а ощущение несчастья наказанного. «Осужденный-несчастный» — вот краткая формулировка этого русского понятия». Далее Ю. С. Степанов замечает, что понятие «закон» подразумевает противопоставление: «принудительный-непринудительный — эта пара признаков относится к сфере воли человека и его действий, т.е. понятию закона, понимаемого как «предел» воли человека. Наиболее древнее проявление этого противопоставления — различие законов человеческих и законов Божьих. (Осуждён)» [11]. Интересно наблюдение над этой строчкой В. В. Гиппиуса, обратившего внимание на то, что «для впечатления низвергающегося фонтана *нужно* было ритмически разрезать синтаксическое целое:

Лучом поднявшись к небу, он

Коснулся высоты заветной...

Это мастерство не всегда поддается рациональному объяснению в каждой отдельной частности, но всегда находит соответствие в общем характере поэтического замысла». [12]

Любопытно, что фонтан — создание ума и рук человеческих — своего рода попытка преодолеть законы природы, используя знания и мастерство. Попытка нарушить естественный порядок вещей, заставив воду подниматься в небеса, нарушая закон всемирного тяготения. Вечное стремление человека сравняться в акте творчества с самим Богом. И в этом смысле мы снова обнаруживаем мотив конкурирующего с Богом человека, падшего ангела. Таким образом выстраивается новая

логическая цепочка: Бог («живое облако») — фонтан («лучом поднявшись», в данном контексте луч символ творческой энергии) — пыль — «смертной мысли водомёт» — «твой луч» — «в брызгах» // падший ангел. В первой строфе мы обнаружили два важнейших мотива. Мотив нарушения закона и расплаты за это. И мотив Творения и Разрушения Мира. По мысли В. В. Кожина, Тютчев Ф. И. здесь уходит от каких-либо оценок: «В общем же строе мира, то есть вне человеческой жизни, это ни добро, ни зло... Без уничтожения жизни не было бы, как не было бы ее и без рождения... И когда хаос не считается с понятиями человеческими, то это не потому, что он нарушает их «назло», что он борется с ними и противопоставляет им их отрицание, а потому, что он их, так сказать, не замечает». [10. с. 473] Интересно, что обнаруженный нами в первой строфе мотив нарушения закона и расплаты за это повторяется и во второй строфе. О повторе слова «небо» в 5 строке обоих строф уже упоминалось. Небо в мифологии важнейшая часть космоса. Это прежде всего абсолютное воплощение верха, члена одной из основных семантических оппозиций (верх-низ). Его наблюдаемые свойства — абсолютная удалённость и недоступность, неизменность, огромность слиты в мифотворческом сознании с его ценностными характеристиками — трансцендентностью и непостижимостью, величием и превосходством. Небо простерто над всем, всё «видит», отсюда его всеведение. Небо — активная творческая сила, источник блага и жизни: воздух, облака, туман, наполняющие небо, представляются субстанцией человеческой души-дыхания, и при параллелизме микро- и макрокосма небо оказывается душой универсума, воплощением абсолютной «духовности». [13] «Как жадно к небу рвёшься ты...» Эпитет «жадно» с усилительной частицей «как», а также экспрессивный глагол «рвёшься» передают нам всю силу и мощь, нетерпение и страсть движения «водомёта» к небу. Само слово «водомёт», обозначающее один из центральных образов второй строфы, требует пояснений. Толковый словарь Д. Н. Ушакова 1935–1940 дает следующее толкование: «Водомёт — водомета, муж. (поэт. устар.). Фонтан. «Везде дворцы, театры, водометы». Баратынский». [14]

В. И. Даль в своем словаре дополнил и умножил группу слов, связанную со словом «водомет», своим собственным творчеством: «Водомет, м. водобой, фонтан. Водометная струя. Водометчик, водометный мастер, строитель. Водомет ж. водопад, падение воды на мельничное колесо» (1880, 1, с. 224). В. П. Горчаков в своем дневнике записал о «Фонтане Бахчисарайского дворца» и о размышлениях А. С. Пушкина о паре двух синонимов (фонтан-водомёт): «Прочитав мне это стихотворение, Пушкин заметил, что, несмотря на усилие некоторых заменить все иностранные слова русскими, он никак не хотел назвать фонтан водометом, как никогда не назовет бильярда — шарокатом». (Пушкин в воспоминаниях современников, с. 151). Однако уже ссылка Пушкина на Академический словарь,

т.е. на «Словарь Академии Российской», показывает, что слово водомет является более древним славяно-русским образованием. Слово водомет уже включено в первую редакцию «Словаря Академии Российской» XVIII в. [15]. В отличие от А. С. Пушкина, «Тютчев может в пределах одного стихотворения варьировать синонимы «фонтан» и «водомет», — он начинает описание с обиходного слова «фонтан», наделяя его в контексте особой звуковой выразительностью, но для аналогии со «смертной мыслью» предпочитает менее обычное, лишённое привычных ассоциаций и вместе обнажающее «внутреннюю форму» слова, выражение «водомет» [12].

Образ «незримо-роковой длани» во второй строфе не имел аналогов в первой строфе, и поэту требует особого внимания. Толковый словарь В. И. Даля даёт такие значения этого слова: «Длань — жен., церк. — рука, пясть с пальцами, кисть, вся лапа, ладонь». Длань — это и рука, и ладонь. Эпитет «незримо-роковая» также нуждается в пояснениях. Роковой (книжн.) 1. Приносящий горе, несчастье, доставляющий неизбежно страдания, неотвратимый (устар., поэт.). «И всюду страсти роковые и от судеб защиты нет». Пушкин. «Я призрак милый, роковой, тебя увидев, забываю».

1. Пушкин. Выражающий особое предназначенье, своеобразную судьбу (устар., поэт.). В его лице было что-то роковое.

2. Решающий, предопределяющий дальнейшие события. «Роковая минута приближалась». Пушкин. Роковой шаг.

3. Гибельный, имеющий тяжелые или гибельные последствия. Роковой исход болезни. Роковая случайность. «Дряхлый мир — на роковом пути». Некрасов. Роковая ошибка. [14].

Все три значения в тютчевском эпитете подразумеваются. Ю. М. Лотман также обращается к образу «длани незримо-роковой» и в своих «Заметках по поэтике Тютчева» во части II «Аллегоризм в языке поэзии Тютчева» вспоминает о содержательной работе А. Шульце, «посвященной малым формам поэзии Тютчева. А. Шульце обратил внимание на связь стихотворения «Фонтан» с одним устойчивым образом из общеевропейской эмблематики. Речь идет о заключительных стихах:

Как жадно к небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Образ незримо-роковой руки, останавливающей струю фонтана, был бы совершенно загадочным, если бы не дешифровался с помощью одной из весьма известных в свое время, но тютчевскими читателями, вероятно, уже забытых эмблем. Шульце указал, что рука в христианской эмблематике «часто представляет божественный промысел». Действительно, в классическом и изданном на многих языках эмблематическом справочнике Диего де Сааведра Фахарды находим изображение фонтана, останавливаемого рукой, выходящей из

облака, с латинским девизом: «vires alit» — и пояснительной легендой:

«И поле должно иметь свой отдых, дабы богатейшие плоды приносить. Доблесть возобновляется праздностью и набирается сил, так же как заткнутый рукой фонтанчик, как учит настоящее изречение». Однако более вероятным источником тютчевского образа были петровские «Симболы и эмблемата», которые в XVIII в. не были редкостью в домашних помещичьих библиотеках. Здесь находим то же по сюжету изображение (у Сааведры рука спускается из правого верхнего угла, что соответствует норме; то, что в «Симболах и эмблематах» она выходит из левого, видимо, результат перевернутости клише в этом, вообще, довольно технически неискusstном издании). Подпись по-голландски: «фонтан, заткнутый (gestopt) рукой» — сопровождается девизом на русском, латинском, французском, итальянском, испанском, шведском, английском и немецком языках. Русский текст гласит: «Ободряет силу». Эмблема эта была известна не только Тютчеву, но и Козьме Пруткову, являясь ключом к его знаменитому изречению: «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану» [16]. Изречение это прямо связано с идеей эмблемы: заткнутый (ср. голландскую подпись) фонтан отдыхает («*muß seine Ruhe haben*» — у Сааведры) и набирает новые силы. Тютчевское истолкование субъективно и подчинено его общим воззрениям. Однако для нас важен в данном случае самый факт обращения к эмблематике как источнику образа». [3] «Длань, рука — символ Божественной активности, единственная часть Бога, доступная низшим чувствам». [8, с. 263]. Интересно было бы обратить внимание на «функции», осуществляемые этой «дланью». Это ограничение, а затем и разрушение «ослушавшегося»: «твой луч упорный преломляя». Преломить — в Малом академическом словаре — сломать, изменить движение. [17] Эпитет «упорный», характеризующий «луч», отражает качества человека — «переносное значение — настойчивый, стойкий и непреклонный-в стремлении к чему-л., в осуществлении чего-л. // разг. Не отступающий от своего; упрямый.

Осуществляемый с упорством, требующий выдержки, стойкости, больших усилий.

Не прекращающийся длительное время, ставший постоянным; стойкий. // Непрерывный, неизменный». [18]. Финал стихотворения вполне объясняет предположение Э. Н. Михайловой и А. Н. Чанышева о том, что «вина» отдельных вещей по Анаксимандру, заключается «не в самом факте их существования», а в том, что каждая индивидуальная вещь (или класс вещей) обладает некой «агрессивностью»; вещь (стремится «нарушить чужую меру», вторгнуться в чужие владения (например, «смертной мысли водомёт» так «жадно» рвётся «к небу», «но длань незримо-роковая, твой луч упорный преломляя, свергает в брызгах с высоты»). В этом же состоит вина вещей и несправедливость их друг к другу: «Нарушая чужую меру, «вещь» в конце концов нарушает и свою меру и в силу этого гибнет». [7]

Литература:

1. Ф. И. Тютчев Полное собрание стихотворений. Том 1 // М.: «ТЕРРА», 1994. — с. 224.
2. Брюсов, В. Я. Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. — Т. 6. — М.: Худож. лит. 1975. — с. 193–208. Стр. 206.
3. Лотман, Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. — СПб., 1996. — с. 553–564.
4. Пумпянский, Л. В. «Поэзия Ф. И. Тютчева» // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. — Л.: Прибой, 1928. — с. 9–57.
5. Ф. И. Тютчев Полное собрание стихотворений. Том 1 // Д. Д. Благой «Жизнь и творчество Тютчева». М.: «ТЕРРА», 1994. — с. 24–25.
6. Криницын, А. Б. Ф. И. Тютчев и немецкий романтизм // <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=83563>
7. Б. М. Козырев «Письма о Тютчеве» // <http://archive.is/p037H> Материалы о Федоре Тютчеве) // <http://www.tyutchev.ru/t10.html/>
8. Флудд «Земной монохорд» в «Энциклопедическом изложении масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии». Холл М. П. Новосибирск: ВО «Наука», 1993, гл. Пифагорейская теория музыки и цвета. с. 293.
9. С. Н. Трубецкой «История древней философии». Т. II, гл. 3.) // http://www.odinblago.ru/ist_drevn_filos2/3
10. Вадим Валерьянович Кожин. Пророк в своем отечестве. с. 473) // <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/about/kozhinov/prorok-1.htm>
11. Ю. С. Степанова в его работе «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования». М.: Школа. «Языки русской культуры», 1997, гл. 9.
12. Гиппиус, Ф. И. Тютчев // ФЭБ: Гиппиус Ф. И. Тютчев (ФЭБ — Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор — http://feb-web.ru/feb/classics/critics/gippius_v/gip/gip-201-hm
13. <http://dic.academic.ru>
14. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1011382/>
15. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/289/%D0%92%D0%9E%D0%94%D0%9E%D0%9C%D0%81%D0%A2>
16. см. Лотман Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. — СПб., 1996. — с. 553–564.
17. Малый академический словарь / <http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/51804/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%8C/>
18. <http://tolslovar.ru/u2321.html/>

Лексико-семантическая классификация соматизмов во фразеологических фондах английского и русского языков

Гриченко Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет

Харченко Юлия Александровна, учитель английского языка
МБОУ «Школа № 80 имени Героя Советского Союза Рихарда Зорге» (г. Ростов-на-Дону)

В статье выделяются и описываются лексические единицы, обозначающие части тела во фразеологических фондах русского и английского языков. Совокупность данных лексических единиц представлена в структуре лексико-семантического поля, построение которого осуществляется с опорой на семантику лексической единицы, возможность ее переносного употребления и учет закрепленных ассоциаций.

Ключевые слова: соматизм, фразеологическая единица, лексико-семантическая группа, лексико-семантическое поле

Фразеологические единицы с соматизмами в русском и английском языках характеризуются высокой частотностью и имеют разнообразные структурные модели. Частотность данных единиц объясняется свойством человеческой природы осознавать себя как фрагмент це-

лостной картины мира [7, с.84], а также первичными наивными представлениями человека о себе и окружающем мире. По мнению О.А. Боргояковой, осознание себя, своего места в мире и обществе, определение «себя как личности человек начал с ощущений, возникающих не-

посредственно через органы чувств и части собственного тела» [1, с.169].

Ю.С. Степанов отмечает, что важность человека во Вселенной определяет его «параметризацию» и широкое описание языковыми средствами: тысячи слов служат наименованием человека, его социальной роли, частей тела, внешности, характера, психоэмоциональной и интеллектуальной составляющих [5, с. 717]. Фразеологические фонды русского и английского языков закрепляют различные номинации человека, его частей тела, черт характера, внешности.

Под фразеологической единицей с соматическим компонентом мы понимаем единицу фразеологического фонда, в компонентный состав которой входит лексический компонент, обозначающий части тела человека. Также к соматизмам в рамках данной работы мы относим обозначение внутренних органов и жизнедеятельностных систем человека. Учет семантической, ассоциативной, а также образной составляющих лексической единицы позволяют расширить круг соматизмов.

Совокупность лексических единиц, способных выступать обозначением части тела или органа человека, может быть систематизирована и представлена в структуре лексико-семантического поля (ЛСП) с соответствующими зонами. Построение ЛСП в данной работе осуществляется с опорой на семантику лексической единицы, учитываются возможность переносного употребления лексической единицы и закрепленные за ней ассоциации. Лексические единицы распределяются по соответствующим лексико-семантическим группам (ЛСГ) и распределяются в структуре ЛСП соматизмов.

К ядерной зоне ЛСП соматизмов фразеологических фондов английского и русского языков нами относятся наименования частей тела человека, к окооядерной — внутренних органов, различный волосяной покров, элементы жизнедеятельностных систем, в зоне периферии располагаются наименования частей тела животных. Человеческое тело, а также тело животных, в первую очередь, тех, которые были одомашнены, или тех, с которыми человек сталкивался на охоте, оказалось одним из самых доступных объектов для наблюдения, сопоставления и описания. Этим фактом объясняется значительное количество примеров фразеологических единиц с соматическими компонентами, располагающимися в ядерной и окооядерной, а также периферийной зонах ЛСП соматизмов.

В зоне крайней периферии ЛСП соматизмов, по нашему мнению, могут располагаться единицы, обозначающие названия одежды, которые обычно ассоциируются с той или иной частью тела. Данные единицы не являются соматизмами, но могут быть соотнесены с ними (соматизмами) через учет ассоциаций. В данном случае мы сближаемся с точкой зрения Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, согласно которой, соматизмом является «любой значащий признак, положение или движение лица или всего тела человека» [2, с.24].

Учет семантики языковых единиц, способных выступать обозначением части тела или органа, закрепленных за ними ассоциаций, а также возможность переносного употребления лексической единицы позволяют разделить английские и русские лексические единицы на несколько лексико-семантических групп (ЛСГ), которые имеют свои зоны в структуре ЛСП соматизмов в каждом из фразеологических фондов.

Первую ЛСГ составляют лексические единицы, обозначающие туловище, верхние и нижние конечности, голову, а также элементы, располагающиеся в указанных частях человеческого организма (*heel, neck, eye, arm, leg, hand, elbow, head, ears, mouth, foot (feet), nose, shoulder, back, fingers, thumb, face, cheek, chin, toe, lips, palm, body, fist, breast, wrist*) и (*ноги, шея, спина, голова, глаз (а), уши, щека, ладонь, рука, локоть, бок, рот, лицо, нос, живот, лоб, плечи, палец, мизинец, грудь, губы, тело, пятки, затылок, колено, макушка, ноздря*). Данные единицы при построении ЛСП соматизмов фразеологического фонда английского и русского языков располагаются в его ядерной зоне.

Ясность функций частей тела и внешних органов, легкость их метафорического переосмысления и последующего декодирования объясняет частотность единиц первой ЛСГ. Наиболее распространенными соматизмами в данной группе являются *hand / рука: come to hand — прийти в руки* [3, с. 103]; *брать голыми руками* [6, с. 44]; *брать себя в руки* [6, с.47], что объясняется изначальной нацеленностью древнего мира на ручной труд.

То, что верхними конечностями человека осуществляются многочисленные функции, отразилось на разнообразии лексических единиц, относящихся к верхним конечностям (*arm, hand, fingers, palm, elbow, thumb, wrist, ладонь, рука, локоть, палец, мизинец*): *carry one's life in one's hands — рисковать жизнью* [3, с. 83]; *put one's hand to the plough — приступить к чему-то* [3, с. 411]; *под горячую руку* [6, с.118]). Не случайна и сочетаемость указанных соматизмов с глаголами, которые обозначают действия, выполняемые руками (*lay (down), hold, twist, carry, put, take, twiddle, брать, взять, загребать, двигать*): *hold at arm's length — держать на почтительном расстоянии* [3, с. 247]; *twist smb's arm — выкручивать руки* [3, с. 538]; *twiddle one's thumbs — бездельничать* [3, с. 538]; *брать в руки* [6, с. 44].

Широкая распространенность на материале двух языков соматизмов чувственного восприятия первой ЛСГ (*eyes, ears, nose, mouth, lips, глаз (а), уши, рот, нос, губы, ноздря*) объясняется познанием человеком себя через органы чувств: *melt in the mouth — таять во рту* [3, с. 340]; *маковой росинки во рту не было* [6, с. 52]; *воротить нос* [6, с. 79].

Вместе с тем, соматизмы, обозначающие органы чувств, в обоих фразеологических фондах не всегда имеют семантику чувственного восприятия и могут выступать характеристикой поведения или черт характера: *poke smb's*

nose into smb's affairs — совать нос в чужие дела [3, с. 400], *with one's nose in the air* — с высокомерным видом [3, с. 564].

Соматизм *mouth* в английских фразеологизмах может также употребляться в тех ситуациях, когда на первый план выходит значение «говорить», «проговориться»: *keep one's mouth shut* — держать язык за зубами [3, с. 285]; *shoot off one's mouth* — трепать языком [3, с. 457]; *open one's mouth* — проговориться [3, с. 379]. Другими соматизмами, посредством которых также представлена функция говорения, являются (*tongue, throat, lips*): *jump down smb's throat* — перебить, заткнуть кому-то рот [3, с.78]; *have a sharp tongue* — иметь острый язык [3, с.225]. В русском языке семантика говорения также передается фразеологизмами с соматизмами (*рот, зубы, горло, глотка*): *заговорить зубы* [6, с.162]; *чесать зубы* [6, с. 525]; *набрать в рот воды* [6, с.74]; *драть горло* [6, с. 146]. При этом лексема *глотка* принадлежит к четвертой ЛСГ и является просторечием: *луженая глотка* [6, с.108]; *заткнуть глотку* [6, с.171].

Соматизмами, относящимися к нижним конечностям во фразеологических фондах обоих языков, выступают (*foot (feet), heel, leg, toe, ноги, пята, пятки, колено*): *show a clean pair of heels* — только пятки засверкали [3, с. 458]; *be light on one's feet* — иметь легкую походку [3, с. 50]; *по пятам ходить* [6, с. 31]; *волочить ноги* [6, с.154]; *только пятки засверкали* [6, с.170]. Значение русских и английских фразеологизмов с соматизмами, обозначающими нижние конечности, часто передает информацию о различных способах ходьбы и передвижения. Вместе с тем, фразеологизмы английского и русского языков с соматизмами, обозначающими нижние конечности, могут реализовывать и семантику, не связанную с передвижением: *dig in one's heels* — дать решительный отпор [3, с. 125]; *stick in one's heels* — заупрямиться [3, с. 485]; *на дружеской ноге* — в дружеских отношениях. [6, с. 238].

Туловище представлено следующими соматизмами (*neck, shoulders, back, body, breast, шея, спина, бок, живот, плечи, грудь, тело*): *put smth on smb's shoulders* — взвалить на кого-то [3, с. 416]; *взвалить на плечи* [5, с.64]; *ломать шею* [6, с. 534]; *вставать грудью* [6, с. 85].

Голова, как известно, отвечает за восприятие информации, мыслительные процессы и поведение. Во фразеологическом фонде русского и английского языков насчитывается значительное количество примеров фразеологизмов с компонентом *head/ голова*: *a clear head* — светлая голова [3, с. 92]; *have a good head on one's shoulders* — иметь голову на плечах [3, с. 221]; *валить с больной головы на здоровую* [6, с. 42].

В пределах головы располагаются *глаза, уши, нос* и т.д. Представленными во фразеологических фондах оказываются (*chin, cheeks, face, lips, nose, ears, mouth, eyes, глаза, уши, щека, рот, лицо, нос, макушка, губы, за-*

тылок, лоб, ноздря): *keep a straight face* — сохранять серьезный вид [3, с. 282]; *pull a long face* — выглядеть печальным [3, с. 404]; *краска бросилась в лицо* [6, с.211].

Особенностью использования соматизмов во фразеологическом фонде русского языка является их более дробная номинация в пределах головы (*затылок, лоб, ноздря, макушка*): *чесать затылок* [6, с. 171]; *ушки на макушке* [6, с. 235], а также наличие синонимичных обозначений частей тела, отличающихся стилистически (*башка, харя, зенки, уста, око, рыло, чело*).

Лексические единицы, обозначающие внутренние органы, включая органы мыслительной деятельности, различный волосной покров, а также элементы жизнедеятельностных систем человека, относятся нами ко второй ЛСГ и располагаются в околоядерной зоне ЛСГ соматизмов (*blood, heart, bones, mind, nails, eyebrow, eyelash, tooth (teeth), lung, throat, hair, brow, tongue, brain, skin, muscles, soul, язык, горло, сердце, бровь, лопатка, ум, кровь, душа (дух), волосок, мозги, кожа, кишки, жилы, поджилки, косточки, усы*). Лексические единицы данной группы обозначают крайне важные для человека элементы тела или живой субстанции, без которых невозможно функционирование живого организма: *at the top of one's lungs* — во весь голос [3, с. 29]; *кровь стынет в жилах* [6, с. 214]; *волосы становятся дыбом* [6, с.77]. В данную группу также входят лексические единицы, обозначающие умственные способности, интеллект (*mind, brain, ум, мозги*): *bring to mind* — вспомнить [3, с.74]; *жить своим умом* [6, с. 415]; *вправлять мозги* [6, с. 81]. При этом, *душа* в обоих языках рассматривается именно как внутренний орган: «душа в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека» [8, с. 86].

Многие из лексических единиц, основным значением которых является наименование органа или части тела, используются во фразеологизмах о нравственности, душевности, вечных человеческих ценностях (*heart, mind, bone, soul, head*): *from the heart* — от чистого сердца [3, с. 168]; *peace of mind* — душевное спокойствие [3, с. 391]; *to the marrow of one's bones* — до глубины души [3, с.529]. Лексема *soul* во многих случаях оказывается синонимична лексемам (*heart, mind, spirit, head*): *cut smb to the soul* — ранить до глубины души [3, с. 117]; *prey on one's mind* — терзать чью-то душу [3, с. 403]; *a kindred spirit* — родственная душа [3, с. 292]; *heart and soul* — всей душой [3, с. 237], а лексема *blood* обозначает кровные узы, человеческую природу: *be in one's blood* — быть наследником [3, с. 47]; *in cold blood* — хладнокровно [3, с. 263].

На материале русского языка во фразеологизмах о нравственности, родстве, душевности, вечных ценностях используются лексемы (*кровь, сердце, дух, душа*), которые нередко используются как синонимичные: *кровь*

заговорила [6, с.161]; *большое сердце* [6, с.42]; *от всего сердца* [6, с.84]; *вкладывать душу* [6, с.70].

Третья ЛСГ представлена лексическими единицами, которые традиционно соотносятся с частями тела животных (птиц) и объединяет только те части тела, которые отличаются у человека и животных (птиц). Выделение данной группы обусловлено частым во фразеологических фондах метафорическим, метонимическим переносом, основанном на совпадении признаков, свойств, характеристик (*spine, wings, claws, feather, tail, clutches, жабры, крылья, лыко, когти, лапы, рыльце, шерсть*): *to clip smb's wings* — *подрезать кому-то крылья* [3, с.93]; *let one's claw into smth* — *вцепиться во что-то* [3, с.177]; *под крылышком* [6, с.216]; *стоять на задних лапках* [6, с.221]. Единицы данной ЛСГ располагаются в зоне периферии ЛСП соматизмов.

По своему функционированию или местоположению в организме некоторые части тела животных (рыб, птиц) совпадают с человеческими, что ведет к возможной синонимии данных единиц: *брать за жабры* [6, с. 45] и *брать за глотку* [4, с. 288]; *расправлять крылья* [6, с. 216] и *расправлять плечи* [4, с. 288]; *fall into smb's clutches* — *попасть кому-то в лапы* [3, с.147] и *fall into smb's hands* — *попасться в руки* [3, с. 93].

Четвертая ЛСГ в обоих фразеологических фондах несколько отличается. На материале английского языка в ней объединены языковые единицы, в которых соматический компонент представлен устаревшей лексикой: *one's gorge rises at smth.* — *что-то вызывает отвращение* [3, с. 204] или фигурирует в сложносоставном слове: *cut-throat competition* — *ожесточенная конкуренция* [3, с.118].

Среди соматических компонентов, встречающихся в качестве словообразовательных элементов сложно-составных слов, можно назвать (*head, back, neck, eye, foot, hand, throat, knee, arm, finger*). Как правило, семантика соматического компонента таких единиц утрачена. Примеры, в которых семантика соматизма не утрачена, являются единичными: *at breakneck pace* — *сломя голову* [3, с. 4]; *catch smb red-handed* — *застать кого-то на месте преступления* [3, с. 86]; *come away empty-handed* — *вернуться с пустыми руками* [3, с. 97]. Данные единицы располагаются нами в зоне периферии ЛСП соматизмов.

На материале русского языка в четвертой ЛСГ объединены лексические единицы, в которых соматиче-

ский компонент представлен единицами, либо стоящими на грани употребления в русском литературном языке (*рыло, башка, зенки, харя, брюхо, глотка*), либо устаревшей лексикой (*око, чело, уста*): *взбредить в башку* [6, с. 31]; *дурья башка* [6, с. 31]; *отворачивать харю* [6, с.504]; *ползать на брюхе* [6, с.50]; *продирать зенки* [6, с.174]; *вложить в уста* [6, с.70]; *бить челом* [6, с.37]. Данная ЛСГ во фразеологическом фонде русского языка достаточно широко представлена, ее лексические единицы часто имеют отрицательные коннотации и употребляются для выражения неодобрения.

Пятую ЛСГ во фразеологических фондах обоих языков составляют лексические единицы, обозначающие предметы одежды, по которым можно судить о частях тела. На материале английского языка к таковым относятся — *belt, hat, boots*; на материале русского — *пазуха, шапка, башмак*. Данная группа располагается в зоне крайней периферии ЛСП соматизмов в обоих фразеологических фондах. Возможность выделения данной группы связана с ассоциативным компонентом значения лексических единиц, который прямо или косвенно указывает на часть тела: *hit below the belt* — *нанести удар ниже пояса* [3, с. 242]; *lick smb's boots* — *лизать кому-то пятки* [3, с. 310]; *keep smth under one's hat* — *хранить что-то в тайне* [3, с.288]; *под башмаком* [6, с. 33]; *держат камень за пазухой* [6, с. 136]; *иметь камень за пазухой* [6, с.185].

Нередко данные единицы оказываются синонимичны тем, в которых используются соматизмы: *под башмаком* [6, с. 33] и *под пятой* [6, с. 178]; *получить по шапке* [6, с. 532] и *получить по голове* [6, с. 428], *получить по шее* [5, с. 559]. Вместе с тем, не все лексические единицы, обозначающие предметы одежды, обладают семантикой соматизмов и способны выступать косвенным обозначением части тела во фразеологических фондах русского и английского языков: *pull one's socks up* — *поднатужиться* [3, с. 405]; *бить по карману* [6, с. 36], *бросить перчатку* [6, с. 49].

Итак, во фразеологических фондах английского и русского языков соматизмы могут быть разделены на несколько лексико-семантических групп и расписаны в структуре соответствующего поля. Дальнейшее изучение семантики и функционирования соматизмов во фразеологических фондах нескольких языков представляется актуальным и перспективным.

Литература:

1. Боргоякова, О.А. Фразеологические единицы с соматическим компонентом в хакасском языке // Язык и культура Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013. СС. 169–174.
2. Верещагин, Е. М. Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
3. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь (около 5000 фразеологических единиц). М., 2006.
4. Словарь фразеологических синонимов русского языка // Под ред. В. П. Жукова (около 730 синонимических рядов). М., 1987.

5. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
6. Фразеологический словарь русского языка // Под ред. А. И. Молоткова (свыше 4000 словарных статей). М., 1987.
7. Фромм, Э., Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека» // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
8. Шмелев, А. Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка. Константы и переменные русской языковой картины мира // Языки славянских культур. М., 2012. СС.83–99.

Language learning strategies

Iskanova Nasiba Parmonovna, teacher
Navoi state pedagogical institute (Uzbekistan)

Исканова Насиба Пармоновна, преподаватель
Навоийский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Learning a foreign language is not an easy job. This process requires a lot of efforts, power and desire. Especially, language teaching provides comprehensive accounts of different language teaching methodologies and is rich with ideas and techniques for teaching a language. In our daily lives we are surrounded by the shifting tides of change. The field of education also has many changes. Naturally, learners themselves also change; they grow older as they respond to changes in society [3]. In order to become a well-learned language learner, the learner needs to be consciously aware of what strategies to know and what principles to follow.

A good way of learning about new activities and techniques is to read the various teachers' magazines and journals that are available.

In recent years, however, there has been a growing interest amongst psychologists in the cognitive strategies people use to think, to learn and to solve problems [2, p. 143]. Here, we want to mention some learning strategies. Most of us have already used some or all of the following in learning a foreign language:

- repeating words over and over again; During my classes I always ask my learners to repeat new words, word combinations again and again. It helps them to enlarge their own vocabulary.

- write an essay which you have learnt. As we know, in writing process, we have to follow these rules. Avoid very long, complicated sentences (with these, it is easier to make mistakes), or sentences which are too short. Not to translate from English into Uzbek. If you do this, you will inevitably make mistakes. It is better to think how you can express your ideas in a clear, simple way in English, using vocabulary and grammatical forms that you are sure of. Try and incorporate grammar which you have studied into your essays, for example, the passive voice, relative pronouns, indirect speech, etc. The best way to write well in English is to have read a wide variety of texts in English, which will both improve your level of comprehension and help you to form opinions and have ideas about which you can write.

- listening attentively to try to distinguish words: Memory is particularly important in learning a language. One of the main problems language learners face is memorizing vocabulary items. The teaching of ways of remembering things, including mnemonic strategies and involving more than one of the senses is likely to more than justify the time involve.

- testing yourself to see if you remember words; Attention is one area where an information processing approach has provided valuable insights into the working of the human mind. It is clear to any experienced teacher that some learners have considerable difficulty in paying attention to their work and it will have a negative effect on their learning.

- guessing the meanings of unknown words;
- using your knowledge of language rules to try to make new sentences;

- rehearsing in your head what you are about to say;
- practicing the sounds of the language to yourself;
- asking a speaker to repeat something;
- pretending that you understand in order to keep the communication going.

These are some of the many strategies that people use to try to succeed in the complex task of learning a foreign language. It has also proved difficult to define and to classify learning strategies, partly because terms such as skills, strategies are used differently by different people.

There are two questions to respond. Can individuals learn to become more successful at learning, and, can we as teachers help people to learn more effectively? Traditionally, curricula have tended to concentrate on imparting knowledge and skills, and have neglected the teaching of how to learn. Having gained a lot of knowledge on methodology, to my mind, in language learning process, teachers' role is necessary.

In one word, strategies can be cognitive, that is, they can involve mental processing, or they can be more social in nature, and their effective use is enhanced by metacognitive awareness. Scientist Rubin suggests that there are three major types of strategies used by learners. She identifies six

main cognitive strategies contributing directly to language learning. Clarification/verification refers to strategies used by learners to check whether their understanding of a rule language item is correct. Here, learners can clarify their basic knowledge by checking [2].

1. Guessing/inductive inferencing refers to various strategies concerned with making hypotheses about how the language works. Here, learners need to be able to select appropriate information, attend to what is important.

2. Deductive reasoning is a strategy where the learner uses knowledge of general rules to produce or understand language. By writing essays, control works, doing some research work learners can appreciate their understanding the language.

3. Practice is concerned with storage and retrieval of language. This includes such strategies as repetition and rehearsal. Learners may check their knowledge by acting and making presentations, explanations before audience.

4. Memorization. This category includes mnemonic strategies and using lexical groupings.

5. Monitoring refers to learners' checking of their own performance, including noticing errors and observing how a message is received.

Here, we can also mention communication strategies. They are used by a learner to promote communication with

others. These processes are very important to language learners. Many scholars believe that interaction, the act of communicating with another person, plays a significant part in second language learning. First, Michael Long believes comprehensible input is of great value, but believes it is best received through interaction. This is because when a fluent speaker and a less fluent speaker interact, they enter into a negotiation of meaning. As they use the situational context, repetitions, and clarifications to maximize comprehension, the more likely the learner will receive input just beyond his present competency [1].

In the concluding section, I'd like to comment on the main role of learning strategies, in learning and teaching process. We should advise all learners to get involved in using different learning tools, audio-visual aids, and principles in learning process in order to get fruitful information belonging to their academic themes. Writing and expressing in one article we cannot actually make conclusion on this sphere. We also want you to share your opinion, problems and your ideas with us.

Let's have a positive attitude in life. Learning is always possible, depending on how we set our minds to doing it. Look at our assets and strengths, they will inspire us, they will bring us to a meaningful change. Let us go for excellence!

References:

1. Ellis Rod. Second Language Acquisition. New York: Oxford University Press (1997).
2. Marion Williams, Robert L. Burden. Psychology for language teacher. Cambridge University Press, 2010.
3. Peter James. Teachers in Action. Cambridge University press, February 22, 2011.

Структурно-грамматический анализ соматических фразеологизмов в произведениях В. Астафьева

Кошанова Гульбахар Кутлымуратовна, ассистент;

Джуманиязова Наргиза Азатовна, студент

Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза (Узбекистан)

Фразеологизмы нередко рассматривают как микро-тексты, «где свернутым оказывается достаточно большой объем информации. Причем эта информация является в значительной мере культурно маркированной и культурно значимой, поскольку фразеологические номинации социально наиболее релевантные явления на том или ином этапе развития этноса. Хорошо известно, что вербализуются действительно значимые для человека феномены человеческой цивилизации» [4, с. 88].

Каждый человек имеет в памяти определённый запас фразеологических единиц, лексические значения которых дают возможность заменить близкие по значению слова. Фразеологизмы свидетельствуют о богатстве языка, о его многообразии в выражении той или иной мысли и требуют от того, кто их употребляет, понимание их значений. Фра-

зеологизмы украшают речь, делают её выразительной, образной, интересной.

Фразеологические единицы, выражающие состояние человека, являются одними из самых многочисленных в русском языке. Среди соматических фразеологизмов в произведениях В. Астафьева можно выделить фразеологизмы с компонентом «душа». Словарь русского языка в 4-х томах определяет душу как внутренний психический мир человека, особое нематериальное начало, способное существовать независимо от тела, а по религиозным представлениям — особое бессмертное нематериальное начало в человеке, связывающее его с Богом. Следует отметить, что эти понимания души в языковой картине мира гармонично сочетаются и с древним, еще языческим пониманием души как жизненного начала, средоточия чело-

веческой сущности. Это понимание также входит в концепт «душа» в русской культуре.

Например: отвести душу (высказать всё, что накопилось, наболело, о чем долго приходилось молчать): *Вояки вредничали, пытались сцепиться с кем-нибудь из тыловиков, чтобы хоть на них отвести душу* [3, с. 32];

душа страдала (душа была беспокойной): *«Ах, зачем эта ночь так была хороша, не болела бы грудь, н-не страдала душа»* [1, с. 64];

расстаться с душой и телом (умереть): *Добровольно, сам, махнувши на свою жизнь рукой, плохо чувствуя себя в миру, готов он расстаться с душой и телом.* [3, с. 225];

от души (от всего сердца, искренно): *От души повеселились родные командиры, однако тоже посоветовали помалкивать* [3, с. 110].

Также распространены фразеологизмы с компонентом «дух»: упал духом (потерять бодрость, уверенность, отчаяться): *Сразу я упал духом: такую ложку мог иметь только опытный и активный едок* [1, с. 34];

испустил дух (выражает смерть, умер): *Командующий армией, довольно еще молодой для его должности человек, испустил дух на операционном столе* [3, с. 57];

собраться с духом (набраться решимости, побороть страх, волнение): *Вождь уже почти не кашлял, разогрелся или окончательно поверил, что враг на ладан дышит и стоит собраться с духом, сплотиться, нажать — как нечистая эта сила тут же окажется в собственной берлоге* [2, с. 19];

захватывает дух (о временной приостановке, перерыве, замирании дыхания от холода или душевного волнения): *От просторов мутной воды, от шири реки, где-то сливающейся с небом и утекающей в него, захватывает дух* [3, с. 4];

не падать духом (не потерять бодрость, уверенность): *Карнилаеву сочувствовали, предлагали не падать духом, дождавшись конца войны, вернуться домой* [3, с. 162];

не терять присутствия духа (полное самообладание, хладнокровие): *После такой войны сохранил в себе юмор и не терял присутствия духа* [1, с. 105];

нищие духом (смиранный, лишенный гордости, взято из Евангелия): *Нищие духом неизбежно должны были обрядить паству в нищенскую лопотину* [3, с. 103];

родственная душа (о близком для кого-то по интересам, духу человеке): *Родственная душа встречала нас* [1, с. 70].

Что касается эмоциональных состояний — аффектов, как считает В.И. Шаховский, они составляют наиболее многочисленную группу, семантически плохо структурированную что вообще характерно для аффективов [5, с. 90].

Например, черт «дьявол, шут» меня возьми (могут обозначать (безотносительно к различию их лексико-грамматического состава) как удивление, так и раздражение, а также восторг или восхищение и т.п. В исследуемых произведениях с компонентом «черт» встречаются такие фразеологизмы как: где тебя черти носят (выражение не-

удовольствия): *Шорохов! — в телефон заорал сам полковник Бескапустин. — Где тебя черти носят? Нет связи с батальоном! Почему?* [3, с. 229];

они также используются в эмоциональных состояниях и выражениях: черт знает что такое (выражение возмущения чем-нибудь, недоумения по поводу чего-нибудь): *«Черт знает что такое? Уму непостижимо!»* [1, с. 102];

черт бы тебя побрал (употребляется в значении вводного слова или междометия, выражающего удивление, восхищение или же возмущение, негодование): *Сайтын алгыр! (Черт бы тебя побрал!) Ешьте все! Ешьте! Аллах разрешил из-за трудности момента.* [2, с. 50];

ну и черт с тобой (выражение желания отделаться, отвязаться от кого-нибудь): *«Ну и черт с тобой!» — махнул рукой Щусь* [3, с. 28];

куда черт несет (выражение неудовольствия): *Куда меня черт несет? Зачем?* [1, с. 22];

черт знает что (выражение возмущения чем-нибудь, недоумения по поводу чего-нибудь): *Черт знает что! Попади на ваше место баринок военный, да получи царяпину — он бы весь боезапас израсходовал* [3, с. 132];

убирался бы ко всем чертям (послать кого-нибудь): *Чтобы отвязаться от Булдакова, чтобы он не портил строй и лад занятий, убирался бы ко всем чертям, сила нечистая* [2, с. 24];

какого черта (выражение недоумения, неудовольствия): *Какого черта? Вы что, одурели? — раздалось в блиндаже* [3, с. 136].

При анализе произведении В. Астафьева также выделяются соматические фразеологизмы, связанные с частями тела человека. Компонент «голова» в фразеологизме ломал голову: *Чем же, чем же все-таки прельстило наших стратегов это гиблое место? — ломал голову командир батальона* [3, с. 18], употребляется в значении стараться понять что-нибудь трудное или решить какой-нибудь трудный вопрос, а в фразеологизме что в голову взбретет: *Петя же расходился все больше, брызгая слюной, визгливо кричал, что в голову взбретет* [2, с. 69], в значении, что случайно вздумается или придет в голову.

Также известны случаи с компонентом «нос»: за нос водить (обманывать, вводить в заблуждение): *Задушенный поцелуями Лешка спрашивал: что же ты так-то, зачем же за нос человека водить?* [2, с. 133]; клюет носом (дремать, на мгновение забываться сном): *У печурочки клюет носом шофер, этакий толстобокий, опрятный дядька по фамилии Брыкин* [3, с. 113].

Фразеологизмы с компонентом «глаза»: на моих глазах (видел, наблюдал, был свидетелем): *Когда на моих глазах в клочья разнесло целую партию раненых, собравшихся на дороге для отправки в медсанбат* [1, с. 8]; во все глаза глядел (пристально, зорко, настороженно, с широко раскрытыми глазами): *Батальон, не переступая, не шевелясь, во все глаза глядел, всем слухом сосредоточился* [2, с. 107]; с глаз долой (требование уйти): *Художники! С глаз долой, из сердца вон!* [3, с. 156].

Фразеологизмы с компонентом «зуб»: заговаривал им зубы (постараться обмануть, ввести в заблуждение, отвлекая посторонними разговорами): *Пока великий мастер всевозможных обдуваловок Леха Булдаков ругался с охранниками, заговаривал им зубы* [2, с. 104]; проговорил сквозь зубы (неотчетливо, из презрения к слушающему): *Сквозь зубы проговорил со всей ненавистью, какую нажил на войне* [1, с. 111].

Фразеологизмы с компонентом «рука»: попадетс под руку (будет взят, пойман): *Если Талгата и Шестакова не возьмете, сволочью мне быть, кто мне первый попадетс под руку из вашей конторы — застрелю!* [3, с. 230]; как без рук (совсем беспомощен, ничего не может делать): *Над Одним посмеивались, но все кругом знали — без него, как без рук* [3, с. 111], и с компонентом «нога»: в ногах правды нет в значении садиться, не надо стоять на ногах: *Ну, раздевайся, охотничек-работничек, чего стоишь? В ногах правды нет* [2, с. 99].

В исследовании по грамматическому составу среди фразеологических единиц выделяются несколько наиболее типичных разновидностей:

1. ФЕ, являющиеся сочетанием прилагательного + существительного: родственная душа — *Родственная душа встречала нас* [1, с. 70];

2. ФЕ, состоящие из существительного с предлогом + существительное в Род. п.: на вес золота — *Руби, не бе-реги! Да здесь дерево-то на вес золота* [2, с. 125];

3. ФЕ, состоящие из существительного с предлогом + наречие: с глаз долой — *Художники! С глаз долой, из сердца вон!* [3, с. 156];

4. ФЕ, состоящие из глагола + существительным с предлогом: водить за нос — *Задушенный поцелуями Лешика спрашивал: что же ты так-то, зачем же за нос человека водить?* [2, с. 133], и без предлога: испустить дух — *Командующий армией, довольно еще молодой для его должности человек, испустил дух на операционном столе* [3, с. 57];

5. ФЕ, являющиеся сочетанием союза + предлога + существительного: как без рук *Над Одним посмеивались, но все кругом знали — без него, как без рук* [3, с. 111].

Таким образом, соматические фразеологизмы в произведениях В. Астафьева отражают национальную специфику языка, его самобытность. В исследованных фразеологизмах отражается языковая картина мира и богатый исторический опыт народа, в них проявляются представления связанные с обычаями и традициями, бытом и культурой людей. При структурно-грамматическом анализе произведений В. Астафьева «Веселый солдат», «Прокляты и убиты. Кн. I. Чертова яма», «Прокляты и убиты. Кн. II. Плацдарм» больше всего используются фразеологические единицы, состоящие из глагола существительным с предлогом и (без него) с отрицательной коннотацией.

Литература:

1. Астафьев, В. П. «Веселый солдат» М., «Новый Мир», № 5,6 1998
2. Астафьев, В. П. «Прокляты и убиты Книга первая, Чертова яма». М., 2007
3. Астафьев, В. П. «Прокляты и убиты. Книга вторая. Плацдарм». М., 2007
4. Красавский, Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008.
5. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987

Ономастическая фразеология как отражение национально-культурной самобытности народа

Курбанова Гулсара Садиковна, старший преподаватель
Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека

В данной статье рассматриваются национально-культурные самобытности народа на примере французских и узбекских ономастических фразеологизмов.

Ключевые слова: ономастика, фразеологические единицы, имя собственное, национальный характер

Onomastic phraseology as a reflection of national and cultural identity of the people

Kurbonova G. S. Professor
National University of the Uzbekistan.

In this article proper names in the phraseological units are researched. The development of existence of onomastic component in phraseological units in French and Uzbek languages are also analyzed in it.

Key words: *onomastic, phraseological units, proper name, national character.*

В данной статье ставится задача выяснить, как имя собственное, являясь одним из главных способов названия человека, в составе фразеологических единиц (ФЕ) способствует выявлению национально-культурных особенностей того или иного народа. Ономастические фразеологизмы, имеющие в своем компонентном составе имя собственное, составляет довольно значительную часть фразеологии французского и узбекского языков. Способы, которыми ФЕ и ИС могут отражать национально-культурную специфику народа можно условно подразделить на 3 группы.

В первую группу входят ФЕ которые могут содержать в себе имя собственное, которое обозначает реальное историческое лицо, хорошо известное всем членам общества. Например, современный француз вряд ли сможет понять значение коннотацию такой фразеологической единицы XVI–XVIII вв. как *laisser faire à Georges, il est homme d'âge* «представьте дело Жоржу, он зрелый человек», поскольку центральный персонаж этой образной единицы — кардинал Жорж д'Амбуаз, министр при дворе Франциска I, славившегося своим умом и ловкостью, со временем был забыт, как и многие и многие деятели его эпохи. Точно также было забыто происхождение идиомы «*boir comme un Templier (templier)*» «пить как сапожник» (букв.: пить как тамплиер) связано с историей духовно-рыцарского католического ордена (от слова *temple* «храм»).

В узбекском языке часто используется имена пророков Мухаммеда и Сулеймана: “Мухаммад пайгамбар ҳаққи — хурмати мен рост гапирдим!” — «если я сказал неправду, то не быть мне последователем Мухаммеда!»; “Сулаймон ўлди, девлар қутилди” — «Умер Соломон и дьяволы спасены». Эти поговорки связаны с народной легендой. По сюжету этой легенды пророк Соломон заставил строить джиннов священную мечеть «Байтул-мукаддас». До завершения строительства мечети пророк стоял над ними, а джины боялись его, работали до конца. Но когда узнали, что он скончался, джины сразу разбежались. Упомянутая поговорка употребляется в коннотативном смысле, по отношению к таким людям, которые были жестокими руководителями, или к главе семьи который отстраняется или уезжает, или их покидает, а подчиненные думают, о том, что хочется, то есть им достанется свобода.

Во вторую группу входят ИС из литературных источников. Литература и устное народное творчество значительно обогатили языки, подарив им множество ярких

и выразительных образов, вошедших в обиходную повседневную речь и, несомненно, отражающих национальную специфику народа, говорящего на этом языке. Например, французское выражение «*Moutons de Panurgue*» — панургово стадо, слепые подражатели (из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»), *avar comme Haragon* «скупой человек», (по имени персонажа пьесы Мольера «Скупой»); “*maitre Jacques*” 1) «доверенное лицо» 2) «мастер на все руки», по имени персонажа пьесы Мольера «Скупой», который был одновременно кучером и поваром.

Узбекский язык очень богат и фразеологизмами устного народного творчества, они связаны с историческими событиями, например, “Махмуднинг қадами етган ерда ўт ўсмас” — «не растает трава там, куда шагнул Махмуд» (здесь имеется в виду жестокость исторического лица Махмуда Газнавий.); «*Аёз кўрган кунингни унутма, кўн чоригинг кўтирма*» — «Аёз не забывай свое тяжелое прошлое, не бросай кетмень, храни его память». Эти ФЕ пословичного характера используются по отношению к знатым людям, которые когда-то были неимущими и которые обращаются к бедным с презрением.

И, наконец, **в третью группу** мы отнесли ФЕ с традиционными, популярными мужскими и женскими именами. Французские имена *Jean, Jacques* являлись пренебрежительным прозвищем крестьян и как следствие этого они наиболее часто используются в составе ФЕ в значении «крестьянин», так и человек низкого происхождения «дурак» — «*etre Jean comme devant*» — «остаться у разбитого корыта», *Jean de la suie* “трубочист”; имя *Jacques* также было прозвищем крестьян (Жакерия), отсюда ФЕ *faire le Jacques* «валять дурака, прикидываться дурачком»; *Paul et Pierre* — «каждый встречный». В узбекском языке наиболее распространенным в составе ФЕ являются имена Али и Вали, Фотима, Хусан, которые обозначают человека, вообще, любого человека, первого встречного, каждого: *Алининг аламини Мусодан олибди* — «прогневался на Али, а накинулся на Мусу»; *Али жинни, Али жиннинг барии жинни* — «Вся родня — сумасшедшие» — здесь подразумевается семья скандалистов и т.д.

Национальный характер фразеологии прежде всего, подтверждается преобладанием в ней исконно национального элемента. Их изучение, несомненно, важно, особенно для решения ряда некоторых общетеоретических проблем фразеологии, а также для сравнительно-типологического анализа фразеологии двух или более языков.

Литература:

1. Назарян, А. Г. История развития французской фразеологии: — М.: Высш. Школа, 1981. — 189 с.
2. Rat, M. Dictionnaire des locutions françaises. P. 1982. — p. 428
3. Абдурахимов, М. Русча-ўзбекча афоризмлар луғати. Т. 1986. — 213 б.

The effect of metacognitive strategy training on the listening and speaking performance of learners

Madraimov Komiljon Madraimovich, teacher;
Matyakubov Zohid Muminbayevich, teacher;
Jumanova Nurziyo Adambayevna, student
Urgench State University (Uzbekistan)

This article is done by the exchange students from Turkmenistan and can be considered as the result of investigations to develop learners' language strategies. The article suggests a number of effective ways to develop language strategies. Language is learned through different strategies and principles.

Мадраимов Камилжон Мадраимович, преподаватель;
Матьякубов Зоҳид Муминбаевич, преподаватель;
Жуманова Нурзиё Адамбаевна, студент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

However listening is considered as one of the major skills in language learning, but the number of studies done on this field is less than other skills. Listening skill is less apparent and, so, have received less explicit attention (Chiang & Dunkel, 1992; Morley, 1984; Moyer, 2006; Mendelsohn, 1998; Schmidt-Rinehart, 1994). Scholars were engaged by theorizing strategies to develop what they considered as main elements of language learning and teaching. In this way listening was thought to grow by itself along other strategies with no strategy being devised for its teaching. Nowadays this fact motivated many researchers to pay more attention to this neglected skill. At last the silent heart of language learning (listening) came to be seen as a part without which EFL learners could have no comprehensible input. Based on this fact more and more research is done in this field.

Research has shown that successful learners are autonomous, reflective, and are actively involved in their learning. These learners are aware of how learning takes place and the best learning strategies for themselves. With this understanding, the importance of learning strategies was recognized and teachers were suggested that they train their students in making use of learning strategies for more successful learning experiences (Wenden, 1985).

Mendelsohn (1994) believes that an awareness of the strategies for listening comprehension will form the basis for better listening courses. Similarly, Wenden (1983) underlines the need for strategy training and helping learners become aware of their own language learning experiences.

Therefore, in order to help Iranian EFL learners to develop their listening skill, this study is conducted. In this study the effect of metacognitive listening strategy training on the listening performance of female Iranian EFL beginner learners is of main concern. (ELT Voices — India (Vol. 3 Issue 1) | February 2013 p123)

This research sought to investigate the effect of metacognitive strategy training on the listening performance of the participants. The result of the statistical analysis indicated a

significant relationship between listening performance and metacognitive strategy use by the participants. When the students are trained how to learn they will become effective learners and know how to cope with the learning task. In completing a listening task learners with metacognitive knowledge about learning process can evaluate the challenges of the task, be informed about their own level of proficiency, and accordingly use the appropriate strategies to successfully accomplish the task. In this way, the experimental group outperformed the control group after the treatment sessions.

Implications and Suggestions for Further Research.

It has been long a general pedagogical fact in Iran that listening instruction is mainly for enhancing students' learning process. In the present study the focus is more on the complex listening process involving metacognitive strategy instruction and use.

The result of the present study provides some directions for teachers to promote learners' metacognitive listening strategies of planning, monitoring and evaluation. Teachers may need to introduce the concept of language learning strategies to learners and make learners familiar with the learning strategies. Teachers could provide instruction and practice in using metacognitive strategies, especially in planning, comprehension monitoring, and valuation strategies, which have positive influence on their performance. (ELT Voices — India (Vol. 3 Issue 1) | February 2013)

In the Iranian context, very few textbooks elaborate on listening tasks related to metacognitive strategies. Materials developers should allocate specific sections of listening materials to introduce the concept of strategies, particularly metacognitive strategies.

Using listening strategies increases their awareness about the listening process, which leads to better performance. By practicing metacognitive listening strategies, learners become self-regulated listeners and can succeed in accomplishing different tasks with different levels outside the classroom contexts.

This study calls for further research to tease out the learners' contribution of different kinds and combination of different data gathering procedure. In this way the same research may be conducted via comparing the results of the study with subjects at different levels of proficiency.

The present study may be replicated while considering other variables such as age and gender. The effect of learners' metacognitive awareness on their reading comprehension, writing, and speaking ability can also be investigated.

Finally, the researcher hopes the study will be effective in already mentioned areas, and as a concluding note it should be stated that further investigations are needed to be followed on the topic under question.

Pedagogical Implications carried out of the research are defined as in the following items. The data from the empirical study proves that writing approach training is fruitful and it helps to improve the writing performance of the students of vocational colleges. Some implications are drawn from the study.

- The Necessity of Enriching Students' Positive Writing Experience;
- The Indispensability of Enhancing Students' Metacognitive Ability and Metacognitive Awareness;
- The Feasibility of Improving Writing via Reading.
- The Significance of Strengthening Students' Self-Monitoring in Writing.
- The Effectiveness of Stressing Students' Basic Writing Knowledge.
- The Effectiveness of Explicit, Eliciting Metacognitive Strategy Training.

Although this pilot empirical study has got some encouraging results, there are still some limitations because of the restrictions of the objective conditions and the author's inadequate academic knowledge.

– The present study is a tentative one, so it is far from perfect owing to the imitations of the researcher's academic knowledge as well as some objective and subjective limitations. First, the study has somewhat limited sample size and limited training length. Only 86 students from only one vocational college were randomly chosen as subject samples which are quite limited and far from typical and can't represent the general conditions of EFL students in all vocational college. And the training period only covers 18 weeks and lasts one semester is also quite limited.

– Third, in this study, the researcher didn't take other factors into account like students' individual style of cognition, affection, motivation, or social environment, etc.

– Fourth, the present study only explores the effectiveness of metacognitive strategies training and students' writing performance. The relationship between metacognitive strategies and English proficiency is somehow ignored.

In the light of the above implications and limitations, we can say that this study leaves a number of avenues open for further study.

First, in future research, there is a need to have a larger subject sample size and longer training period. The more subjects and the longer the experiment lasts, the greater reliability and validity it will have.

Second, unlike the present study which only talks about the effect of metacognitive strategy training on writing performance, later research can focus on the impacts on overall English proficiency; and the training can also be carried out in other aspects including vocabulary, listening, speaking and reading so that the influence of metacognitive strategies can be maximally highlighted.

Third, many different variables of cultural background, students' individual personality, style of cognition, affection, motivation, or social environment, learning style, attitudes and beliefs may affect the use and learning of metacognitive strategies, so future training should taken these variables into account and it should be thoroughly investigated with other learning strategies together, such as cognitive strategies as well as social strategies.

Fourth, in previous studies, researchers chose their participants only by referring to their one writing performance before determining students' writing ability, which is quite limited; therefore the future researcher may refer to at least two writing performances to confirm students writing ability.

Fifth, the scoring of writing has been always subjective which affects the reliability and validity of participants' writing performance. Hence, it is a must for the future research to focus on designing more objective scoring guideline.

Sixth, some limitations of the researchers including academic knowledge, personality may hinder certain kinds of investigation, so it is crucial to improve researchers' professional competence.

To sum up, metacognitive strategy training in English writing is still at an exploratory phase and the present research is the first one conducted in vocational college, needless to say, there exists some limitations, so it is hoped that future researches may overcome them and take warning and offers more valuable information about metacognitive strategy training in writing; and it is desirable that more researches be carried out in vocational colleges and more researchers concern themselves with vocational college students.

Therefore, to some extent, this study has its own characteristics and strong points. As the present study is a tentative one, it is far from perfect and has its inherent weaknesses. Research is on-going, non-stop and continuous cycle within which answers to questions may pose new questions; therefore, the author hopes that this study will offer some stimulus or insight in the field of vocational college English writing.

References:

1. Anderson N. J. Individual Differences in Strategy Use in Second Language Reading and Testing. *Modern Language Journal*, 75, 460–472. 1991.

2. Arndt V. (1987). Six Writers in Search of Text: a Protocol-Based Study of L1 and L2 Writing. *ELT Journal* 4/4: 257–267.
3. Brown A. L., Bransford J. D., Ferrara R. A. and Campione J. C. (1983). Learning, Remembering and Understanding. In J. H. Flavell and M. Markman (Eds.), *Carmichael's manual of child psychology* (pp. 77–166). New York: Wiley.
4. Brown A. L. (1987). Metacognition, Executive Control, Self-Regulation, and Other More Mysterious Mechanisms. In F. E. Weinert and R. H. Kluwe (Eds.), *Metacognition, Motivation, and Understanding* (pp. 65–109). Hilldale: Lawrence Erlbaum Associates.

Perspective transfer in medical discourse

Masharipova Nargiza Otaxonovna, teacher;

Musaeva Malika Alisherovna, student

Urgench state university (Uzbekistan)

Машарипова Наргиза Отахоновна, преподаватель;

Мусаева Малика Алишеровна, студент

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Text translator of scientific and technical nature now, with the growing interest in improving knowledge about individual specific areas of natural and humanitarian sciences, information wisely and the need for terminological clarification in the framework interlingual communication, there is a need for a professional approach to handling specialized vocabulary and terminology in general.

Constantly emerging new concepts and phenomena cause an identifiable need in their exact understanding and interpretation, sensitivity to individual specifics in use multivalued and synonyms of words, meanings of words to specialization and standardization translated equivalents. In the face of access to information from specialized areas, due to the need for their adequate mediation in the field of multi/interlingual communication, are faced with issues of specific terminology translation fields of medicine and health, relevant to the category of special areas scientific and technical translation. And so, increasingly, there is a situation in which the translator must be attentive to highly specialized issues, and forced to keep on the professional level: [1, p. 46]

- natural and latest trends research and information processing (online electronic dictionaries, terminology basics and memory SAT programs, consultations with doctors, comparing multilingual mutations of the translations of the same text, for example: <http://eur-lex.europa.eu/>)

- increased education on general medical issues and health care, with subsequent specialization in selected industries:

Medicine: preventive (sanitary, hygiene, m. dezinfectology, epidemiology, school of public health) clinical (area: therapy, pediatrics, psychiatry, surgery, dietetics, gerontology; topics: cardiology, neurology, endocrinology, ophthalmology, dentistry, urology);

Pharmacology, pharmaceuticals (area: pharmacoepidemiology, pharmacy sections: clinical, molecular, pharmacogenomics, experimental s.);

Medic branch (anatomy, statistics, cytology, embryology, histology, genetics, immunology, infectology, microbiology, neurobiology, pathology, physiology, radiobiology, toxicology, etc.);

individual interdisciplinary field of Medicine (aviation medicine, arctic medicine, military medicine, space medicine, accidents medicine, laser medicine, underwater sports medicine, judicial medicine, labor medicine, palliative medicine, evolutionary medicine.)

- the emergence of new medical terms (multifunctional and solo intervention by persons caring for ill-translated into Russian language intervention)

- new technological methods in the prevention, diagnosis and therapy

- organ and systemic diseases.

- fashionable terms for cosmetic issues,

- pharmaceutical issues, pharmacological and pharmacotherapeutic and addition in terms of their chemical structure (chemical nomenclature and terminology translation chemicals),

- emergence and transfer of new medical names of diseases, eponyms, symptoms of diseases, diagnostic techniques, therapies, medical institutes and institutions, medical and therapeutic institutions, rehabilitation centers, etc., different types of abbreviations of their names and abbreviator,

- urgent medical issues, which serve materials and reports of medical conferences, magazines, consultations with experts, abstracts, publications, dictionaries, congresses medicine, doctors, etc.),

- relevant examples of medical records (e.g., hospital discharge summary (e. Stage, e.e. transferable, posthumous), history, magazines, medical statement on the status of the health of the patient from an outpatient or inpatient's medical card map of hospital (olden history), history of development of the child and etc.).

Equally important is the need to differentiate «target group», i.e. the addressee communicative partners in med-

ical discourse, intended for perception, understanding and interpreting information on medical and health issues. Typology texts medical discourse in four main types of proposed (1981) later augmented version «Arzt-Patienten-Kommunikation: Analyses zoo».

Differentiation of types medical text Lönig implements depending on the degree of specialization communication partners and target text or intentionality communication:

1. **Communication partners:** Professional level-professional level (specialist physician-specialist physician)

The purpose of communications: translation skills on a parallel level

Style: scientific medical texts with special terminology

Text type: research papers, magazines, lectures

2. **Communication partners:** Professional level-semi-professional level (doctor of medicine-student nurses (high, medium, Deputy of the author)

The purpose of communication: transfer of basic knowledge

Style: instructions

Text type: textbooks, manuals, monographs

3. **Communication partners:** Professional level-unprofessional level (doctor-patient)

The purpose of communication: education, medical theory and medical practice

Style: education, methodology

Text type: tutorials and instructions for patient education

4. **Communication partners:** Professional level-unprofessional level (journalist-recipient).

The purpose of communication: initiation of interest in health issues and health issues.

Style: popular-scientific texts

Text type: articles in newspapers, magazines on health, healthy nutrition, etc. [2, p. 88]

On the classification and drawing up profiles of target communication group medical discourse can be exploded and the types of medical translation, types of texts of medical discourse, depending on their functional and stylistic features that are designed for a specific group recipients. Medical translation is done by oral or written and thus, there is mind implementing broadcast both oral and written. Comparing level of specialty and degree of mastery of the issue you can define a medical translation as semi-professional and professional. A written medical discourse is characterized by a lack emotion, expressivity, objective assessment, the rigidity of the judgment and a high level of terminology. Among the different kind of medical instruments can be distinguished by their discourse genres right proportional to the dependents of the addressee:

1. Medicine in scientific discourse (clinical trials and their analysis, article, book review, tutorial on special issues

designed to doctors-physicians and nurses, the reports on symposia, conferences, congresses, specialist doctors).

2. Special medical documentation (procedural map, analysis of material, the patient's ambulatory coupon, excerpt of outpatient medical records, hospital, accounting log procedures book house call recorder card appointment to see a doctor, Journal of preventive vaccination, sanatorium-resort card, the history of the development of newborn health certificate birth certificate, medical certificate of death receptor lank, diary ambulance station operation, setting the doctor-consultant, history childbirth, act of forensic chemical studies (recipe act forensic chemical studies, the history of olezni, medical information, act of forensic histological examination, operational log, direction the forensic laboratory, etc.).

3. Unprofessional, ordinary medical issues (communication everyday, popular magazines on medicine, health articles cosmetic issues (cosmetic clinic, services, clinics) [2, p. 115]

Faux amiss in medical translation.

It is clear from the foregoing that the translation of text from the field of science, characteristic of highly specialized terminology requires professional an interpreter who speaks a foreign language, along with the special terminology the translated text. Translator implemented by «medical» or translation of medical texts, which occupies a special place among scientific and technical translation, always requires a lookup information in relation to the task force, i.e. for any recipients intended target translate. With this fact also involved formal aspect of translation and its realization content: otherwise will understand text with specialized medical recipient terminology without medical training (the patient) and the specialist physician. Hetaerae humanism est., in the translation of medical documentation should be avoid inaccuracies and obscurities, even incorrectly listed equivalents.

Translations of a similar nature, therefore, must comply with highly qualified translators with training and special medical education, the medical system includes terminology and terminology of other sciences (Microbiology, radiology, chemistry, physics, engineering, etc.). And so, from medical terminology should be understood as special text with special termin system the interdisciplinary nature translation which must be objective, accurate, true passing the idea the original. [2, p. 58]

Commissioners selects mostly five regulatory requirements respect to translation in general: *norm equivalence translation, genre and stylistic standards of translation, speech translation rules, pragmatic rules translation and conventional norms of translation* (Commissioners, 2002). When this cannot be forget that for full-fledged interpretation of the ideas of the original text is not it is allowed to breach any of the rules, especially rules of equivalence, since it provides the need for possibly semantic commonality of the original and the target texts.

References:

1. «Проблематика перевода медицинских терминов», Nicoleta Mertova.

2. Юлия Вячеславовна Дацкевич, Ольга Викторовна Зубкова. Многоязычный словарь медико-биологических терминов и понятий (русский, английский, немецкий, французский язык) — Нижний Новгород, 2010.
3. www.porma-tm.ru

Analysis of proverbs and sayings used in book of nouns of sound words (Diwan Lugat at-Turk)

Masharipova Nargiza Otaxonovna, teacher;
Norbaeva Sevara Mansurbekovna, student
Urgench state university (Uzbekistan)

Машарипова Наргиза Отахоновна, преподаватель;
Норбаева Севара Мансурбековна, студент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Adroitness and helplessness (Epchillik va noshudlik).

Lexical analysis: *adiy*- ayiq- bear; Turkish proverb: «Awçı naça al bilsa adiy ança yöl bilir».

Uzbek translation: «*Ovchi qancha ov hiylalarini bilsa, ayiq ham shuncha qochish yo'llarini biladi*». Bu maqol ikki tajribali kishi tortishib qolganda so'zlanadi. Uzbek proverb: *Ovchi qancha ayyor bo'lmasin, tulki undan ham ayyor*.

English translation: «*As many tricks as the hunter knows the bear knows ways (of escape)*». This is coined about two clever people who have a dispute.

English proverb: *The fox knows much, but more he that cachet him*.

Lexical analysis: *al* — hiyla, frib, tadbir — cunning, deceit;

Turkish proverb: «*Alin arslan tutar, kuçun oyuy tutmas*». Uzbek translation: «*Hiyla bilan arslon tutilar, kuch bilan uyuy tutilmas*». Kuch bilan polizlarda o'tqazib qo'yilgan qo'g'irchoq-qo'riqchini ham tutib bo'lmaydi. Bu maqol kuch bilan ishni bitira olmaganlarga alohida tadbir qo'llash kerak degan ma'noda qo'llaniladi.

English translation: «*You can capture a lion by trickery but you cannot capture a scarecrow by force*». This is coined to advise a person to use trickery for something when he cannot get it by force [1, p. 92].

Lexical analysis: *anut*- sharob quyadigan voronka-funnel (*qam'*) for wine;

Turkish proverb: «*Bart kiçig bolsa anut badük ür*». Uzbek translation: «*Idish teshigi kichik bo'lsa, katta voronka qo'y*». Bu maqol kichik ishni katta qilib ko'rsatadigan kishiga nisbatan qo'llaniladi. English translation: «*When the wine measure is small, put in a big funnel*». This is coined to advise someone to pretend to people that a small matter is big.

Honesty and sponginess (Halollik va tekinox'rlik).

Lexical analysis: *azuq* — oziq, oziq-ovqat — provisions.

Turkish proverb: «*Azuqi ariy bolsa yöl üza yer*». Uzbek translation: «*Savdogarning moli toza, beshubha bo'lsa,*

yo'l ustida yeydi». Bu maqol aytgan so'zining uddasidan chiqqa olmagan, ququq maqtancholarga nisbatan qo'llaniladi.

Uzbek proverbs: *Mehnatingni halol qilsang, huzurini ko'rasan*.

Halol molning qulfi o'zida bo'lar.

English translation: «*When a merchant's provisions are clean, he can eat them (sitting) on the (open) road*». This is coined about someone who brags about his royalty but runs away when it comes to proving it. English proverb: *Honesty is the best policy*.

Lexical analysis: *uldan*- pochka — sole of a shoe (asfal al-xuff);

Turkish proverb: «*Itqa uwut itsa uldang yemas*».

Uzbek translation: «*Itga uyat kelsa, oriyat qilsa, pochka tashlasang ham yemaydi*». Bu maqolni zarur o'rinlarda yomon bir ishdan uyalib, o'zini tortuvchilarga qo'llaniladi.

English translation: «*If one beats modesty into a dog it will not eat the sole of a shoe*». This is coined to advise someone to behave modestly. The meaning is: One who is forced to be modest stops his bad behavior.

Lexical analysis: *agri* — har bir egri va qiyshiq narsa — anything «crooked (mu'wajj)»;

Turkish proverb: «*Yilan kandu agrisin bilmas, tewe boynin agri ter*».

Uzbek translation: «*Ilon o'zining egriligini bilmaydi-da, tuyaning bo'ynini egri deydi*». Bu maqol birovning aybini so'zlovchi g'iybatchilarga nisbatan qo'llaniladi [2, p. 58].

Uzbek proverb: *Ko'za choynakni qora dermish*.

English translation: «*The snake does not know its own crookedness (iwaj) but claims that the camel's neck is crooked (mu'wajj)*». This is coined about someone who lays blame where he himself is to blame.

Lexical analysis: *ol ar olturdi*- u odam o'tirdi -the man (or other) sat down (jalasa);

Turkish proverb: «*Bütün ümlüg qanca qolsa olturur*». Uzbek translation: «*Butun ishtonlik (ishtoni butun) qanday xohlasa, shunday o'tiraveradi*». Bu maqol gunohsiz

odam, hech qanday tuhmat bilan qoralanmaydi, degan mazmunda qo'llaniladi. Uzbek proverb: *Gunohsiz odam podshodan qo'rqmas*. English translation: «One whose trousers are sound sits as he wishes.» This is coined about one who is sure of his own chastity (ma'mun al-izar) and does not worry about suspicion.

Lexical analysis: bulit — bulut — cloud (sahaba);

Turkish proverb: «*Qara bulitig yel acar, urunc bila el acar*». Uzbek translation: «*Qora bulut osmonni qoplab olganda uni shamol uchiradi, shuningdek, hukumat eshigini pora ochadi*». Bu maqol ishni bitirish uchun pora berish kerakligiga undab aytiladi.

English translation: «*When a black cloud covers the sky, the wind clears it away; similarly, a bribe opens the door of state*.» This is coined to advise someone to spend money in order to attain his desire.

Lexical analysis: tütün- tutun — smoke (**duxan**);

Turkish proverb: *Ot tütünsüz bolmas, yigit yazuqsuz bolmas*. Uzbek translation: «*Olov tutunsiz bo'lmas, yigit gunohsiz bo'lmas*». English translation: «No fire without smoke, no youth without sin.»

Guest and hospitality (Mehmon va mehmondo'stlik)

Lexical analysis: anuq nan-mavjud narsa -something ready;

Turkish proverb: «*Anuq utru tutsa yöqqa sanmas*». Uzbek translation: «*Mehmonga bor taom taqdim qilingach, ko'rmadim demaydi*». Bu maqol uy egasi bor narsasini mehmonga taqdim qilishi zarurligiga ishorat qilib aytiladi. Uzbek proverb: *Mehmon kelsa choptirar, boryo'g'ingni toptirar*. English translation: «*If one offers what food is available (to the guest then hospitality) is not reckoned as nought*.» This is coined to advise a person to offer what he can as host.

English proverb: *A constant guest is never welcome* [1, p. 78].

Lexical analysis: üma- uyga kelgan qo'noq, mehmon — guest (**dayf**) who stays in one's house;

Turkish proverb: «*Üma kalsa qut kalir*». Uzbek translation: «*Mehmon kelsa, qut kelar*». Senga mehmon kelsa, u bilan birga baraka, qut, baxt keladi. Qo'noq (mehmon) ni yaxshi qarshi oladilar, malol olmaydilar. Uzbek proverb: *Mehmon kelar eshikdan, rizqi kelar teshikdan*.

English translation: «*When a guest comes (to you) good luck comes (with him)*.»

That is, he should be considered a blessing, not a burden.

«When a guest comes (to you) tattered and distressed, then offer (him) what food is available and don't keep him waiting and hoping.»

Upbringing and custom (Tarbiya va odat)

Lexical analysis: uluq-ot kuraginging old qismi -withers of a horse;

Turkish proverb: «*Uluq yayri oyülqa qalir*». Uzbek translation: «*Ot kuragidagi yag'ir bolalariga meros bo'lib qoladi*». Chunki pay tomirlari u yerga to'planganligi uchun tez tuzalmaydi. Uzbek proverb: *Yelka yag'ri- otaga meros, ota yag'ri o'g'ilga meros*.

English translation: «*The sore of the withers remains (an inheritance) for the son*.» This means that it will not heal quickly since it is the place where the joints and sinews are gathered.

English proverb: *Like father, like son*.

Lexical analysis: it isirdi- it qopdi, tishladi — the dog (or other) bit (**adda**);

Turkish proverb: «*It isirmas at tapmas tema*».

Uzbek translation: «*It qopmaydi, ot tepmaydi dema*». Chunki bu odat ularning tabiatida bordir.

Uzbek proverbs: *Tepmas ot yo'q, qopmas it yo'q*.

It itligini etar, to'n etagini yirtar.

English translation: «*Don't say that the dog won't bite (ya'qiru) and the horse won't kick*»- since that is what they are likely to do.

Lexical analysis: tay atitdi- toy ot bo'ldi, toy ulg'ayib otlar qatoriga o'tdi, ot hisoblandi — the colt was reckoned to be a horse (tafarrasa... ay 'udda min al-fursan);

Turkish proverb: «*Tay atitsa at tinur, oyul aradsa ata tinur*».

Uzbek translation: «*Toy ulg'aysa, ot tinadi (ya'ni ot minishdan qutqariladi), o'g'il o'ssa, ota tinadi (ya'ni bola topgan hosil otani tindiradi)*». Uzbek proverb: *Ot o'rnini toy bosar, ota o'rnini- o'g'il*. English translation: «*When the colt is reckoned a horse, the horse rests (meaning the stal-lion rests from being mounted); when the boy is counted among the men, the father rests (since he can free him from want)*.»

Verse: She'rda ham kelgan:

«Tag'ur manig sawimni bilgalaka ay,

Tinur qali atitsa qisraq sani tay».

«Mening so'zimni yetkuz, aqllilarga aytgin, agar toy bolasi ot bo'lsa, otlar qatoriga kirsar, baytal tinadi». «Convey my words and say to the wise ones, that the mare rests when her colt is counted among the horses.»

Lexical analysis: karis- otning yelkasi, yag'rini — withers (kahil) of a horse;

Turkish proverb: «*Karis yag'ri ogulqa qalir*». Uzbek translation: «*Ot kaftining yag'ri o'g'lga meros qoladi*», chunki kift bo'g'inlar to'planadigan joy bo'lib, u yerdagi yag'ir tezda tuzalmaydi. Bu bilan (unday) yag'irdan saqlanishga buyuriladi.

English translation: «*The sore of the withers remains (an inheritance) for the son*» — since it is the place where the joints are gathered and does not heal quickly. This is coined as advice to protect that part of the body.

References:

1. Robert Dankoff in collaboration with James Kelly. Compendium of the Turkic dialects (Diwan Lugat at-Turk) — Harvard: Harvard University Printing Office, 1982. — 432 p.

2. S.M. Mutallibov. Turkiy so'zlar devoni. Devonu lug'otit turk. I tom. — Toshkent: O'zbekiston SSR Fanlar Akademiyasi, 1960. — 512 b.
3. Hojiyev A., Nurmonov A. Hozirgi o'zbek tili faol so'zlarining izohli lugati. — T.: Sharq, 2001.
4. Oxford Concise Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2003. — 364 p.

Some Peculiarities of the English Conjunctions Compared to That of Uzbek

Nasirdinov Oybek Abdubannonovich, teacher
Kokand State Pedagogical Institute (Uzbekistan)

Насирдинов Ойбек Абдубаннонович, магистр, преподаватель
Кокандский государственный педагогический институт (Узбекистан)

There are several conjunctions in the English and Uzbek languages and, as we know, they are used to link complex sentences one of which depend on the other in some ways. But they are not always understood as they are by the Uzbek learners of English. Because the English and Uzbek conjunctions have their own frequent meanings and rare meanings that are forgotten by the learners as well. That's because some English conjunctions such as **but**, **or**, **as** have some confusing meanings for the native Uzbek speaking students.

For example the conjunction **but** is explained as a word that is «used to connect two statements or phrases when the second one adds something different or seems surprising after the first one» [2]:

He came in, but he didn't even said hello. — U kirib keldi-yu, lekin hattoki salomlashmadi ham.

«Is he interested in computers». «No, but he has to work on them at his work». — «U kompyuterlarga qiziqadimi?» «Yo'q, lekin ishida kompyuterlarda ishlashiga to'g'ri keladi.»

They know English well, but they don't know any French. — Ular Ingliz tilini yaxshi bilishadi, lekin Fransuz tilini umuman bilishmaydi.

In the sentences given above **but** can sometimes be replaced with **though** which means **shunday bo'lsada, garchi** in Uzbek. In this case the order of some words in the sentence or some features of the sentence change their places and forms, but the meaning is kept as before:

«Is he interested in computers». «No, he has to work on them at his work though.» — «U kompyuterlarga qiziqadimi?» «Yo'q, shunday bo'lsada ishida u kompyuterlarda ishlashiga to'g'ri keladi.»

They know English well. They don't know any French though. — Ular Ingliz tilini yaxshi bilishadi. Shunday bo'lsada ua Fransuz tilini umuman bilishmaydi.

But has also other meanings which are not easily understood by Uzbek speaking learners. One of them is the meaning of **except**. **Except** means ... **dan boshqa**, ... **dan tashqari**, ... **dan o'zga** in Uzbek. As **but** means **except** in such sentences it can be replaced with **except** in most cases:

Everyone went to the party but Jim. — Everyone went to the party except Jim. — Jimdan o'zga barcha bazmga bordi.

Hardly any mammal but whales live in the sea. — Hardly any mammal except whales live in the sea. — Kitdan tashqari deyarli hech qaysi sut emizuvchi (hayvon) dengizda (suva) yashamaydi.

They are not doing anything but waiting. — They are not doing anything except waiting. — Ular kutishdan boshqa hech narsa qilganlari yo'q.

When **but** is used at the beginning of a sentence it is given as **axir** in Uzbek and the meaning is usually disagreement:

I am sorry you don't know my brother. — Afsus, akamni bilmaysiz.

But I do know him. — Axir, men uni taniyman.

But also has the meaning which also causes some problems in understanding the context for Uzbek learners. It may seem acceptable to translate **but** into Uzbek as **ammo**, **lekin**, **biroq** with this meaning, but in fact it is not correct to translate like that. Because the linguistic norms of the Uzbek language does not allow this notion in translation. In this meaning it is given in Uzbek as **(emas) balki**. This kind of using **but** occurs in negative statements:

She told the police not about the accident itself but more about how she felt during the accident. — U politsiyaga halokaning o'zi haqida emas, balki halokat paytida o'zini qanday his qilgani haqida ko'proq narsa gapirdi.

They didn't do what they were told but the thing they liked themselves. — Ular aytilgan ishni emas, balki o'zlari yoqtirgan ishni qilishdi.

In turn, **or** is understood as possibilities or choices between two things or people. It is often used to mean **yoki**, **yo**, **yoxud** in Uzbek:

What shall we do this weekend: go swimming or have a rest at home? — Bu dam olish kunida nima qilamiz: cho'milgani boramizmi yoki uyda dam olamizmi?

Can you fry an egg or a potato? — Siz tuxum yoki kartoshka qovura olasizmi?

When this meaning of **or** is doubled in Uzbek in the same sentence it is good to use **either** instead of one of them:

Their car is either green or black. — Ularning mashinasi yo yashil yo qora.

Or has also another meaning which even makes some translators misunderstand the meaning of the sentences where it is used. In such cases translators confuse the Uzbek and the Russian languages' norms and don't usually take into account the peculiarities of the Uzbek language and translate **or** as **yoki** while it means **otherwise** which is completely different word in meaning. In this case it must be given as **aks holda, bo'lmasa** in Uzbek:

Do the task or I'll punish you. — Siz mana shu vazifani bajaring aks holda men sizni jazolayman.

We had better hurry or we'll be late. — Biz yaxshisi tezroq bo'laganimiz ma'qul, bo'lmasa kech qolamiz.

And one of the most problematic conjunctions of the English language for Uzbek learners is **as**. It can mean **while** (conjunction), **because of, because, though, like** (in some ways), **when** (conjunction). It is translated into Uzbek as ... gan paytda, ... gan vaqtda, tufayli, chunki, ... **ga o'xshab, ... dek, sifatida, bo'lib**:

As it was going to get dark we stared to get worried to catch the bus. — Qo'rong'u bo'lib borayotgani tufayli biz avtobusga ulgura olarmikinmiz deb xavotirlana boshladik.

We didn't need to go to the bank as it was late. — Bizning bankka borismizning hojati yo'q edi chunki kech bo'lgan edi.

He solved the task as he was told. — U masalani unga aytganlaridek bajardi.

As can also be used doubled in order to compare two things or people. So it has nothing to do with the meanings of **as** given above. And in this case **as ... as ...** is translated as ... **chalik ... (day) emas**. According to the grammar rules of the English language though the conjunctions are used to compare two things or people between these conjunctions base form of an adjective or an adverb is placed. Sometimes there is a noun after the adjective or an adverb:

He tried as much as he could. — U qo'lidan kelganicha harakat qildi.

We have to do as many exercises as we can in order to success. — Muvaffaqiyatga erishishimiz uchun imkon boricha ko'proq mashq bajarishimiz kerak.

My grandfather can't run as fast as he used to. — Mening bobom avvalgidek tez yugura olmaydi.

So there are several meanings of some English conjunctions that may be difficult or complicated to understand. But there is always a way out. Every learner of a foreign language should carefully study all the meaning of every word they come across and there will be no more difficulties on their ways to success.

References:

1. M. G'apponov, R. Qosimova. Ingliz tili grammatikasi. Akademik litseylar va kasb-hunar kollejlari uchun o'quv qo'llanma. — TOSHKENT, «TURON-IQBOL», 2010.
2. Longman Dictionary of Contemporary English 5. Electronic version.

Lingvo-Stylistic Features of Irony (in the Works of O`Henry)

Parmonov Alisher Abdupattoyevich, teacher;

Olimov Khurshid Yunusaliyevich, teacher

Kokand State Pedagogical Institute (Uzbekistan)

Пармонов Алишер Абдупаттоевич, магистр, преподаватель;

Олимов Хуршид Юнусалиевич, магистр, преподаватель

Кокандский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Language is an instrument of communication. It is a system of signs, tools and rules of speaking, common to all members of society. This article is devoted to analysis lingvo-stylistic features of irony (in the works of O`Henry).

Linguistics is the science that studies languages and human language in general. It gives information about what language stands out among other phenomena, what are its elements and units, how and what changes occur in the language. Linguistic has the following sections: lexicology, phraseology, phonetic, stylistic, grammar and so on. Our research is devoted to the lingvo-stylistic analysis, so before

analyzing the works let's look through with stylistic, its origin, aim and meaning.

The stylistics is called the science of the use of language, a branch of linguistics that investigates the principles and the effect of selection and use of lexical, grammatical, phonetic, and linguistic resources for the transmission of thoughts and emotions in different conditions of communication. There is a stylistic of language and the stylistics of speech, linguistic stylistics and literary stylistics, the stylistics of the author and the stylistic of perception, decoding stylistics, etc. The tasks of stylistics:

a. An analysis of the selection of certain linguistic resources in the presence of synonymous forms of expression for the adequate and effective transfer of information.

b. Analysis of the fine expressive means of the language at all levels (phonetic — alliteration, semantic — an oxymoron, syntactic — inversion).

c. Determination of functional tasks; identifying stylistic functions performed by linguistic means.

Stylistic analysis of the text makes it possible to understand more clearly the meaning and evaluate a particular product. The main objective of the first stage of the analysis is to determine the structure of the text material and its semantic meaning. What follows is the most thorough study of all the details. But stylistic analysis is done with the help of stylistic devices such as metaphor, epithets, allegory, metonymy, irony and so on. In this article it will be considered the stylistic devices — irony.

Irony is a hidden mockery, in which the word takes on a positive value of opposite meaning. Basis of irony is a sense of superiority over the speaker, what or whom he says. I. R. Galperin considered: «Irony is generally used to convey a negative meaning. Therefore only positive concepts may be used in their logical dictionary meanings» [1]. And of course character of irony is dependent on the personality of the author, his social status, political beliefs, aesthetic views, ethical ideas — this is reflected in the ratio of irony expressed only through language, and irony expressed predominantly extra-linguistic tools that are still not sufficiently investigated and needs to be further developed for deeper interpretation of literary thinking writer.

Many authors used in their works irony and one of them is O'Henry.

The American writer O'Henry entered the history of literature as a great master of humor and irony. Let's analyze irony in the short story «The Last Leaf» by O'Henry.

«The Last Leaf» refers to the fact that there are real love and self-sacrifice in the world, and that they can work wonders. It tells the story of how, with the help of cunning girl Sue and old artist Mr. Berman saved from dying of pneumonia Jonesy. Jonesy has convinced herself that she would die when the wind will come off the last leaf of ivy. And no-

body, not even a close friend Sue, could not persuade her. Then Mr. Berman went to the trick — he drew the last sheet and attached it outside Jones. And she realized that she must fight for her life, at the end of the story the heroine learns tricks of Mr. Berman and that he died of pneumonia, saving her.

Irony in the story by O. Henry helps to create a contrast: Moses — a satyr and a dwarf, rock — teapot, a cowboy and elegance. Introducing characters, the doctor's words about a patient who «starts counting coaches in his funeral procession», a look at the creativity and Sue Berman: «Art is a way paved with pictures for magazine stories that young authors pave their way into literature» or «twenty five years stood on an easel untouched canvas, ready to take the first line of the masterpiece» — details not only giving an ironic attitude of the author to his characters, but at the same time carrying the life-affirming stories of O'Henry beginning. In this example, the author used stylistic device irony to create a comic effect and expression of emotional tension.

In the short story «The Gift of the Magi», of O'Henry a young couple is too poor to buy each other Christmas gifts. The man sells his pocket watch to buy his wife a set of combs for her long, beautiful hair. She, meanwhile, cuts off her beautiful hair and sells it to a wig-maker for money to buy her husband a watch-chain.

The author uses irony in this story to compel the reader to stop and think about love, sacrifice and what is truly valuable. Simple human love, which the author raises to a height of wisdom of the Magi, is a huge gift to buy for any money. O. Henry with a smile endorses the actions of their heroes. In this example, the author used stylistic device irony to create aesthetic function and expression of emotional tension.

We can conclude this article, that irony does not only highlight the shortcomings, but also has the ability to laugh, to expose unjust claims, giving themselves these claims ironic sense, as if forcing ridiculed phenomenon to mock over itself. Also irony as a stylistic device has the following functions: aesthetic, increase emotional tension and comic effect, and the author uses irony to mock some actions that you don't have to do, or the cases that can occur in the life of any person.

References:

1. R. Galperin. Stylistics, Высшая школа, 1981.
2. O'Henry. «The Gift of the Magi», 1906.
3. O'Henry. «The Last Leaf», 1907.

Isomorphic and Allomorphic Features of the Interrogative Pronouns in Modern English and Uzbek Languages

Parmonov Alisher Abdupattoyevich, teacher
Kokand State Pedagogical Institute (Uzbekistan)

Пармонов Алишер Абдупаттоевич, магистр, преподаватель
Кокандский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Strictly, isomorphism is a term in mathematics for an exact correspondence between both the elements of two sets and the relations defined by operations on these elements. It is used in linguistics, from the late 1940s, for a general principle by which the structuring of one level parallels or is made to parallel that of another. E.g. the relation of morpheme to allomorph was modeled on that of phoneme to allophone; a binary division of the syllable, into onset and rhyme, parallels that of the sentence into subject and predicate; semantic features, e.g. in componential analysis, parallel distinctive features in phonology.

Let's analyze isomorphic and allomorphic features of the interrogative pronouns as to their qualitative character:

Isomorphic features of the interrogative pronouns as to their qualitative character. In both languages there are isomorphic features, because of the need of communication.

Firstly, in both languages, there is a pronoun that is used for asking person: who — kim.

The English interrogative pronoun **who** has the category of case:

Nom: who (Who is it?)

Gen: whose (Whose book is this?)

Accuse: whom (Whom are you waiting for?)

The Uzbek demonstrative pronouns **kim**, **nima** have the categories of number, possession and case.

Number

Singular Plural

kim kimlar

Possession

Singular Plural

1st person: kimim, nimam kimlarimiz, nimalarimiz

2nd person: kiming, nimang kimlaringiz, nimalaringiz

3rd person: kimi, nimasi kimlari, nimalari

Case

Singular Plural

Nom. Kim, nima kimlar, nimalar

Gen. kimning, nimaning kimlarning, nimalarning

Accuse. Kimni, nimani kimlarni, nimalarni

Dat. Kimga, nimaga kimlarga, nimalarga

Loc. Kimda, nimada kimlarda, nimalarda

Abl. Kimdan, nimadan kimlardan, nimalardan

Secondly, the interrogative pronoun for asking things are what-nima, which-qaysi.

Thirdly, there is a genitive case form of the interrogative pronouns for asking possessiveness in both compared languages: whose — kimning.

Isomorphic features as to their quantitative features. There is not almost similarities as to the quantitative features of the interrogative pronouns.

Allomorphic features of the interrogative pronouns as to their qualitative character. For the beginning there are many dissimilarities in the languages. Because the Uzbek language is considered agglutinative language as to its structure. Contrasting, the English language is analytical language. This is the cause why the differences have in these languages. According to their qualitative character, the Uzbek pronoun *kim* in contrast to the English pronoun *who* can be used to inquire about person's profession:

U kim bo'lib ishlaydi? — What is he? (what does he do?)

This differences may cause such errors as «Who is he?» (instead of «What is he?»).

As it is seen above there are 10 interrogative pronouns in the Modern English Language. Contrasting, Uzbek language has only 6 of them.

Another dissimilarity is seen in case formant of the Uzbek interrogative pronoun. «*Whom*» is an object form of the English interrogative pronoun «*who*» and comparing to the Uzbek language, there are *kimni*, *kinga*, *kimda*, *kimdan* which gives the same meaning with «whom». In the Uzbek language, the case formants are made with adding suffixes (-ni, — ga, — da, — dan) to the root.

In English, there are two common but contrasting ways of asking questions, one by which we ask for specific information, and another by which we only want a simple yes or no as an answer. In the former case, in English, for specific information, we make use of a set of function words, and all these words except «how» begin with *Wh...* These *Wh..* words demand specific information. They cannot be answered by yes or no.

In Uzbek sentences, like the English Interrogative pronouns, the corresponding interrogative word doesn't often come first. But, as for the rest of the structure, in Uzbek, the object is followed by a verb.

Kim javob beradi? Kim yordam beradi? Kim Andijonda yashaydi?

But: Siz kimga yordam bermoqchisiz? Ota-onangizdan qaysi biri nafaqada?

In English The Interrogative Adjective occurs before the subject and modifies it. It can be used as object also. But, in all cases, the *Wh...* word comes first. Let us consider the following sentences:

1. Which book was stolen?
2. What misfortune has upset you?
3. Whose father is a doctor?
4. How many children are present?

Apart from the *Wh* questions, there is another kind Interrogative Sentences to which the answer is given by Yes or No. To make this kind of sentence, we place the first auxiliary verb before the subject in English and to express this we have to use «-mi» in Uzbek. For example, «Have you read the book?» gives the Uzbek transliteration — Siz kitobni o'qib chiqdingizmi? — you the book have read.

The addition of the suffix at the end of the word «-mi» in Uzbek transliteration is the result of the shifting of the auxiliary verb before the subject. Here, it is necessary to note that Uzbek has no corresponding word.

In addition to the above two cases of Interrogative Sentences, we also have another sort of question known as Tag Question. For Question Tags, we have affirmative question after negative statement and vice versa. The Tag Questions

are not unique in English. We also have it in Uzbek. This type of tag question is used for the sake of confirmation or denial of any statement. In Uzbek, we frequently use the term «Shundaymi? Shunday emasmi?» This is similar to any kind of tag question in English. But, it is not a real question at all. Rather, through this sort of tag question, the speaker tries to find out whether he/she is in agreement with the listener.

English speaking people say the sentence «How do you do?» after an introduction. Originally it was an inquiry about other people's health. The expression is, from a structural point of view, an Interrogative. But now it is merely a formal greeting. But, we the Uzbek speaking people do not have any such expression but we say «Yaxshimisiz (?)» or «Assalomu alaykum» which the listener doesn't need to give the full answer.

So, language learners should be aware of the allomorphic and isomorphic features of the English and Uzbek pronouns. It gives a good opportunity for learning the language easy by comparing.

References:

1. Якубова Х. Залоги в узбекском языке в сопоставлении с залогами русского языка. АКД, Т., 1954. 11 с.
2. Омельянович В. Н. К вопросу о выражении залоговых значений в современном бирманском языке. Проблемы теории грамматического залога. — Ленинград, Наука, 1978, с. 258–264.

Пути изучения немецкого языка через интернет

Перцева Анна Александровна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В наши дни, в мире новейших технологий, когда совершенно любая умственная деятельность упрощается, а печатные издания отходят на второй план, на помощь приходят интернет-ресурсы. Однако стоит отметить, что глобальная сеть несет не только деградацию в общественное сознание, но и помогает в развитии тех или иных знаний и умений. Самым же главным плюсом интернет — обучения является экономия личного времени. Уже не нужно тратить часы на дорогу до библиотеки, долгие поиски необходимой литературы и на изучение лишнего материала.

Рассмотрим пути изучения немецкого языка в онлайн — режиме. Предлагаю составить топ — 5 наиболее частых и широких в использовании интернет-источников. Первое место, по моему мнению, www.de-online.ru. Здесь Вы сможете найти массу онлайн — и аудиоуроков, видео-подборок, различных игр, упражнений, форумов, по интересующей Вас теме, и многое другое. На этой сайте есть не менее важный раздел по поиску репетитора в ближайшем для Вас округе, что опять же значительно экономит Ваше время.

Как известно, немецкий язык отличается огромным количеством глаголов-исключений. На сайте присут-

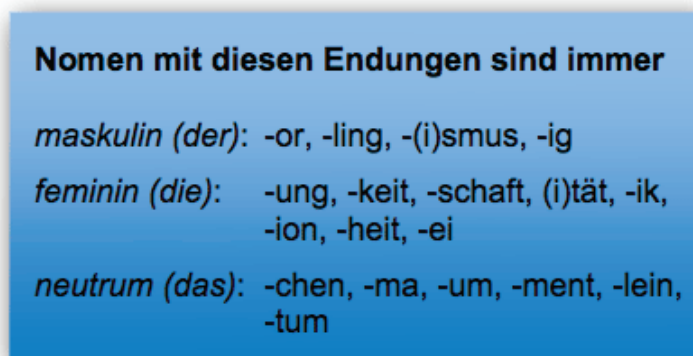
ствует раздел под названием «116 неправильных немецких глаголов», оформленных в виде флеш-карточек. С их помощью учить слова стало намного проще. Проверить, как хорошо Вы усвоили новую информацию можно через игру, данную ниже [6].

Вторую позицию занимает <http://startdeutsch.ru>. Это интернет-ресурс, где любой человек, начинающий изучать немецкий с нуля будет чувствовать себя комфортно. Уроки от разбора алфавита до сложных тем по грамматике, интерактивные игры, обучающие сериалы, а также, что немаловажно, полноценная информация и подготовка к немецким экзаменам. Лично для себя открыла новую методику запоминания, которая используется на сайте — мнемотехника.

Мнемотехника (греч. Mnēmonika — искусство запоминания) — это совокупность специальных приёмов и способов, которые облегчают запоминание нужной информации и увеличивают объём памяти путём образования ассоциаций (связей). Также термин «мнемоника» употребляется как обозначение визуализации (в виде изображения, набора символов либо предметов) некоего объекта, субъекта или явления, достаточно полно описывающей его и облегчающей его запоминание или иден-

тификацию. К приемам данного метода изучения языка можно отнести запоминание предлогов с помощью песен, слов через составление рассказа, а также артиклей через квазислова (это настоящие, придуманные слова, которых нет в языке).

Рассмотрим один из методов. Артикли в немецком языке указывают на рода существительных. Есть особое правило, так называемое определение рода по окончанию слова.

Посмотреть на таблицу и начать зубрить нам не подходит. Поэтому на помощь приходят квазислова. В итоге мы получаем: der Ig-ling-or- (i) smus (дер Иг-линг-оризмус). Повторяйте это название медленно несколько раз, пока не запомните. Ту же работу проделываем с остальными родами [3].

Третья страница, которой бы хотелось поделиться — www.class.uh.edu/mcl/fll/Germ/. В данном источнике собрана вся основополагающая языка. Отличительной чертой ресурса является параллель, проведенная с английским языком. Это замечательная возможность для билингвов запомнить как можно больше материала в сравнении двух языков. Это даст шанс не только выучить новый материал, но и закрепить уже ранее изученный в другом языке. Огромным плюсом является оформление информации, так как она представлена в виде довольно практических таблиц [5].

Грамматика, фонетика, орфография, несомненно, играют важнейшую роль в изучении языка. Однако стоит заметить, что незнание культуры, особенностей менталитета влечет за собой пробелы в запоминании, хотя бы такого аспекта как, лексики.

Поэтому четвертое место, как один из путей изучения немецкого языка через интернет, занимает следующая страница — www.goethe.de/lrn/pro/str/index.html. Это уникальный раздел под названием «Unsere Straße» на сайте GOETHE INSTITUT, созданный в 2014 году.

«Наша улица» показывает восемь сцен из повседневной жизни людей в Германии. Навигация по интернет — ресурсу напоминает перемещение по улицам в Google Map. Кафэ, магазин, бытовые вопросы решаются прямо на Ваших глазах, притом Вам дается право выбирать тот или иной ответ, то есть влиять на ход сюжета, а также проверять понимание речи на слух [1].

Пятым источником стала не столько страница с необходимой информацией, сколько с материалом для расширения собственного кругозора, а именно «DEUTSCH-LANDLABOR». Каждый четверг на сайте GOETHE INSTITUT появляются видео, которые развеют все стереотипы о жителях Германии. Они каждый едят сосиски, пьют пиво, а так же заиклены на чистоте? Посмотрите любой выпуск этого мини-сериала, и Вы найдете ответ на давно мучавший Вас вопрос. Каждый эпизод занимает не более пяти минут, что опять же сохраняет столь дорогой в современном мире ресурс. После просмотра каждой серии предлагается выполнить несколько заданий. Попробуйте и Вы не пожалеете о полученном опыте [2].

Таким образом, было найдено пять наиболее интересных и необычных интернет — источников, которые придут на помощь любому желающему познать все тонкости немецкого языка, не выходя из дома, а также окунуться в атмосферу Германии, познакомиться с культурой этой страны через просмотр сериалов, прохождение интерактивных игр и общение с коренными носителями языка.

Литература:

1. Немецкий культурный центр [www.goethe.de] (дата обращения: 18.03.2016);
2. Общеобразовательный интернет-журнал «Мел» [<http://mel.fm/2015/10/27/german>] (дата обращения: 18.03.2016);
3. Online-курсы немецкого языка «Start Deutsch» [<http://startdeutsch.ru>] (дата обращения: 18.03.2016);
4. Online-школа иностранных языков «Lingvister» [<http://lingvister.ru/blog/top-10-resursov-dlya-izucheniya-nemetskogo-yazyka>] (дата обращения: 18.03.2016);

5. Немецкие языковые курсы [www.class.uh.edu/mcl/fl/Germ/](дата обращения: 18.03.2016);
6. Немецкий образовательный культурный online-центр [www.de-online.ru](дата обращения: 18.03.2016).

К вопросу о семантической мотивированности слов со значением «цвет» в русском и английском языках

Ручко Полина Анатольевна, преподаватель иностранного языка
Студия изучения иностранных языков "Greenglish" (г. Северодвинск)

В статье описываются особенности семантической структуры цветообозначений в русском и английском языках. Выявляются мотивированные и немотивированные цветообозначения. Проводится анализ и подсчет цветовых наименований согласно с их мотивирующей базой. Делается вывод о предпочтениях в выборе объектов цветовой номинации русских и англичан.

Ключевые слова: семантика цветообозначений, мотивированность, объект номинации, языковая картина мира

Цвет — древнейшая реальность человеческого бытия. Человек ориентируется в окружающей действительности в большей мере благодаря цвету, который упорядочивает и гармонизирует его связи с миром. В культуре человечества цвет всегда имел большое значение, он тесно связан с философским и эстетическим осмыслением мира. В связи с тем, что интерес к цвету и цветообозначениям не иссякает, количество исследований в различных областях науки, так или иначе связанных с данной тематикой, огромно.

Наибольший вклад в изучение цветообозначений, в исследование единых принципов цвета и его оттенков внесли лингвисты. Цветовая лексика изучалась довольно широко: исследовался ее состав (А. П. Василевич, В. А. Москович, Т. А. Михайлова и др.), семантическая структура (И. В. Макеенко, А. А. Брагина, С. В. Бекова и др.), происхождение слов со значением цвета (Л. М. Грановская, Н. Б. Бахилина и др.), функционирование слов-цветообозначений (Н. Ф. Пелевина, С. В. Бобыль, Л. А. Качаева и др.). В данной статье внимание уделяется, прежде всего, семантике цветообозначений.

Необходимо отметить, что в языковедческих работах по изучению цветообозначений большое внимание ученые уделяют проблеме классификации цветовых слов. При построении цветовых отношений исследователи находят невозможным определение единого принципа отбора и классификации единиц. Согласно семантике цветовых единиц, лингвисты делят цветообозначения на основные (абсолютные) и оттеночные.

Впервые понятие основного имени цвета ввели в научный обиход американские ученые Б. Берлин и П. Кей. Они считали, что основное имя цвета обладает следующими качествами: 1) состоит только из одной морфемы (*red*, *green*); 2) не является оттенком другого цвета (к примеру, *scarlet* — оттенок цвета *red*); 3) не относится лишь к малой группе объектов, которые он называет (на-

пример, *blond* — описывает только цвет волос); 4) основное имя цвета широко употребляемо (например, ср. употребление *yellow* и *saffron*) [Berlin, Key, 1969, p. 78].

Природа цвета такова, что выделение нелингвистических аспектов изучения цвета (состав цветовой гаммы, исследование хроматических и ахроматических цветов, теплота, яркость, насыщенность цвета и др.) тесно соотносится с лингвистическими. Это связано с тем, что основные цвета и их бесчисленные оттенки воплощены в картине мира не только через абстрактные формулы, но и с помощью номинации слов-цветообозначений. Так, можно выделить, что в основном «дополнительные» цвета чаще не имеют собственных названий и носят ассоциативный характер (например, *малиновый*, *кирпичный*, *салатовый*). Но также и некоторые основные цвета имеют не оригинальное, а ассоциативное название (например, *желтый* — желчь, *оранжевый* — от *orange* — апельсин). Такое наблюдение свидетельствует о большой роли языка в картине мира — «то, что не нашло номинации как бы и не является существенным» [Рахимова, 2010, с. 130].

Э. Рош в области цветообозначений ввела понятие прототипа. Прототип — это член категории, который воплощает характерные для этой категории особенности и свойства. Следовательно, цветообозначения можно классифицировать в зависимости от соотносительности с цветовым прототипом. Например, изумрудный — темно-зеленый, салатовый — светло-зеленый, где зеленый — прототип, а оттенки — члены категории [Носовец, 2002, с. 111].

В. И. Иваровская определяет 10 основных цветов: красный, синий, белый, желтый, коричневый, серый, оранжевый, черный, фиолетовый, зеленый. Основу классификации составляет полевой принцип: перечисленные цвета способны входить в состав полей цвета. Все цветообозначения в исследовании рассматриваются с позиции

немотивированности — мотивированности [Иваровская, 1998, с. 104].

Другой лингвист, Р.М. Фрумкина, на материале русского языка отмечает, что «наивная картина мира» может включать «семь цветов радуги», а также коричневый, розовый и ахроматические цвета. Такие цвета считаются основными у носителей русского языка. Второстепенные цвета, являющиеся менее употребительными, исследователь определяет как «прочие». Выделяются также «базовые» лексемы. Это такие слова, как *алый, бордовый, малиновый, песочный, вишневый, апельсиновый* и др. [Фрумкина, 2003, с. 191].

Ф.Н. Шемякин делит цветочные прилагательные на общие и единичные. К общим названиям он относит: *красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый* — названия, обозначающие цвет без оттенков. К единичным — все остальные, определяемые как оттенки цвета: *лимонный, соломенный, золотой* — могут рассматриваться как единичные названия, а общим по отношению к ним будет слово *желтый* [Шемякин, 1960, с. 8].

А.А. Брагина также подразделяет цветообозначения на две группы — основные (абсолютные) и оттеночные. Они соответствуют группам общих и единичных цветоименований Ф.Н. Шемякина. Оттеночные наименования цвета А.А. Брагина делит по способу передачи оттенков, выделяя группы слов, которые передают оттенки цвета аналитически. Среди них она выделяет такие цветочные прилагательные: а) вторичной номинации (*сиреневый, молочный, lemon, rosy, amber*); б) без ясно прослеживаемой этимологии (*бурый, алый, crimson, russet, scarlet*); в) с ограниченной сочетаемостью (*белокурый, карий, hazel, blonde, fair*); г) заимствованные (*индиго, bordeaux*); д) неологизмы и архаизмы (*смарагдовый, кубовый*); е) терминологические (*кобальт, ультрамарин, basalt, ochreous*); ж) окказионализмы [Брагина, 1972, с. 121].

В данной статье мы поговорим о классификации цветообозначений с учетом их вторичной номинации (а именно о так называемой ‘базе’ этой вторичной номинации). Стоит заметить, что в основном именно оттеночные или вторичные цветочные наименования вызывают интерес в нашем исследовании, так как показывают предпочтительные ассоциативные названия в цветовой картине мира носителей языка. В то время как общие (или основные) цвета спектра не образованы от названия какого-либо объекта действительности и не могут выступать в качестве выбранного носителем языка эталона наименования.

С помощью общей выборки привлечен материал в составе 126 единиц со значением ‘цвет’ в русском языке и 118 единиц английского языка. В качестве источника материала были использованы словари Oxford Advanced Learner’s Dictionary и Толковый словарь Ожегова, Шведовой.

Анализ цветочных наименований показал, что среди них есть семантически мотивированные и немотивированные единицы. Под мотивированными словами мы понимаем

слова со значением цвета, образованные от наименований различных объектов действительности.

Небольшую группу немотивированных слов в русском языке составляют 23 (18%) единицы, таких как: *белый, голубой, желтый, зеленый, коричневый, красный, серый, синий, черный, карий, рыжий* и др. (особая группа сложных слов в составе 16 единиц, например *бело-, желто-*, указывающая на оттенок цвета, не входит в анализ мотивированных и немотивированных единиц). В английском языке эта группа включает в себя 19 (16%) единиц, а именно: *black, blue, brown, green, grey, pink, red, white, yellow, navy, beige, scarlet* и др. Примечательно, что данную группу преимущественно составляют основные (абсолютные) цветообозначения.

Но в рассматриваемых нами прилагательных наибольший интерес для исследования представляют именно семантически мотивированные слова, так как эта группа позволяет увидеть предпочтения носителей языка разных лингвокультур в выборе мотивации цвета.

Группы слов, образованные по этому признаку, довольно обширные: в русском языке это 87 (69%) единиц, в английском языке в эту группу входит 99 (84%) единиц.

В обоих языках встречаются единицы, у которых слова, мотивирующие прилагательные цвета, обозначают один и тот же объект. Их насчитывается 56 (64%) единицы в русском языке и 61 (62%) единиц в английском (количественное различие объясняется синонимами, например *rose, roseate* и *rose-coloured*). Например: *amber* — *янтарный* (прозрачно-желтый, цвет камня янтаря), *flame* — *огненный* (оранжево-желтый, цвет огня) и др.

Однако в каждом из рассматриваемых языков есть такие единицы с семей ‘цвет’, которые образованы от наименований объектов, не использованных в другом языке в качестве мотивирующей базы. В английском языке таких наименований 38 (38%), в русском языке — 31 (36%). Рассмотрим их подробнее.

В русском языке такие слова чаще называют объекты природы:

- от наименований растений (15 ед., 48%): *мареновый* — ‘мареновый цвет (ярко-красный)’ — образовано по цвету ярких красящих веществ, добываемых из кустарникового растения марены; *рябиновый* — по цвету зрелых ягод рябин, *фисташковый* — светло-зеленый, по цвету ядра фисташки и др.;

- камни, минералы (5 ед., 16%): *малахитовый* образовано по цвету камня малахита, *свинцовый* от существительного *свинец* и др.

- природные красящие вещества (1 ед., 3%): наименование красителя *пурпур*, извлеченного из морских моллюсков, стало основой для прилагательного *пурпурный* — от багряного до пурпурно-фиолетового цвета.

Значительно меньшим объемом в русском языке представлены такие цветочные слова, которые произошли от названий:

- цвета шерсти животных (1 ед., 3%): *верблюжий* — ‘серовато-желтый’;

- артефактов, т.е. продуктов или предметов, созданных людьми (3 ед., 10%): *бутылочный* — темно-зеленый цвет, т.е. цвет бутылочного стекла; от *сахар* образовано цветовое значение *сахарный* (чисто-белый) и др.;
- веществ (1 ед., 3%): *молоко* стало основой цветового значения *молочный*, обозначая голубовато-белый цвет;
- явлений (2 ед., 7%): сущ. *дым* легло в основу прилагательного *дымчатый* — ‘светло-серый, цвета дыма’; от сущ. *пепел* образовано цветовое значение *пепельный* — ‘светло-серый, цвет пепла’.

Объектом для цветового наименования может выступать даже сам человек (3 ед., 10%): *мертвенно-бледный* образовано от сложения слов мертвенный + бледный (типичный цвет кожи мертвецов — синий) и *бледный*, что в совокупности дает значение ‘бледный до синевы’ и др.

В английском языке цветообозначения, образованные от различных объектов действительности, отличаются не качественно, но количественно. Довольно часто такими объектами выступают природные явления:

- растения (9 ед., 24%): цветовое наименование *aubergine* обозначает темно-пурпуровый цвет, само наименование образовано от слова *aubergine* — баклажан; от яркого пурпурно-красного цвета цветков фуксии образовано цветовое наименование *fuchsia*; существительное *hazel* (лесной орех) дало название цветочному наименованию *hazel* — ‘красновато-коричневый цвет’ и др.;
- наименования камней, минералов (6 ед., 16%): цветовое значение *magenta* образовано от названия красной анилиновой краски; по цвету нефритового камня получает цветовое значение слово *jade*; цветовое значение *platinum* образовано от цвета платины и др.;
- природные красящие вещества (4 ед., 10%): слово *ultramarine* образовано от названия пигмента *ultramarine* с ярко-синим цветом и др.

По сравнению с русским языком, в английском более значительно представлены наименования, образованные по признаку сходства с цветом животных (7 ед., 18%): цветовое значение слова *salmon* образовано от сущ., обозначающего рыбу, на том основании, что ее мясо имеет оранжево-розового цвета, поэтому составное наименование *salmon pink* означает оранжево-розовый цвет (цвет мяса лосося); цветовое наименование *buff* значит ‘желтовато-коричневый цвет, цвет буйволовой кожи’; слово *fawn* образовано от наименования молодого оленя (*fawn*), имеющего шкуру светлого желтовато-коричневого цвета и др.

Объектами действительности, давшими названия цветовым наименованиям, выступают также:

- артефакты (3 ед., 8%): слово *burgundy* — ‘темно-красный цвет’ — образовано от наименования бургундского вина, аналогично и в слове *wine*: его цветовое значение — темно-красный — образовано от присущего цвета самой жидкости — вину (или *wine*) и др.;
- явления (3 ед., 8%): наименование *midnight blue* значит ‘очень темный синий цвет’, этот оттенок создается за счет компонента *midnight* — темное, почти черное время суток; *sea green* — прилагательное, означающее светлый голубовато-зеленый цвет, такой оттенок формируется за счет первого компонента — *sea*, имеющего зеленоватый цвет (цвет моря, морской волны).

В образование цветовых наименований могут вовлекаться объекты, связанные с человеком, детьми (6 ед., 16%): наименование *baby pink* обозначает светлый оттенок розового. Именно компонент *baby* в сочетании с цветовым компонентом создает этот оттенок, так как кожа ребенка светлая, нежная, имеющая легкий розоватый оттенок; наименование *cardinal* берет свое цветовое значение от ярко-красного цвета одежды, которую носят са-

Рис. 1

Рис. 2

новники Римской католической церкви; слово *tan* имеет цветное значение, относящееся к загорелой коже и др.

Выявленные данные можно представить в виде двух графиков, показывающих предпочтения в выборе объектов цветовой номинации русских и англичан (Рис. 1, 2).

Таким образом, цветообозначения в обоих языках могут быть первообразными и образованными от наименований различных объектов мира. Выявлено, что мотивированные основы слов могут совпадать в обоих языках. Было определено, что носители обоих языков наиболее

часто избирают в качестве объекта для образования цветного значения наименования растений, камней, минералов и различных артефактов. Наличие мотивированных цветных слов, не имеющих соответствий в изучаемых языках, объясняется различием наименований тех объектов, которые русские и англичане избирают в качестве эталонов цвета. Наиболее частотными такими объектами в русском языке выступают природные явления — растения и камни, минералы, в английском — камни, минералы, цвета шерсти животных, сам человек.

Литература:

1. Брагина, А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний / А. А. Брагина // Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1972. — 156 с.
2. Иваровская, В. И. Лексическое значение цветных прилагательных в синтагматико-парадигматическом и словообразовательном аспектах // Вестник СПбГУ: Сер. № 2. — 1998. — 104–109 с.
3. Носовец, С. Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте: Цикл рассказов «Весна в Фиальте»: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. Г. Носовец. — Омск, 2002. — 249 с.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азъ, 1992. — 955 с.
5. Рахимова, Г. Р. Колористическая лексика в аспекте языковой картины мира. — Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7) — 130–133 с.
6. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 320 с.
7. Шемякин, Ф. Н. К вопросу об отношении слова и наглядности образа (цвет и его название) / Ф. Н. Шемякин // Известия АПН РСФСР. 1960. № 113. — 5–7 с.
8. Berlin, B., Kay P. Basic color terms. Their universality and evolution. — Berkeley, California: University of California Press, 1969. — 178 p.
9. Wehmeier, S., Oxford Advanced Learner's Dictionary. — Oxford University Press, 2005. — 1899 p.

Великие люди Узбекистана в литературе

Салаев Кадамбай Бабаджанович, кандидат филологических наук, доцент
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Особую роль в литературе играло и играет творчество таких людей, как А. Навои, Бируни, Пахлаван Махмуд.

Известные писатели М. Шевердин, И. Скосырев, Л. Бать писали в своих романах, повестях, очерках и стихах об истории Центральной Азии, древней истории культуры края, о поэтах Востока: Навои, Фирдоуси, Омар Хайям, Машраб, Бердах и др.

П. Скосырев пишет роман «Фархад», Е. Э. Бертальс написал предисловие к поэме Навои «Лейли и Меджнун» в переводе Семена Липкина, Л. Шабшай сочинил стихотворение «На Фархадской ГЭС», М. Шевердин выпустил сборник «Рукопись Алишера» в 1947 году, в романах «Набат», «Тени пустыни», «Семь смертных грехов», «Перешагни бездну», «Колесница Джагарнаута» тетралогии «Джейхун» использовал в виде эпиграфов изречения из произведении А. Навои.

В «Рукопись Алишера» М. Шевердин включил свои лучшие рассказы, написанные в начале сороковых годов. В рассказе «Рукопись Алишера» поставлена тема охраны народного достояния. Речь идёт о тайных попытках переправить за границу культурные ценности узбекского народа. Молодой Закир спасает рукопись великого Алишера Навои, переписанную его современником, знаменитым каллиграфом Сулейманом Али из Мешхеда.

Свои мысли о Навои автор передаёт из уст дехканина Каримджана «... Навои велик был не как добродетельный придворный, а близостью к народу» [1].

В романе «Набат» М. Шевердин в традиционно-фольклорном духе решил сюжетный конфликт, связанный с образом дочери бухарского ткача Дильаром. В Дильаром влюбились два брата Рустам и Иргаш. Для братьев девушка стала не только сказочной Лейли, она была также похожа ослепительной красотой на свою тезку, непревзойденную красавицу Дильаром из поэмы Алишера Навои «Семь планет».

В романе «Тени пустыни» М. Шевердина сравнивается любовь Насти и Гуляма с любовью Фархада и Ширин из произведения «Пятерица» Алишера Навои. Эти сопоставления, сделанные самим автором не случайны. Велика классическая традиция в созданных им образах, особенно много связи в женских характерах с героинями народного фольклора.

М. Шевердин в тетралогии «Джейхун» использовал в качестве эпиграфов изречения из произведения А. Навои:

«Огненный рубин, украшающий корону шахов, — лишь черный уголь, разжигающий в голове пустыне мечтания» [2, с. 153];

«О ты, руку которого укрепила власть!

Ведь путь ведёт к насилию,

Но ты творишь его над самим собою [3, с. 37].

«Он был одним из чудес нашего времени» [4, с. 82].

П. Скосырев в 1943 году пишет роман о Большой Ферганском канале «Фархад». У Скосырева связи с письменной и устной традициями центральноазиатских литератур своеобразны и сложны. Он в своих творческих поисках не ограничивался каким-либо одним видом литературы. Писатель неутомимо и углубленно изучал и собирал узбекский и туркменский фольклор, а также он был большим знатоком поэзии этого региона. Его одинаково влекли образность и мудрость сатирического анекдота, лиризм и философская глубина стихотворений Махтумкули и Омара Хайяма. Поэтическое изящество и эпический размах Алишера Навои.

В романе «Фархад» П. Скосырев обращается к образам эпической поэзии. Материалом для эстетического переосмысления была избрана поэма Алишера Навои «Фархад и Ширин».

По замыслу автора, образ Фархада в романе «Фархад» должен предстать перед читателем не как романтический герой классической узбекской литературы, одержимый сказочной силой страстью к прекрасной армянской царевне Ширин, а как реальный человек, руководствующийся в своих подвигах и поступках любовью к народу и стремлением к борьбе за народное счастье. В соответствии с этим замыслом определились жанровая и стилевая специфика «Фархада», сочетающего в себе элементы романтической легенды философско-иносказательного плана и реалистического романа.

Сказочно-любовная линия в романе особенно тесно переплетается с реальными подвигами Фархада. Земные поступки Фархада пронизаны любовью к своему народу.

Имеет свое место в изучении А. Навои также и Е. Э. Бертальс, написавший предисловие к поэме Навои «Лейли и Меджнун».

О Пахлаване Махмуде, поэте и борце 13 века пишет русскоязычный писатель К. А. Икрамов (1927–1989). К. Икрамов в основном писал на хорезмийскую тему. Известны его повести «Караваны уходят, пути остаются» (1960), «Махмуд-канатоходец» (1961) и роман «Пехотный капитан» (1975).

Особое место в творчестве К. Икрамова занимает повесть «Махмуд-канатоходец». Данная повесть уводит нас в средневековый Хорезм: описываемые события относятся к 13 столетию и связаны они деятельностью легендарного хорезмийца Пахлавана Махмуда. Скорняк и остролов, великий поэт и мыслитель. В поэзии Махмуд Пахлаван был последователем и продолжателем тра-

дий Омара Хайяма. До нас дошло несколько сотен четверостиший этого замечательного поэта.

Повесть «Махмуд-канатоходец» построена путём переплетения описания события происходивших с героем во время его путешествия по странам Востока, включены в текст биографические данные о Махмуде, а также и связанные с ним народных шуток, сказаний и легенд.

Махмуд был любимцем хивинцев, он покорила их умом, физической силой и добротой. В повести рассказывается о том, как Пахлаван Махмуд отправился в дальний путь для выполнения наставления земляков-ремесленников: «Если ты повстречаешь хорезмийцев, мастеров из Хивы, Ургенча и других городов нашей родины, тех, что Чингизхан продал в далекие южные страны, то приведи их домой. Это будет твоим главным подвигом» [5, с. 32].

Описание приключений Махмуда в Индии занимает особое место в повести. Книга «Махмуд-канатоходец» завершается пышной и торжественной свадьбой Махмуда и Таджихон.

Литература:

1. Шевердин, М. Рукопись Алишера. — Ташкент, 1947.
2. Шевердин, М. И. Джейхун. — Ташкент, 1984.
3. Икрамов, К. Махмуд-канатоходец. — Ташкент, 1961.
4. Крачковский, Н. Ю. Избранные сочинения. Том. 4. — М., 1957.
5. Булгаков, П. Г. Бируни. — М., 1960.

О Бируни (Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни), ученом-энциклопедисте писали многие русские писатели, ученые, такие как П. Г. Булгаков, З. К. Соколовская, И. В. Тимофеев, С. П. Толстов и другие. Они осветили биографии великого учёного, писали о его трудах по математике, астрономии, математической географии. Бируни — хорезмиец, он воспитанник Абу Насра, двоюродного брата хорезмшаха, который хорошо знал греческий язык. Поэтому Бируни смог в оригинале читать «Илиаду» и «Одиссею» Гомера.

Бируни читал такие книги, как «История» Табори, «Книги ожерелья» известного поэта и филолога Ибн Дурейда.

Бируни в своей книге «Хронология» (1000 г.) писал о многих известных людях, как А. Македонский, император Август, Диоклетиан и др.

Творчества великих мыслителей А. Навои, П. Махмуд, Бируни обрели непреходящую славу и заслуживают уважения и признания всего мыслящего человечества.

Особенности методики обучения русскому языку в начальных классах

Тангрибергенова Гулара Адамбаевна, преподаватель

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Обучение устной речи, которая является основной формой общения, одна из основных практических целей преподавания русского языка. Она складывается из двух взаимосвязанных компонентов: устного выражения своих мыслей и понимания на слух чужой речи на русском языке. Целью практического курса русского языка является обучение студентов умению вести устный диалог и беседу на темы из окружающей жизни и правильно выражать на русском языке свои мысли, используя изученный лексический и грамматический материал. Важную роль в усвоении учебного материала будут играть базовые знания, полученные в школе, в особенности на начальном этапе. Важнейшая задача усиленного обучения в начальных классах — это формирование и развитие интереса детей к русскому языку. В основе методики лежит социально-коммуникативный принцип, нацеливающий на достижение сознательного осмысленного усвоения учащимися языкового и речевого материала.

Внимание к коммуникативному, функциональному и прагматическому аспекту в обучении и овладении не-

родным языком усилило интерес к устной речи, как процессу, связанному с её порождением и восприятием. В этом процессе активной является деятельность не только говорящего, но и слушающего. Устная речь, как речь активная, может по своему характеру в определённых ситуациях смыкаться с письменной речью. В этих случаях ведущим является принцип «смысло-речевых» ситуаций, а также соотнесение фактов языковой системы с условиями их функционирования. Подкрепление навыков владения письменной речи навыками владения письменной речью связано обычно с репродуктивными формами речевой деятельности. В этих случаях можно подобрать коммуникативные упражнения, учитывая при этом возрастные особенности учащихся начальных классов.

Коммуникативные упражнения являются наиболее эффективным путём выработки речевых навыков и умений в силу их следующих особенностей: во-первых, они являются показателем спонтанного, свободного владения речью, во-вторых, имеют воспитательную и познавательную ценность, в-третьих, в процессе формирования

коммуникативных умений и навыков одновременно отрабатываются и орфоэпические, и грамматические, и орфографические навыки. Ценность использования коммуникативных упражнений в целях развития интереса к овладению навыками речи на втором языке заключается в том, что обучение приближается к жизненной практике.

К примеру, можно использовать небольшие по объёму речевые упражнения типа:

Выразите согласие или несогласие «Ты читаешь книгу?» — Нет, я не читаю книгу. — Да, я читаю книгу. Ты смотрела этот мультфильм? — Нет, я не смотрела этот мультфильм. — Да, я смотрела этот мультфильм.

Попросите у подруги карандаш (фломастер, линейку) Образец: — Дай мне, пожалуйста, карандаш.

Необходимо выделить некоторые методические приёмы, применяемые в работе, с учащимися начальных классов. Очень важно, чтобы дети попали в такую ситуацию, когда они должны говорить только на русском языке (однако проверить понимание прочитанного текста можно с помощью родного языка). Учащиеся начальных классов усваивают материал по моделям предложений, например: Ученик отвечает. Ученица отвечает. Ученики отвечают.

Учебный материал дети усваивают на слух, поэтому в процессе обучения русскому языку целесообразно использовать такие приёмы, как:

- хоровая репродукция за преподавателем;
- индивидуальная репродукция за преподавателем;
- хоровое пение, декламация.

Эти приёмы эффективны не только с методической точки зрения (дети активно усваивают произношение отдельных слов и интонационное оформление предложений), но и соответствуют возрастным особенностям детей. В процессе обучения широко используются и такие приёмы, как разыгрывание диалогов, речевых ситуаций, разговор по картинкам, действие по распоряжению, различные игры.

В условиях, где практически нет русской среды, обучение речи проводится в основном на уроке. Достичь поставленной цели, особенно на начальном этапе можно, если организовать интересные, нетрадиционные занятия. Ученики младшего школьного возраста не могут сознательно учиться, и только презентация программного материала в занимательной форме способствует интеллектуальному развитию учащихся, образованию и развитию речи. Учитывая возрастные особенности, следует во время занятий чередовать различные приёмы, активизируя тем самым познавательную деятельность детей. Среди перечисленных приёмов обучения очень важны различные игры, ведь в этом возрасте игра имеет большое

значение в жизни детей. Она помогает обучению, облегчает процесс усвоения, и очень важна с точки зрения мотивации. Игры используются с различными целями при введении и закреплении лексики и синтаксических моделей. Большую роль в процессе обучения русскому языку играет наглядность, которая вызывает у детей внимание, интерес, развивает их любознательность. При обучении можно использовать картинки, карты, предметы, игрушки. На уроке дети сами рисуют в своих тетрадях. Такие рисунки помогают детям воспроизводить текст при усвоении темы. Например, диалог между мамой и дочкой:

— Мама, я хочу есть. — Давай, дочка, накроем на стол. Ставь чашки, ложки, вилки.

— Поставила. А где конфеты? — Конфеты, масло, сыр в холодильнике. Принеси их.

Во время диалога ученица выбирает игрушечные предметы кухонной посуды или изображения с продуктами питания и ставит их на стол. Так можно провести закрепление темы «Посуда. Еда».

Вся система заданий, упражнений, тематика, виды работ подчинены одной цели-выполнению функции языка как средства общения. Уже на начальном этапе обучения предусматривается выработка умений:

а. логически последовательно объединять 2–5 предложений в элементарную связную речь с опорой на ситуацию в объёме усвоенного языкового материала, используя слова-связки.

б. составлять небольшой связный текст с помощью вопросов учителя и с опорой на средства наглядности.

с. вести диалог правильно с точки зрения фонетический, лексической, грамматической, интонационной, проговаривать реплики диалога, строить вторую реплику, реагируя на вопрос или побуждение, строить первую реплику (вопросительного, побудительного характера) по усвоенным образцам, расширять реплику, задавая вопрос или употребляя реплику-стимул, трансформировать диалог в соответствии с изменением ситуации или её деталей. Не менее важна при обучении неродному языку учащихся начальных классов и внеклассная работа. Рекомендуются организовывать совместные просмотры с детьми мультфильмов, кукольных спектаклей, организация экскурсий, вечеров, конкурсов, благодаря чему быстрее вырабатываются различные речевые умения (слушание, ответы на вопросы, постановка вопросов, связный рассказ или пересказ).

Главным результатом описанной работы является то, что у детей формируется устойчивый интерес и позитивное отношение к изучению русского языка. Они с радостью и большим интересом занимаются русским языком и хорошо усваивают элементарные формы разговорной речи.

Литература:

1. Талипова, Р. Т. Развитие интереса к русскому языку. — Ташкент, 1992.

Перевод при обучении научному стилю речи

Тангрибергенова Гулара Адамбаевна, преподаватель
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Среди многочисленных сложных проблем, которые изучает современное языкознание, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межкультурной речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью». Перевод возник из потребностей практики, производственной деятельности человека в связи с ролью языка как средства общения. Он также является эффективным способом преодоления языковых барьеров. Поэтому с полным правом можно считать, что перевод также проблема филологическая. Он является основным видом языкового посредничества. Коммуникативная равноценность текстов оригинала и перевода предполагает высокую степень подобия соотносительных единиц этих текстов. Возможность достижения такого подобия зависит от соотношения систем и правил функционирования исходного и переводимого языков. Поэтому перевод в большей мере, чем другие виды языкового посредничества определяется лингвистическими факторами. В методике перевод рассматривается как самостоятельный аспект обучения студентов иностранным языкам, который играет большую роль в учебном процессе.

Проблема перевода для студентов, изучающих русский язык как иностранный, весьма актуальна. О значимости её свидетельствует, в частности, то, что в последние годы исследованием этого вопроса занимаются многие дисциплины. В статье речь рассматриваются приёмы и методы работы с переводом и трудности, с которыми сталкиваются студенты национальной аудитории при знакомстве с текстом научного стиля на русском языке. Особую трудность для них представляет перевод такого текста. Это объясняется лингвистическими особенностями научного стиля речи. В рамках каждого функционального стиля можно выделить некоторые языковые особенности, влияние которых на ход и результат процесса перевода значительно. Например, в научно-техническом стиле это лексико-грамматические особенности научного материала и, в первую очередь, ведущая роль терминологии и специальной лексики. Характерными особенностями этого стиля являются его информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность), точность и объективность и вытекающие из этих особенностей ясность и понятность. Отдельные тексты, принадлежащие к данному стилю, могут обладать указанными чертами в большей или меньшей степени. Однако у всех таких текстов обнаруживается преимущественное использование языковых средств, которые способствуют удовлетворению потребностей данной сферы общения. В области лексики это прежде всего использование терминологии и так называемой специальной лексики. Тер-

мином является эмоционально-нейтральное слово (словосочетание), передающее название точно определённого понятия, относящегося к той или иной области науки или техники. В языке науки термины несут основную семантическую нагрузку, занимая главное место среди прочих общелитературных и служебных слов. Поэтому основным требованием к термину становится однозначность. Тем не менее многие термины многозначны: в разных отраслях науки и техники могут выступать в разных значениях. К примеру: корни (математические) — корни (в биологии), дуга (электрическая) — дуга (рефлекторная), морфология (раздел языкознания) морфология (раздел биологии) и т.д. Также в языке много словарных единиц, которые могут выступать как в качестве терминов, так и в качестве общеупотребительных слов (явление омонимии). К примеру, мышка, клетка, корни, секреты, ткани, память, каналы, класс и т.д. Такие явления в языке создают трудности в работе над переводом текста. Поэтому при переводе текста научного стиля студентов необходимо приучать работе со специальными словарями (политехническими, отраслевыми, узкоотраслевыми).

Для закрепления значения термина в памяти студентов можно предложить им упражнения с переводом предложений или микротекстов с родного на русский язык, и наоборот. В процессе обучения русскому языку немаловажную роль играют переводные упражнения. Они могут выполнять две функции.

Во-первых, переводные упражнения могут служить собственно обучению переводу с одного языка на другой.

Во-вторых, они обучают устной иностранной речи. Участие переводных упражнений в процессе обучения устной иностранной речи необходимо с целью первичного закрепления материала.

Переводные упражнения как средство обучения иностранной речи имеют весьма ограниченную сферу применения. Они используются в качестве обеспечения адекватной идентификации материала.

Как известно, есть множество различных видов переводов: письменный перевод, устный (синхронный), адаптированный, аутентичный, аннотационный и др. На занятиях при знакомстве с научно-техническим текстом целесообразнее использовать письменный перевод, а после прохождения определённой темы — устный (синхронный). Материал для устного перевода составляется следующим образом: из пройденной темы выделяется характерная ситуация, в которой можно наиболее успешно использовать синхронный перевод. Из темы выбираются характерные обороты, словосочетания и слова. Особое внимание следует уделять при этом тем оборотам, которые на другой язык дословно не переводятся. Наиболее

эффективным будет «интервью» с учёным (математиком, биологом, изобретателем). Ситуация: «учёный» даёт интервью о своём научном открытии. Для составления интервью даются наиболее характерные слова (исследовать, открытие, эксперимент, опыт, лаборатория и др.) «Учёный» даёт интервью (по содержанию изученной темы, к примеру, «Матрица») на русском языке, а студент, исполняющий роль переводчика переводит текст на узбекский язык. Аудитория задаёт вопросы на родном языке, переводчик переводит их на русский.

Также закрепление изученной темы можно провести ещё одним способом. Текст записывается на магнитофон, а один студент (или несколько поэтапно) исполняют роль синхронного переводчика. Перед данной работой целесообразней дать студентам несколько раз прослушать текст, наиболее трудно переводимые места, отдельные фразы. Работу над синхронным переводом можно разнообразить: к примеру, дать студентам прослушать микротекст на русском языке, затем перевести его на узбекский. Далее дать прослушать текст на узбекском языке и перевести его на русский. Синхронный перевод способствует закреплению темы, автоматизации важнейших устойчивых единиц, терминов, знание которых необходимо для изучения иностранного языка.

Как показывает опыт, основные причины, приводящие к ошибкам при переводе:

1. убежденность в однозначности слов и грамматических форм;
2. смешение графического облика слова;
3. ошибочное использование аналогии;
4. перевод слов более конкретными значениями, чем они фактически имеют;
5. неумение подыскивать значение слова на узбекском языке для перевода русских слов, лексических и грамматических сочетаний;
6. незнание закономерностей изложения научно-технического материала и на русском языке и способа его передачи на узбекский язык».

В условиях обучения студентов национальных групп целесообразно выделить элементы перевода как самостоятельного аспекта обучения. Этот вид деятельности усиливает мотивацию обучаемых, служит инструментом развития личности. Материалом для перевода должны служить не только тексты на русском языке, но и отдельные предложения или микротексты для обратного перевода на русский язык, преследующие цель обучать адекватному выбору и правильному употреблению лексического и грамматического материала. Необходимо разработать систему упражнений, направленных на устранение типичных ошибок, допускаемых при переводе, вызванных различиями грамматического строя языков.

Литература:

1. Григоров, В.Б. Как работать с научной статьёй. — М., 1991.
2. Ванников, Ю.В. Научно-технический перевод. — М., 1992.

Коммуникативность как один из принципов преподавания русского языка

Турумова Тамара Хакимовна, старший преподаватель
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Передовое мировое сообщество пришло к мнению о необходимости формирования многоязычной личности. Современная ситуация, условия сближения культур, выход на мировую арену предполагают многочисленные контакты. Эти потребности определяют важность изучения иностранных языков. В настоящее время знание иностранного языка — это не только атрибут культурного развития человека, но и условие его успешной деятельности в самых разных сферах производства. В связи с этим пересматриваются цели и задачи преподавания иностранных языков. Главным становится функциональный принцип обучения. Необходимо научить студентов не только основам иностранного языка, но и научить их с интересом и правильно общаться на другом языке, как в рамках профессиональной тематики, так и в ситуациях повседневной жизни. Студенты

должны не только понимать обращённую к ним речь на иностранном языке, но правильно построить своё ответное сообщение. Инновационный подход к обучению позволяет реализовать современные цели обучения — формирование коммуникативной компетенции учащихся и воспитание толерантности в мультикультурном обществе. Действенным импульсом для появления различных подходов к обучению иностранным языкам на современном этапе стало изменение состояния общества, процесс глобализации. Современный этап развития методики преподавания русского языка как иностранного характеризуется интенсивной разработкой проблем, связанных с обучением коммуникативной деятельности. Следует отметить, что характерной чертой последних десятилетий является всё возрастающий интерес к коммуникативному подходу в обучении иностранным языкам.

Доминирующей идеей коммуникативного подхода является коммуникативная направленность всех видов речевой деятельности-говорения, аудирования, чтения и письма. В его основу положена такая организация процесса овладения изучаемым языком, при которой учебно-языковые и учебно-речевые единицы русского языка, а также разнообразные действия, производимые с этими единицами, определяются в соответствии с коммуникативными и познавательными потребностями, запросами и интересами изучающих данный язык, с учётом их реальных психологических возможностей, индивидуальных способностей и особенностей восприятия и использования языка.

В настоящее время вряд ли можно найти область преподавания иностранных языков, где коммуникативный подход не стал бы общепризнанным. Особенно в обучении специалистов явно проявляются такие преимущества коммуникативной направленности, как сближение учебной деятельности с практическим использованием учащимися языком в реальном общении. В центре коммуникативно-направленного обучения находится обучаемый. Он является субъектом учебного процесса. При традиционных методах обучения обычно упускается из виду тот факт, что в реальном учебном процессе преподаватель и учащийся видят практические цели под разным углом зрения. Чтобы избежать подобной рассогласованности учебных целей в рамках коммуникативно-направленного обучения преподаватель должен соотнести их с коммуникативно-познавательными интересами и потребностями учащихся, с их потенциальными способностями, реальными возможностями, особенностями обучения. До начала изучения иностранного языка учащийся имеет в своём распоряжении средство коммуникации — родной язык, который он использует для выражения собственных мыслей и для получения информации извне. Поэтому учащиеся в редких случаях проявляют стойкий и систематический интерес к изучаемому иностранному языку как средству общения. К тому же лингвистическая информация, сообщаемая средствами иностранного языка, не может быть полностью новой для учащегося. Поэтому предъявленный учебный материал должен быть сразу применен в условно-коммуникативной деятельности, а затем без большого перерыва в коммуникации, максимально приближённой к естественной. В учебном процессе деятельность учащихся всегда основана на мотивах. Это означает, что учащийся реализует те или иные коммуникативно-познавательные задачи, испытывая воздействия множества мотивов. Однако наиболее эффективным является тот мотив, который имеет для учащегося особую субъективную значимость. Вот почему основная задача преподавателя как в рамках коммуникативного, так и любого другого подхода заключается в том, чтобы повысить творческую активность учащегося, заинтересовать и увлечь их предметом, повысить их личностную ответственность за успешность реализации коммуникативно-познавательных задач, возникающих

в процессе овладения языком. Основным достоинством коммуникативного обучения является широкое использование дифференцированных подходов к подаче учебного материала. Обучаемому могут быть предложены следующие способы презентации нового учебного материала:

1. наглядно-иллюстративный;
2. систематизировано-обобщающий;
3. игровой;
4. индуктивный;
5. дедуктивный;
6. имитативный;
7. эвристический;
8. аналитический;
9. сравнительно-сопоставительный;
10. синтетический.

Стимулятором интеллектуально-мыслительной и коммуникативно-познавательной деятельности учащихся на занятиях русского языка является чётко продуманная система речемыслительных задач, которые должны вызывать стремление говорящего выразить свою готовность высказать своё отношение к явлениям, фактам реальной действительности. В сущности, весь процесс общения и состоит из решения мыслительных, коммуникативных задач.

Как установлено, различные цели и задачи, стоящие перед современным учебным процессом, наиболее эффективно можно решить в том случае, если сам преподаватель будет стремиться к активизации интеллектуально-мыслительной и коммуникативно-познавательной деятельности учащихся. Это и приводит к необходимости использования на уроках русского языка элементов программированного и проблемного обучения, а также таких форм организации учебной деятельности, как ролевые игры, игры соревнования, пресс-конференции и т.п. Реальная коммуникативная деятельность учащихся на русском языке, письменные или устные жанры текста, направление общения и их тематизация в соответствии с интересами обучающихся, типы речевых действий — представляет коммуникативную программу обучения, соотносится с коммуникативно-деятельностным подходом. Разработка такой программы, намечающей путь потребность-предмет (мысль) -средства (лексические и грамматические) способ формирования и формулирования мысли предусмотрена каждой концепцией коммуникативно-ориентированного обучения.

Нужно отметить, что коммуникативно-деятельностное обучение позволяет:

1. Вносить по ходу обучения необходимые коррективы в учебный процесс.
2. Эффективно справляться с трудностями как субъективного, так и объективного характера, с которыми сталкивается обучаемый при выполнении конкретного проблемно-коммуникативного задания.
3. Создать оптимальные предпосылки для осуществления качественного контроля и самоконтроля.

4. Моделировать программы овладения иностранным языком.

5. Эффективно внедрить в практику обучения ценные достижения смежных наук.

6. Преодолеть инертность обучаемых путём внедрения новых форм и способов обучения.

7. Максимально учесть различные психологические теории обучения иностранным языкам.

Литература:

1. Митрофанова, О.Д. Учебный принцип коммуникативности. — Русский язык за рубежом, 1979, № 1.
2. Леонтьев, А. А Принцип коммуникативности сегодня. — Иностранные языки в школе. 1986, № 2.

Работа с языковыми тренажерами на занятиях русского языка

Турумова Тамара Хакимовна, старший преподаватель
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Большую роль в закреплении речевых умений и навыков студентов играют грамматические упражнения. Существует различное множество типов таких упражнений. При отборе грамматического материала следует учитывать цели урока, задачи каждой структурной части.

Усвоение нового материала происходит в ходе выполнения тренировочных упражнений, целью которых является формирование у учащихся навыков относительно точного воспроизведения изучаемого явления в типичных для его функционирования речевых ситуациях и развитие их гибкости за счет варьирования условий общения, требующих адекватного грамматического оформления высказывания. Ведь исходный текст, используемый при ознакомлении, представляет новое грамматическое явление односторонне. Для выражения мыслей, т.е. для формирования «своего» текста, учащимся этого будет недостаточно. Тренировка, таким образом, должна помочь расширить диапазон употребления данного грамматического явления.

Тренировка является ответственным этапом в усвоении грамматического материала: в нем неизбежно сочетаются формальные упражнения, направленные на создание стереотипов формы, с условно-речевыми, приближающими учащихся к выражению собственных мыслей в связи с определенными задачами общения. От установления правильного баланса между ними зависит успех усвоения. Предметом тренировки может быть не большой элемент языкового явления.

Без определенного количества формальных упражнений, направленных на запоминание формы и ее стереотипизацию, невозможно обойтись при формировании грамматического навыка. Характеризуя систему тренировочных упражнений в целом, мы видим их вспомогательную роль. Надо выстроить тренировочные упражнения таким образом, чтобы учащиеся при их выполнении понимали необходимость данного грамматического явления в тематически-ситуативном целом. Так, как такие упражнения в большом количестве используются при

грамматико-переводном методе, можем утверждать, что применение этого метода для закрепления нового материала является идеальным. Но формальные упражнения должны быть подчинены упражнениям с речевой установкой. На этом этапе урока могут быть использованы такие типы упражнений:

1. Имитационные упражнения могут быть построены на одноструктурном или оппозиционном (контрастном) грамматическом материале. Грамматическая структура в них задана, ее следует повторять без изменения. Выполнение упражнений может проходить в виде прослушивания и повторения форм по образцу:

- Куда едем?
- В школу, в университет, в гимназию...
- На море, на реку, на озеро...

А также может проходить в виде списывания текста или его части с подчеркиванием грамматических ориентиров (подчеркиванием конструкций с предлогами В, НА, С, ИЗ).

2. Подстановочные упражнения используются для закрепления грамматического материала, выработки автоматизма в употреблении грамматической структуры в аналогичных ситуациях. Этот тип упражнений особо ответствен за формирование гибкости навыка, здесь происходит усвоение всего многообразия форм, присущих данному грамматическому явлению, за счет разнообразных трансформаций, дополнения и расширения.

Задание. Вставьте вместо точек нужные предлоги (письменно).

1. Ваши друзья сейчас... клубе... дискотеке?
2. Нет, они любят отдыхать... театре... спектакле.
3. Сергей и Ирина занимаются утром... университете... лекции?
4. Лампа стоит (где?) / стол /
5. Мы покупаем журналы... / киоск /

Трансформационные упражнения дают возможность формировать навыки комбинирования, замены, сокращения или расширения заданных грамматических структур

в речи. Здесь метод тренировки смыкается фактически с методом применения усвоенного грамматического материала в речи. При выполнении этих упражнений учителю необходимо иметь в виду две взаимосвязанные задачи: обеспечить запоминание грамматического материала, развитие соответствующих навыков и одновременно открыть перед учащимися ясную речевую перспективу использования этих навыков. Нельзя не согласиться в этом отношении с тем мнением, что даже самое маленькое грамматическое упражнение надо строить так, чтобы учащиеся могли немедленно почувствовать пользу от затраченных усилий.

При применении традиционного метода — в познании языковой теории, а при прямом и коммуникативном методах — в практическом использовании языка.

— Задание. Поставьте вопросы к ответам по образцу.

ОБРАЗЕЦ:

- a. ...? — Я живу в Москве.
- b. ...? — Я учусь в университете.
- c. ...? — Я живу в общежитии.
- d. ...? — Моя семья живёт в деревне.

Литература:

1. Астахова, Е. А., Решетов А. Г. Повышение эффективности процесса развития устной иноязычной речи на основе совершенствования содержания обучения // Иностранные языки для взрослых, № 3, 1998.
2. Бим, И. Л. Цели обучения иностранному языку в рамках базового курса // Иностранные языки в средней школе. № 1, 1996.

Сформированный при помощи тренировочных упражнений грамматический навык используется в речевых умениях, которые развиваются при помощи метода применения. Содержанием этого метода являются упражнения в комбинировании грамматического материала, или, так называемые, трансформационные упражнения. Упражнения формируют навык комбинирования, замены или сокращения грамматических структур в речи. С их помощью можно научить варьировать содержание сообщения в заданных моделях в зависимости от меняющейся ситуации, сопоставлять и противопоставлять изучаемую структуру ранее изученным, составлять из отдельных усвоенных за ранее частей целые высказывания с новым содержанием, так как в естественной речи используются разнообразные грамматические явления, их сочетания, что определяется речевой задачей

Таким образом, данная система упражнений обеспечивает усвоение активного грамматического минимума, обслуживающего устную речь и чтение на начальном и среднем этапе обучения иностранному языку.

Использование фразеологизмов в англоязычном рекламном дискурсе

Филиппова Мария Александровна, магистрант
Международный гуманитарно-лингвистический институт

В данной статье рассматриваются особенности использования фразеологизмов в англоязычном рекламном дискурсе. Основной целью статьи является выявление классификаций фразеологических единиц, использующихся в рекламе. В работе представлен краткий теоретический обзор основных понятий, связанных с фразеологизмами рекламного дискурса в отечественном языкознании.

Ключевые слова: рекламный дискурс, фразеологизмы, фразеологические единицы, фразеология, слоганы

Проблема, рассматриваемая в данном исследовании представляется актуальной, поскольку такое многозначное понятие как дискурс, введенное структурализмом, является на современном этапе важнейшим инструментом исследований в области, прежде всего, гуманитарных наук, и лингвистики, в том числе. Исследование применения фразеологизмов в рекламном дискурсе необходимо начинать с рассмотрения общих понятий. Для начала рассмотрим наиболее общее понятие фразеологии как науки. Одним из первых термин “phraseologie” ввёл швейцарский лингвист Ш. Балли в значении «раздел стилистики, изучающий связанные словосочетания» [2, 300 с.]. Лингвистический Энциклопедический Словарь (ЛЭС) дает сразу два определения фразеологии: «совокупность

фразеологизмов данного языка» и «раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии» [13, 503 с.]. Как наука, отдельная от лексикологии, она возникла не так давно.

Выделением фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины занимались Е. Д. Поливанова в конце 20-х годов XX в., а также такие учёные, как Б. А. Ларин, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, А. А. Потебня, А. А. Шахматов и И. А. Бодуэн де Куртенэ, рассматривавшие синтаксически неразделимые группы слов, которые, собственно, являются фразеологизмами.

Такие лингвисты, как Н. М. Шанский, В. Л. Архангельский, А. В. Кунин, И. И. Чернышева, Н. Н. Амо-

сова, С. Г. Гаврин и некоторые другие, к середине 60-х годов XX в., в языкознании создали новый раздел со своими методами изучения, со своим объектом исследования, со своей спецификой в семантическом, функциональном и структурном аспектах. К концу 70-х — началу 80-х годов русская фразеология была признана странами Запада полноценной ветвью лексикологии.

Предметом фразеологии является исследование фразеологизмов и их особенностей, а также выявление особенностей их использования в речи. Объектом фразеологических исследований являются фразеологизмы (они же фразеологические обороты), то есть устойчивые словосочетания, закрепившиеся в языке и, соответственно, в нашей памяти. Фразеология рассматривает все воспроизводимые единицы без исключения, то есть устойчивое сочетание слов может быть эквивалентно как одному слову, так и целому предложению. Проблемами фразеологии являются выявление разницы между фразеологизмами и сочетаниями слов, образующимися в речи (а не воспроизводимыми, как фразеологизмы), а также выявление конкретных признаков фразеологизма. Основной задачей фразеологии является изучение фразеологической системы языка в прошлом и настоящем, в её взаимоотношениях и связях с лексикой и словообразованием, а также грамматикой.

На сегодняшний день актуальность фразеологии очень возросла, и можно наблюдать большое количество направлений исследования, таких, например, как стилистическое функционирование фразеологических единиц, источники фразеологизмов, пути и способы фразеологизации, морфолого-грамматические особенности фразеологических единиц, семантика фразеологизмов, фразеография, фразеологическая номинация, когнитивный подход к изучению фразеологического значения и многие другие.

Поскольку в данной статье мы изучаем «Использование фразеологизмов в англоязычном рекламном дискурсе», то для начала нужно разобраться что такое дискурс. Дискурс интерпретируется как семиотический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик. Когда говорят о дискурсе, то в первую очередь имеют в виду специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной). Ж. К. Коке называет его «сцеплением структур значения, обладающих собственными правилами комбинации и трансформации» [14, 27 р.]. С другой стороны, М. Фуко считает, что «каждая наука выступает как форма знания» [10, 53 с.], представленная специфическим понятийным и терминологическим аппаратом.

Изучением и выявлением определения рекламного дискурса в различное время занимались зарубежные исследователи Дж. Браун и Дж. Юл, а также отечественные ученые: Н. Д. Арутюнова, Е. Г. Борисова, Л. А. Нефедова, Е. И. Шейгал, М. Фуко, Е. А. Терпугова, П. Б. Паршин, О. Н. Рыбакова, Ю. К. Пирогова. М. М. Пчелинцева подчеркивает, что «Реклама и PR — сферы бытования увеще-

вательной коммуникации. Рекламная и PR-информация всегда служат целям коммуникативного воздействия» [7, 26 с.]. В свою очередь, П. Б. Паршин утверждает, что «язык не просто позволяет более или менее выразительно описать рекламируемый объект: с помощью речевых средств можно управлять восприятием этого объекта адресатом» [6, 556 с.].

Рассмотрим значение понятия «дискурс». Ранее термин «дискурс» стал известен в лингвистике в 1970-х гг. Э. Бенвенист писал, что «с предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир — мир языка как средства общения, выражением которого является речь» [3, 139 с.]. Однако изначально, как утверждает Е. А. Терпугова, «значение термина «дискурс» было близко к тому, что в русской лингвистике обозначалось термином «функциональный стиль» и дискурс означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [9, 23 с.].

Существует огромное количество определений понятия «дискурс». М. Фуко изложил дискурс как «совокупность всего высказанного и произнесенного», т.е. представляющий собой «родовую категорию по отношению к понятиям речь, текст, диалог» [10, 43 с.]. Часто используют определение Н. Д. Арутюновой, дискурс есть «текст, взятый в событийном аспекте; речь, погруженная в жизнь» [1, 37 с.]. Тот же смысл лежит в определении дискурса, заложенным Дж. Брауном и Дж. Юлом в работе «Дискурсивный анализ». В работе написано, что «анализ дискурса обязательно представляет собой анализ языка в действии. Как таковой, он не может быть ограничен описанием языковых форм, независимых от целей и функций, которым данные формы предназначены служить в человеческой деятельности» [13, 28 р.].

Трудностью в формулировке дискурса является его соотношение с текстом. В научной практике используется определение дискурса, уподобляющее его тексту. Так, О. Н. Рыбакова отметила, что «... под дискурсом, как правило, понимается либо процесс вербальной коммуникации, либо любое высказывание, большее, чем предложение, которое в конкретной коммуникативной ситуации может быть равным целому тексту» [8, 31 с.].

Е. И. Шейгал отмечает как главную особенность дискурса его незаконченность, а именно что: «Завершенность присуща тексту, но не дискурсу; дискурс принципиально континуален, не имеет временных границ начала и конца — невозможно определить, когда закончился один дискурс и начался другой» [11]. Ту же черту этого феномена подметила М. М. Пчелинцева, а именно что «Еще одним принципиальным отличием дискурса является его специфическая недискретность. В отличие от текста, дискурс не завершается, когда поставлена последняя точка. Дискурс — это всегда действие, влекущее за собой ответную реакцию, и так без конца. Дискурс — это продолжающееся действие» [7, 26 с.].

Так как существует большое количество трактовок понятия дискурса, универсального определения, которое бы

включало в себя все случаи его применения, не имеется. Однако принято считать и для себя мы можем отметить в рамках данного исследования, что дискурс — это текст в устной или письменной форме. Любой англоязычный рекламный дискурс нуждается в переводе на русский язык, поскольку именно перевод дискурса будет доступен пониманию большинства потребителей и будет оказывать воздействие на них.

Поскольку в данной статье мы исследуем употребление фразеологические единицы, то необходимо привести их основную классификацию. Их классифицируют либо с точки зрения их семантической неделимости (слитности), либо с точки зрения их грамматической структуры. Также существуют классификации по способу употребления, стилистической окраске и способам образования.

А. В. Кунин предложил классифицировать фразеологические единицы, исходя из объединённого структурно-семантического принципа [5, 246 с.]. В этой классификации он разделил фразеологические единицы на четыре класса в зависимости от коммуникативной функции, основанной на их структурно-семантических характеристиках:

1) Номинативные фразеологические единицы. Такие фразеологические единицы являются оборотами, выполняющими функцию называния, то есть обозначения предметов, действий, качеств, явлений, состояний и т.п. Фразеологизмам свойственна функция осложненной номинации. В образных фразеологических единицах по-разному переплетаются экспрессивность, интенсивность, образность, эмотивность и оценочность. Наиболее общим свойством является экспрессивность. В состав номинативных фразеологических единиц входят фразеологизмы различных структурных типов: обороты с одной знаменательной лексемой и одной или двумя незнаменательными лексемами, фраземы, т.е. обороты со структурой словосочетания, и обороты со структурой придаточного предложения, как с определяемым им словом, так и без него. К номинативным фразеологическим единицам относятся:

— Субстантивные, то есть полностью и частично переосмысленные фразеологизмы со структурой словосочетания и полностью переосмысленные фразеологические единицы с частичнопредикативной структурой, например: *a lounge lizard* — праздный гуляка.

— Адъективные, основанные на прилагательных, которые делятся на компаративные и некомпаративные. Первые, как следует из названия, сравнивают некое качество с неким явлением, например: *as fierce as a tiger* — свирепый как тигр. Некомпаративные ничего не сравнивают, но в основе содержат прилагательное и бывают эквивалентны прилагательному, например: *full of beans* — полный жизненных сил.

— Адвербиальные, то есть эквивалентные наречию, они делятся на качественные и обстоятельственные. Качественные адвербиальные фразеологизмы обозначают признаки процесса, то есть характеризуют его с качественной стороны. Они подразделяются на фразео-

логизмы образа действия (например, *tooth and nail* — изо всех сил) и фразеологизмы меры, степени (например, *to a high degree* — чрезвычайно). Обстоятельственные адвербиальные фразеологические единицы обозначают обстоятельства или условия, в которых совершается действие, например: *in the heat of the moment* — сгоряча.

— Предложные, выполняющие связующую функцию в предложении, так как они устанавливают связи между словами субстантивного характера, например: *in view of* — вследствие.

2) Номинативные и номинативно-коммуникативные фразеологические единицы. Такие сочетания слов, в силу наличия в них глагола, могут трансформироваться в предложении. В данный тип включаются глагольные фразеологизмы, которые могут быть полностью или частично переосмысленными мотивированными или немотивированными оборотами. Подобно адъективным фразеологическим единицам, они подразделяются на компаративные (например: *swear like a bargee* — ругаться как сантехник) и некомпаративные (например: *bring the house down* — вызвать шквал аплодисментов).

3) Междометные фразеологические единицы и модальные фразеологические единицы междометного характера. Такие фразеологизмы не подходят под понятие номинативных или коммуникативных и поэтому выделены в отдельную группу, например: *oh, my eyes!* — вот это да!

4) Коммуникативные фразеологические единицы. В эту группу входят пословицы и поговорки, например: *the proof of the pudding is in the eating* — все проверяется на практике [5, 352 с.].

Что касается фразеологических единиц в рекламном дискурсе, то они используются в заголовке, слогане, основном тексте рекламы. Нередко фразеологизмы можно заметить в рекламных слоганах и их звуковом отражении — джинглах. Фразеологизмы чаще всего встречаются в рекламных слоганах, которые, выступая в качестве основного элемента фирменного стиля бренда, в сущности, номинируют его вторично, становясь рекламным именем, и обладают символическим значением. Слоганы, в которых не используются фразеологизмы в качестве языкового средства создания рекламного образа, постепенно могут стать фразеологизмами. Это связано с тем, что одним из значимых свойств фразеологических единиц является частотность употреблений, а в рекламном тексте этот фактор приобретает особую актуальность, так как рекламная коммуникация предполагает повторяемость контактов с потребителем. Целевая аудитория запоминает рекламные слоганы и джинглы, ассоциирует их с определенными тонами и воспринимает в соответствующем значении, во многом созданном в рамках рекламного текста.

По наблюдениям Ю.С. Бернадской, в рекламе фразеологизмы применяются в четырех формах: парафраз, чистый фразеологизм, переосмысленный фразеологизм и фразеологизм, обыгрывающий имя бренда [4, 288 с.].

Парафраз подразумевает замену одного из слов фразеологизма, например: *The Citi never sleeps.* (Citibank) [15,

19 р.]. Однако, парафраз можно заменить также термином «дефразеологизация», поскольку при замене компонента исходной единицы, добавлении или выпадении компонента мы видим, что образуется совершенно новая языковая единица с другим значением — неофразеологизм.

Чистый фразеологизм включает в себя готовое словосочетание, в которое может входить слово, имеющее относящееся к объекту рекламы, которое формально его изменяет: *Finger lickin' good*. (KFC) [16, 25 р.].

Переосмысленный фразеологизм — явление, при котором общее значение фразеологизма подразделяется на отдельные значения составляющих его слов, в итоге, выражение имеет другой смысл, ассоциирующийся у потре-

бителей с предметом рекламы [4, 288 с.]. Такие фразеологизмы воздействуют на людей эффективнее, чем в своем изначальном значении, например: *The milk chocolate melts in your mouth, not in your hand*. (M&Ms) [15, 37 р.].

Фразеологизмы, обыгрывающие имя бренда, широко используются в рекламе, например: *When you're at The Home Depot, you feel right at home*. (The Home Depot) [16, 40 р.].

Таким образом, у фразеологизмов есть эмоционально-экспрессивная окраска, и они выступают в рекламном дискурсе в качестве языкового средства, формирующего вербальный образ товара, дополняющий и уточняющий основной визуальный рекламный образ.

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. 2-е издание / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 37 с.
2. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. — М.: Либроком, 2009. — 300 с.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 139 с.
4. Бернадская, Ю.С. Текст в рекламе / Ю.С. Бернадская — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 288 с.
5. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. — 3-е изд., стереотип / А. В. Кунин. — Дубна: Феникс, 2005. — С. 246–352.
6. Паршин, П.Б. Заметки о моделях мира современной российской коммерческой рекламы / П.Б. Паршин // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции. — М.: 2001. — С. 554–571.
7. Пчелинцева, М.М. Взаимозаменяемость вербально-визуальных элементов информации в семиотическом пространстве рекламного дискурса: Диссертация кандидата филологических наук: 10.02.19 / М.М. Пчелинцева. — Саратов, 2003. — 26 с.
8. Рыбакова, О.Н. Дискурсивные, коммуникативно-прагматические и семиотические характеристики англоязычной печатной рекламы. Диссертация кандидата филологических наук. 10.02.04 / О.Н. Рыбакова. — Иваново, 1999. — 31 с.
9. Терпугова, Е.А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса. Диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01 / Е.А. Терпугова. — Иркутск, 2001. — 23 с.
10. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности // Перевод с французского С. Табачниковой, под редакцией А. Пузыря / М. Фуко. — М.: Магистериум, Касталь, 1996. — С. 43–55.
11. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Институт Языкознания РАН, Волгоградский государственный педагогический университет / Е.И. Шейгал, — Волгоград: Перемена, 2000.
12. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой / В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 503 с.
13. Brown, G. Discourse Analysis (Cambridge Textbooks in Linguistics) / Gillian Brown, George Yule. — Cambridge University Press, Cambridge, 1983. — 28 p.
14. Coquet, J. C. Semiotique litteraire / J. C. Coquet. — Columbia University Press, Strasbourg, 1973. — 27 p.
15. Cosmopolitan № 4, April 2010, LLC "Fashion Press". — 204 с.
16. Forbes № 5, May 2010, Dennis Publishing Inc. — 206 с.

Особенности предложений в законах КНР

Ши Мэн, магистрант

Китайский политико-правовой университет

Юридические тексты относятся к стилю официально-деловому стилю. Язык законов абстрагируется от индивидуальных речевых особенностей людей, и по-

этому необходима известна стереотипность изложения. В данной статье автор обобщает некоторые особенности форм предложений в юридических текстах на китайском

языке и проводит некоторые конкретные примеры из «Уголовного Кодекса КНР» и «Уголовно-процессуального кодекса КНР».

1. Широко использование условных предложений

Законы и правила определяют нормы поведения дееспособного человека. Нормы представляют собой условия.

Что касается таких законов и правил, которые устанавливают наказания, они почти всегда предлагают с обратной стороны какие-то условия нарушения норм, то есть, если какие-то поведения соответствуют этим условиям, они относятся к какому-то поведению противозаконному или преступлению. В этих законах и правилах обычно используются следующие типы условных предложений:

1) Излагаются условия, установленные для каких-то поведений, через словосочетания со словом «的». Например:

(1) «故意杀人的, 处死刑、无期徒刑或者十年以上有期徒刑, 情节较轻的, 处三年以上十年以下有期徒刑。» («中华人民共和国刑法»第232条)

«Умышленное убийство — наказывается смертной казнью, бессрочным лишением свободы или лишением свободы на срок свыше 10 лет; при смягчающих обстоятельствах — наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет». (статья 232 Юридические тексты).

(2) «故意伤害他人身体的, 处三年以下有期徒刑或者拘役。» («中华人民共和国刑法»第234条)

«Умышленное причинение травмы третьему лицу наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом или надзором». (статья 234 «Уголовный Кодекс КНР»).

Вышеприведенные примеры являются предложениями условными в форме простых предложений. Установленные условия являются подлежащими, которые включаются в словосочетание со словом «的». Фразы «故意杀人的, 处死刑、无期徒刑或者十年以上有期徒刑, 情节较轻的, 处三年以上十年以下有期徒刑。» и «故意伤害他人身体的, 处三年以下有期徒刑或者拘役。» на самом деле можно понимать просто как «只要是故意杀人, 就处死刑、无期徒刑或者十年以上有期徒刑, 只要情节较轻, 就处三年以上十年以下有期徒刑。», «Если есть умышленное убийство, то наказывается смертной казнью, бессрочным лишением свободы или лишением свободы на срок свыше 10 лет; если есть смягчающие обстоятельства, то наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет. «只要是故意伤害他人身体, 就处三年以下有期徒刑或者拘役». «Если есть умышленное причинение травмы третьему лицу, то наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом или надзором».

Этот тип предложений часто появляются в законах и правилах, которые определяют наказания. По несовершенной статистике в «Уголовном кодексе КНР» и «Уголовном процессуальном кодексе КНР» всего 142 предложения этого типа. Этот тип предложений в практическом

применении законов и правил выполняет стилистическую функцию. Эта функция выполняется именно путем использования словосочетаний со словом «的». Это заключается в двух аспектах. Во-первых, словосочетания со словом «的» могли бы различать тип человека или вещей и классифицировать их. Обычно эти словосочетания имеют в виду людей и вещей вообще, а не точно кого или чего. Словосочетания со словом «的» в законах и правилах чаще всего выполняют функцию классификации каких-то правонарушений, в этом случае они тоже имеют характер общих замечаний. Во-вторых, словосочетания со словом «的» иногда имеют отрицательную оценку, и эта особенность играет важную роль в законах и правилах, потому что в законах и правилах обязательно отрицательно относиться к тем, которые нарушают законы и правила.

2) Поставить служебные слова и частицы как «凡», «一切», («все») перед словосочетанием со словом «的», чтобы обобщили какое-то условие. Например:

(1) «凡在中华人民共和国领域内犯罪的, 除法律有特别规定的以外, 都适用本法。凡在中华人民共和国船舶或者飞机内犯罪的, 也适用本法。» («中华人民共和国刑法»第6条)

«Ко всем лицам, совершившим преступления на территории Китайской Народной Республики, за исключением случаев, когда законом предусмотрены особые правила, применяется настоящий Кодекс.

Ко всем лицам, совершившим преступления на борту воздушного, морского или речного судна Китайской Народной Республики, также применяется настоящий Кодекс». (Статья 6 «Уголовный кодекс КНР»)

(2) «一切危害国家主权和领土完整, 危害无产阶级专政制度,依照法律应当受刑罚处罚的, 都是犯罪;» («中华人民共和国刑法»第13条)

«Все деяния, наносящие вред государственному суверенитету, территориальной целостности и спокойствию, направленные на раскол государства, подрыв власти народно-демократической диктатуры, ..., за которые в настоящем Кодексе предусмотрено уголовное наказание, являются преступлениями». (Статья 13 «Уголовный кодекс КНР»)

Вышеприведенные примеры тоже представляются уголовными предложениями. Использование служебных слов «凡», «一切», «一律», которые имеют обобщенный характер, подчеркивает конкретное условие. Эти слова сделают содержание законов и правил более серьезным.

3) Обычное условное придаточное предложение.

(1) «附带民事诉讼应当同刑事案件一并审判, 只有为了防止刑事案件审判的过分迟延, 才可以在刑事案件审判后, 由同一审判组织继续审理附带民事诉讼。» («中华人民共和国民事诉讼法»第78条)

«Дополнительный гражданский иск должен рассматриваться одновременно с уголовным делом; лишь для предотвращения чрезмерного затягивания судебного разбирательства по уголовному делу рассмотрение дополнительного гражданского иска может быть продолжено

в том же суде после разбирательства уголовного дела». (Статья 78 «Уголовно-процессуальный кодекс КНР»)

(2) «**接受控告, 检举的工作人员, 应当向控告人, 检举人说明诬告应负的法律責任, 但是, 只要不是捏造事实, 伪造证据, 即使控告、检举的事实有出入, 甚至是错告的, 也要和诬告严格加以区别。**» («**中华人民共和国刑事诉讼法**» 第85条)

«Работники, принимающие жалобы и сообщения, должны разъяснить лицу, подавшему жалобу и сделавшему сообщение, о юридической ответственности за предоставление ложных сведений. Однако следует строго отличать клевету от жалоб и сообщений, в которых изложенные фактические данные хотя и содержат разночтения и даже ошибочные утверждения, но не содержат умышленно сфальсифицированных фактов и доказательств». (Статья 85 «Уголовно-процессуальный кодекс КНР»)

Все вышеприведенные примеры являясь условными придаточными предложениями, в которых используются слова «只有...才...» («лишь..., может быть...»), «只要...即使...也要...» («хотя и..., даже и..., но не..., следует...») и др.

2. Использование побудительных предложений.

Законы и правила обычно имеют повелительный и принудительный характеры. Они заставляют людей соблюдать и исполнять конкретные правила. Поэтому в законах и правилах часто существуют побудительные предложения. Одни заставляют людей что-то делать, а другие заставляют людей что-то не делать. В первом случае часто используются такие слова, как «可以» («можно»), «应当» («должно»), «必须» («обязан»), «得» («нужно»). Во втором случае часто используются такие слова, как «严禁» («строго запрещено»), «禁止» («запрещено»), «不得» («нельзя»), «不准» («не допустимо»). Например:

(1) «**被判处拘役的犯罪分子, 由公安机关就近执行。在执行期间, 被判处拘役的犯罪分子每月可以回家一天至两天; 参加劳动, 可以酌量发给报酬。**» («**中华人民共和国刑法**» 第43条)

«Осужденные на арест находятся под непосредственным контролем органов общественной безопасности. В период отбывания наказания осужденный на арест может один — два дня в месяц пребывать дома; работающим может выдаваться соответствующее вознаграждение». (Статья 43 «Уголовный кодекс КНР»)

(2) «**公安机关拘留人的时候, 必须出示拘留证。拘留后, 除有碍侦查或者无法通知的情形以外, 应当把拘留的原因和羁押的处所, 在二十四小时以内, 通知被拘留人的家属或者他的所在单位。**» («**中华人民共和国刑事诉讼法**» 第63条)

«Органы общественной безопасности при задержании лица обязаны предъявить постановление о задержании. После задержания лица, кроме случаев, когда это может помешать производству предварительного следствия либо когда нет возможности сообщить о задержании, в течение двадцати четырех часов с момента задержания следует уведомить членов семьи задержанного либо организацию,

в которой задержанный работает, о причинах задержания и месте его содержания». (Статья 63 «Уголовно-процессуальный кодекс КНР»)

В предложениях с обстоятельствами «应当» («должно»), «必须» («обязан») выражает более высокий уровень повелительности, чем предложения с обстоятельствами «可以» («можно»), «得» («нужно»). Обстоятельство «可以» («можно») выражает какую-то возможность, Обстоятельство «得» («нужно») выражает допустимость.

Следующие предложения заставляют людей что-то не делать.

(!) «**...正在被执行刑罚或者依法被剥夺、限制人身自由的人, 不得担任辩护人。**» («**中华人民共和国刑事诉讼法**» 第32条)

«... Не могут выступать в качестве защитника лица, которые отбывают наказание либо которые в соответствии с законом подвергнуты лишению или ограничению личной свободы». (Статья 32 «Уголовно-процессуальный кодекс КНР»)

3. Использование предложений противопоставления. (转折句)

В законах и правилах четко установлены общие условия, одновременно необходимо предусмотрены специальные условия. В этом случае нужно использовать предложения противопоставления. Содержания противопоставления в разных статьях иногда имеют разные цели. Например:

1) Предложение противопоставления с целью исключить или отрицать какие-то случаи.

(1) «**外国人在中华人民共和国领域外对中华人民共和国国家或者公民犯罪, 而按本法规定的最低刑为三年以上有期徒刑的, 可以适用本法, 但是按照犯罪地的法律不受处罚的除外。**» («**中华人民共和国刑法**» 第8条)

«К иностранным гражданам, совершившим преступления против Китайской Народной Республики, как на территории КНР, так и вне ее пределов, и заслуживающим, согласно положениям настоящего Кодекса, наказание в виде лишения свободы на срок 3 года и более, может применяться настоящий Кодекс, кроме случаев, когда свершенные действия не наказуемы по закону места совершения преступления». (Статья 8 «Уголовный кодекс КНР»)

(2) «**精神病人在不能辨认或者不能控制自己行为的时候造成危害结果, 经法定程序鉴定确认的, 不负刑事责任, 但是应当责令他的家属或者监护人严加看管和医疗; 在必要的时候, 由政府强制医疗。**» («**中华人民共和国刑法**» 第18条)

«Лица, страдающие психическими заболеваниями, за вредные последствия, возникшие в момент, когда они не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, не несут уголовной ответственности: однако члены их семей или опекуны обязаны усилить контроль над этими лицами и обеспечить их лечение». (Статья 18 «Уголовный кодекс КНР»)

2) Предложение противопоставления с целью направлять на степень легкую.

Законы и правила часто обобщают многие обстоятельства и классифицируют поведение людей и определяют разные степени наказаний. Поэтому существуют выборы среди похожих обстоятельств, поведения людей и мер операции.

(1) «以暴力或者其他方法公然侮辱他人或者捏造事实诽谤他人, 情节严重的, 处三年以下有期徒刑、拘役、管制或者剥夺政治权利。» («中华人民共和国刑法» 第246条)

«Публичное оскорбление или надругательство над человеком с применением насилия или иных методов, либо фальсификация фактов в целях очернения другого человека, при отягчающих обстоятельствах, — наказываются лишением свободы на срок до 3 лет, арестом, надзором или лишением политических прав». (Статья 246 «Уголовный кодекс КНР»)

Литература:

1. «Уголовный кодекс КНР»
2. «Уголовно-процессуальный кодекс КНР»

Лексикографические исследования в неязыковом вузе: успешный опыт в методике преподавания иностранного языка и формировании исследовательских навыков студентов

Ширикова Алла Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент
Ростовский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Уже в течении 16 веков люди составляют словари и пользуются ими. В 21 веке меняются сами словари, а также цели и методы их составления. Сегодня многие словари мы можем встретить только в электронном виде, например, Большой Оксфордский словарь. [9]. Появилось новое поколение словарей Database dictionaries — информация с набором алгоритмов её обработки. [7].

Понимание того, что язык обладает количественными характеристиками, без которых невозможно понимание и интерпретация характеристик качественных, привело к широкому применению квантитативных методов в лексикографических исследованиях, таких как метод статистической лексикографии, стилеметрический, системно-вероятностный и другие. С появлением учения о синергетике пришло понимание, что язык и речь есть не просто система, но система сложная, самоорганизующаяся, где связи между элементами зачастую не прямые, а опосредованные, одновременно подвергающиеся направленным с различных сторон воздействиям. [8]

Всё большую роль играют словари частотные. Л. Л. Нелюбин определяет частотный словарь как «1. конкретная вероятностно статистическая модель изучаемого подъязыка на лексическом (или соответственно любом другом) уровне, 2. модель истинного распределения истинных вероятностей (грамматических ожиданий, частоты слов, грамматических форм и т.д.) [4, с.11].

Встречаются частотные словари словоформ (лексем), значений слов (семантический), словосочетаний, и другие.

Заключение

Официальный-деловой стиль характеризуется точностью, однозначностью, долженствующе-предписывающим тоном, стандартизованностью построения текста. Язык права специфичен: многие слова имеют специальное значение, своеобразны лексическая сочетаемость, управление, порядок слов и др. И часто используются определенные типы предложений. Поэтому для перевода юридического важно ознакомиться с этими особенностями.

Помимо нормативной и справочной функции частотные словари всё в большей степени приобретают учебную, деятельностно-формирующую функцию, при которой происходит педагогически ориентированное описание языковых единиц [1, с.7].

Ярко выраженной учебной функцией обладает частотный словарь — справочник Morphology of the English Verb: System and Functioning. Его данные основываются на обследовании текстов общим объёмом 12 миллионов словоупотреблений четырёх функциональных стилей. Исследовались 287 глаголов и 805 глаголов с послелогом. Результаты подобных исследований не только интересны и зачастую неожиданны для филологов-теоретиков, но, в первую очередь, для авторов учебников и преподавателей-практиков. [9].

Для составителей учебников важно знать, зависит ли употребление глагольных форм в функциональных стилях от семантики глагола. Статистические исследования в данном частотном словаре показывают, что принадлежность к той или иной лексико-семантической группе (ЛСГ) не является определяющим в функционировании глагольных форм. Иногда расхождение в частоте функционирования форм глагола внутри одной ЛСГ значительно выше, чем между глаголами разных ЛСГ. Т. е. мы можем сделать вывод о том, что не всегда целесообразно объединять глаголы в учебных целях согласно их принадлежности к лексико-семантическим группам. [5].

Рассмотрев данные функционирования глаголов ЛСГ движения, представленные в справочнике, мы сделали

вывод о несоответствии веса этих глаголов в аутентичных и адаптированных текстах всех функциональных стилей (что часто наблюдается в учебниках отечественных изданий). Глагол *come* с послелогоми (*come back, come down, come in, come on, come out, come over*) по частотности превосходит многие глаголы без послелогов, однако в процессе изучения глаголам с послелогоми традиционно уделяется гораздо меньше учебного времени. [9, с.170–171].

Согласно данным указанного выше частотного словаря во всех функциональных стилях мы можем наблюдать одинаковую закономерность: небольшое количество форм глагола составляют ядро с максимальной функциональной нагрузкой. В художественной прозе и общественно — политических текстах это форма *Past Indefinite Active*, в текстах научного стиля это *Non-Past (Present) Indefinite Active*. В научных текстах высокочастотны неличные формы, в основном страдательного залога, что указывает на необходимость уделять им особое внимание на естественных факультетах университетов.

Частота форм может служить основанием для установления функциональных групп глаголов и вычисления их близости или удалённости друг от друга. При этом внутри каждой крупы выделяется функциональное ядро и периферия. [9, с.99]. Интересная закономерность проявляется в группах высокочастотных глаголов с частотой более 1000 словоупотреблений: чем больше значений у глагола, тем полнее реализуется его словоизменительная парадигма.

Учебная функция тесно связана с валентностью (сочетаемостью) слов. Этот аспект весьма важен, т.к. часто именно незнание законов сочетаемости ведёт к отсутствию успешной коммуникации. [3]

Частотные словари определяют сочетаемость глаголов в виде ряда языковых моделей с их частотными характеристиками. Согласно данным частотного словаря — справочника *Morphology of the English Verb: System and Functioning*, самыми частотными для художественного стиля являются модели *AN, NprepN, NumN, NN*; для научного стиля — *AN, NprepN, NN, NS*, для публицистики — *NN, AN, NprepN*. Т.е. модель *NN* — «существительное + существительное» обладает стилеразличительной функцией.

У глаголов ЛСГ перемещения независимо от функционального стиля самой высокочастотной является модель *VN* (глагол + существительное), что указывает на важность изучения дополнения — прямого и косвенного.

Для научного стиля характерны устойчивые грамматические формы, при этом присутствует, как правило, только одно, специальное значение слова. Это говорит о необходимости на естественных факультетах изучать лексику в первую очередь в виде клише.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что, используя частотный словарь, мы можем увидеть особенности и характер функционирования грамматических форм, их лексическую наполняемость и сочетаемость и определить структуры, которые студенты должны усвоить прежде всего.

Но частотные словари не только помогают преподавателям — практикам и составителям учебников, они также дают возможность студентам творчески подходить к изучению иностранного языка как на практических занятиях, так и в процессе научно-исследовательской работы под руководством преподавателя.

Л.А. Балабанова, Е.В. Ятаева и др. вводят понятие иноязычной лексикографической компетенции, включающей следующие умения: умение выбирать словарь в зависимости от поставленной цели, воспринимать его текст, извлекать необходимую информацию [1,6].

Хотелось бы отнести к этому списку также умение анализировать эту информацию и использовать её в своей учебной и профессиональной деятельности.

Целями лексикографической компетентности являются: формирование определенного уровня навыков самостоятельной работы, критического мышления, самоорганизации и самоконтроля, умения прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения, устанавливать причинно-следственные связи, находить, формулировать и решать проблемы, добывать новые знания. Важной целью являются также пробуждение подлинного интереса к языку. [1, 2, 6].

Формирование лексикографической компетентности предполагает работу по трем основным направлениям: сбор и систематизация языкового материала из письменных источников и (или) устной речи, отражающих реальное использование языковой единицы; анализ данных словарей о языковой единице; лексикографическая разработка языковой единицы». [2, с.11]

Не стоит, однако, забывать, что Дидиченко О.В. в данном случае говорит о студентах-филологах. Так стоит ли формировать лексикографическую компетентность по данным направлениям на неязыковых факультетах? Считаем, что да, ибо все перечисленные выше навыки необходимы будущим специалистам практически любых профессий.

В качестве примера можно привести научные студенческие исследования, проводимые в Ростовском филиале Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова на тему «Английские заимствования в молодежном жаргоне (на примере речи студентов Ростовского филиала РЭУ)». Для этого был проведён сбор языкового материала из устной речи студентов филиала; 2) анализ и систематизация языкового материала; 3) лексикографическая разработка материала, для этого лексика была отсортирована по частоте и расположена по порядку убывания частот, т.е. был получен ранговый частотный словарь.

В качестве основы был взят глоссарий на сайте <http://www.bibliofond.ru> и предъявлен студентам с просьбой указать используемые ими жаргонизмы, исправить, а также дополнить его теми, которые они используют в собственной речи.

При обработке данных оказалось, что частотные показатели у мальчиков и девочек, а также студентов 1 и 2

курса значительно отличаются. При этом показатель использования английских заимствований в процессе обучения растёт на фоне общего снижения уровня жаргонизации речи студентов.

Сопоставление частоты словоупотреблений осуществлялось с соблюдением правил, применяемых при сравнении выборок, неодинаковых по объёму. Было определено, какой процент составляет данная абсолютная частота от общей выборки. Однако для статистически обоснованного утверждения о существенном расхождении приводимых показателей было необходимо установить его наличие путём вычислений показателя критерия Стьюдента.

Результат вычислений показал, что расхождения в частотах употребления английских заимствований в молодёжном жаргоне между мальчиками и девочками, а также студентами 1 и 2 курсов являются статистически значимыми.

Помимо количественного был проведён также качественный анализ. По способу заимствования были вы-

делены следующие: прямые заимствования, гибриды, экзотизмы, ассоциативно-фонетическая мимикрия, иноязычные вкрапления. Наиболее продуктивными способами заимствования оказались прямые заимствования (55%) и гибриды (32%).

Следующим этапом было создание рангового частотного словаря, где лексика была отсортирована по частоте и расположена по порядку убывания частот по квартилям.

Путём установления причинно-следственных связей каждому из указанных явлений было дано объяснение.

Таким образом, несмотря на то, что некоторые преподаватели недооценивают лексикографический аспект обучения иностранному языку на неязыковых специальностях вузов, практика такой работы способствует формированию у студентов общекультурных и профессиональных компетенций, навыков научных исследований. Для преподавателей же обращение к частотному словарю — неоценимая помощь в процессе определения лексического и грамматического минимума, создания учебников и учебных пособий.

Литература:

1. Балобанова, Л. А. Семантико-прагматический потенциал синтаксических фразеологизмов и их лексикографическое представление в словаре учебного типа: Дис... канд. пед. Наук: 13.00.02. — М., 2004. — 318 с.
2. Дидиченко, О. В. Роль и место лексикографических навыков в общей и специальной профессиональной подготовке лингвиста — преподавателя. Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 2 (32) 2014, часть 2.
3. Медникова, Э. М. Англо-русский словарь глагольных словосочетаний. М.: Рус. яз., 1986. М.: Рус. яз., 1986.
4. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003.
5. Ширикова, А. В. Использование данных лексикографических исследований в учебном процессе. Труды III Международной научно — практической интернет — конференции «Многоуровневая языковая подготовка специалистов в неязыковых вузах: проблемы и перспективы развития» Ростов-на-Дону, 5.04.2013 г. Изд-во ЮФУ, Ростов н/Д.
6. Ятаева, Е. В. Учебный глоссарий как средство развития учебной иноязычно-лексической компетенции в профессиональном языковом образовании: Дис... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2007.
7. Collins Cobuilt. Birmingham University International Language Database English Language Dictionary. Glasgo: Collins Publishers, 1987.
8. Gabriel Altmann, Vivien Altmann: Anleitung zu quantitativen Textanalysen. Methoden und Anwendungen. RAM — Verlag. Ludenscheid 2008.
9. "History of the Oxford English Dictionary". TVOntario (Podcast). Big Ideas. Retrieved 1 December 2007.
10. Morphology of the English Verb: System and Functioning (Reference Book). Russian State University for the Humanities, Moscow, 2008.

Educational technologies in teaching English (as an example of secondary schools)

Ergashova Dilafruz Asatullayevna, senior teacher
Navoi state pedagogical institute (Uzbekistan)

Эргашова Дилафруз Асатуллаевна, старший преподаватель
Навоийский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Educational technology is the effective use of technological tools in learning. It includes numerous types of media that deliver text, audio, images, animation, and

streaming video, and includes technology applications and processes such as audio or video tape, satellite TV, CD-ROM, and computer based learning, as well as local in-

tranet/extranet and web-based learning. Which of them are helpful in teaching English at school? [1]

– Audio and video technologies are of the most useful tools for school children to learn English because the characters of 11–15 aged pupils are inclined to listening and watching various kinds of interesting topics. Classroom microphones can enable them to interact more clearly. Interactive digital video games are now being used in educational field. They are of great use, since a majority of school children are crazy about playing different video games, and if these games help to teach English, children learn the language with great enthusiasm and interest. But there should be a teacher who controls and leads the process.

– Computers, tablets and mobile devices. With recent developments in smartphone technology, the processing powers and storage capabilities of modern mobiles allow for advanced development and use of apps. There are several apps teaching the language: dictionaries with definition and pronunciation, grammar teaching apps, tests and questions, games teaching English. Computers and tablets enable learners and educators to access websites as well as programs such as Microsoft Word, Power Point, PDF files, and images. [2] Mobile learning can provide performance support for checking the time, setting reminders, retrieving worksheets, and instruction manuals. But there are also shortcomings in using these technologies: pupils of primary schools have difficulties in making use of them, as they are not old enough to understand such complex systems and need the help of the teacher.

– Social networks allow learners to post thoughts, ideas, and comments on a website in an interactive learning environment. This method is also useful for upper grades.

– Webcams and webcasting have enabled creation of virtual classrooms and virtual learning environment. Nowadays online teaching is being used as an important means of learning the language, as it gives an opportunity to have modern interactive lessons.

– Whiteboards predate tablets and other technological tools, but current interactive whiteboards and smart boards allow learners and teachers to write on the touch screen. The screen markup can be on either a blank whiteboard or any computer screen content. Depending on permission settings, this visual learning can be interactive and participatory, including writing and manipulating images on the interactive whiteboard. This tool is very convenient for school children to use in English lessons.

Research and results

Now we discuss whether the technologies mentioned above matches or not for the pupils of secondary schools. In order to reveal the given problem, the experience was held with the participation of 13-year-old school children in the period between September 2015 and October that year. About 15 pupils were selected for experiment and another 15 pupils was only for comparing the difference and improvement between them. The first group was taught English with new educational technologies and the other group learnt English in an old simple way. The results of the research are shown in the following diagram:

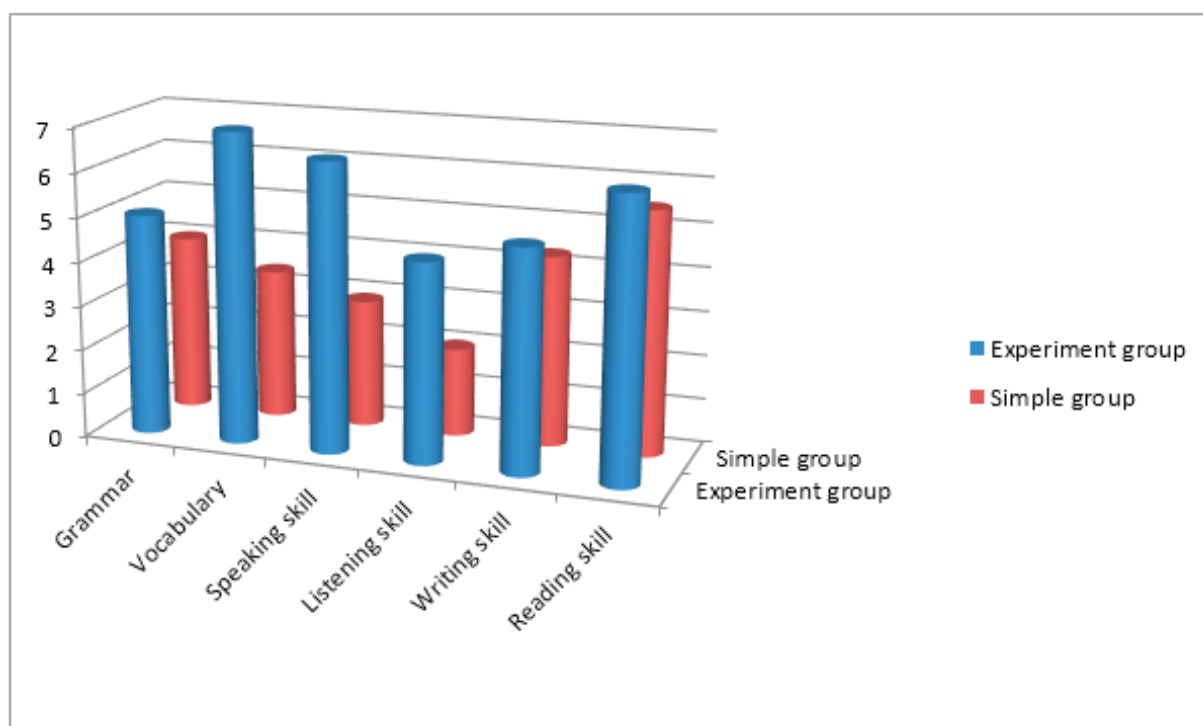

Figure 1

In the diagram there are given the improved degrees of pupils in percent's. Within the arranged period of time, the two groups were offered the same materials to learn and with the help of educational technologies such as audio and video, computers, tablets, mobile devices, social networks, webcams and whiteboards the experiment group dominated the simple group. They gained more knowledge in a short period of time at an ease and comfort. The used educational technologies were helpful for the basic 4 English skills: reading, writing, listening and speaking, also grammar and vocabulary. They got accustomed to using new tools because they are widely being used in our daily life nowadays.

However, there are a lot of shortcomings in using educational technology. We are using the Internet, social networks, webcams, computers, mobile devices in our English lessons for schoolchildren, but they are massively open online courses — and we can't know whether pupils are exactly searching the information related to the subject or just chatting and watching, reading unnecessary things. Another disadvantage is increased potential for cheating. Smartphones can be very easy to hide and use, these disadvantages can be managed with strict rules

and regulations on mobile phone use. In order to carry lessons with educational technologies, there should be not only devices, but also teachers who are the masters of using IT. Another problem with modern educational tools is their expenditure. Too much money is needed to buy and make use of the new educational devices. But it is unknown whether we can return on investment to connect expenditures on technology with improved student outcomes or not.

Conclusion

Experiment gives relatively good results despite the short period of study. They give a real opportunity to “break the pattern” and to enrich the English teaching process at secondary schools. Main factors are the improving curiosity of children to English by using modern educational technologies and “quick-and-easy” learning the language skills with the help of new devices. There are also appeared some problems in taking advantage of these fashionable tools. Solutions to the problems have also revealed: strict rules and skillful teacher.

References:

1. Encyclopedia of educational technology/
2. <http://www.wikipedia.org>

Исходно-теоретические положения к проблеме классификации по частям речи в английском языке

Эрназарова Хилола Эргашевна, преподаватель
Кокандский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Весь словарный состав английского, как и всех индоевропейских языков, подразделяется на определённые лексико-грамматические классы, называемые традиционно частями речи.

В лингвистике, и в англистике в частности, сложились несколько основных подходов к классификации слов по частям речи — традиционный (наиболее древний), дескриптивный, функциональный ономастологический.

В центре внимания ономастологического подхода стоит вопрос о том, как производится выбор и создание названий различных фрагментов объективной действительности в том или ином языке, в чем состоят особенности номинативной специфики разных групп слов и как эти особенности предопределяют возможности развертывания на базе конкретных номинативных признаков соответствующих грамматических и деривационных категорий.

Анализ достоинств и недостатков каждого из упомянутых подходов, равно как и выявление их точек соприкос-

новения друг с другом, — тема отдельного лингвистического исследования. В настоящем разделе затрагиваются лишь некоторые, наиболее общие спорные проблемы частей речи в рамках традиционного в своей основе подхода — критерии частей речи и их значимость, вопрос о возможности «безостаточного» распределения слов по классификационным рубрикам частеречного типа, проблема «включаемости» в состав частей речи «неоднословных» образований, полисемия и омонимия в системе частей речи, части речи и члены предложения, целесообразность проведения классификации слов по частям речи*.

Нельзя не отметить одновременно и того, что указанный перечень спорных проблем в различных языках, в том числе и в разнотипных, очень часто совпадает. Такое совпадение закономерно: оно объясняется отражением в словах определенного плана картины окружающего материального мира (вещи, их свойства и отношения); совпадением состава базовых речемыслительных компо-

нентов у носителей любого языка* родственными связями языков друг с другом, приводящими к сохранению в них тождества или «близости системно-структурных характеристик».

Универсальность между тем не означает отсутствия специфичности: специфика каждого языка, проявляющаяся прежде всего в характере его строя, несомненно выдвигает в нем одни из проблем теории частей речи в число проблем более значимого порядка в сравнении с другими. Так, для современного английского языка, отличающегося бедностью флексии и широко развитой омонимией, чрезвычайной продуктивностью конверсии как способа образования новых слов и общей синтаксизацией грамматики, некоторые из проблемных вопросов — критерии идентификаций-частей речи, проблема «неоднословных» образований, разграничение случаев полисемии и омонимии — приобретают особую актуальность.

Исследователи-англисты выделяют в современном английском языке от 4 до 13 частей речи*. К бесспорным частям речи относят, как правило, существительное, прилагательное, глагол и наречие. С разной степенью категоричности ученые говорят о возможности предоставления статуса особых частей речи числительному, местоимению, предлогу, союзу, артиклю, междометиям, словам категории состояния, модальным словам и частицам. В тех случаях, когда числительному, местоимению и остальным классам отказывается в члестечном статусе, их конститuenty разносятся по тем или иным бесспорным классификационным рубрикам, при этом основанием отнесения служат либо критерий тождества (близости) морфолого-синтаксических характеристик, либо генетические связи подлежащих распределению слов. Так, числительные попадают в состав имен прилагательных, иногда — прилагательных и существительных; местоимения растворяются в классах существительного, прилагательного и наречия; предлог трактуется как наречие, а союз — как предлог; определенный артикль квалифицируется как указательное местоимение, а неопределенный артикль — или как числительное, или как формант категории дискретности, выражаемой существительным; частицы и модальные слова включаются в состав наречия; слова категории состояния рассматриваются как один из подклассов прилагательного, реже — прилагательного и наречия. Междометие выводится за пределы частей речи.

Постепенно исследователи подошли к формулированию принципов, на основе которых должно проводиться распределение слов по частям речи. Г. Суит, в частности, был одним из первых ученых-англистов, кто недвусмысленно заявил о необходимости комплексного учета значения, формы и функции в классификационном процессе, однако ни он, ни другие представители классического направления в английской научной грамматике, разделявшие это мнение (Есперсен, Крейзинга, Керм и др.), не проводили последовательно выдвинутого ими принципа и отдавали явное предпочтение форме, всячески выделяя ее в ряду остальных критериев*.

Ясность общих принципов классификации, как показывает практика, сама по себе еще не гарантирует полного единообразия в подходах к решению рассматриваемой проблемы. Действительно, классификации частей речи, предлагаемые отечественными учеными, не менее разнообразны, чем у зарубежных грамматистов, хотя, с точки зрения терминологической, они, безусловно, значительно более унифицированы.

Причин, приводящих к такому положению, много, и перечислить их все просто невозможно. Определенно вместе с тем то, что одна группа причин связана с нерешенностью некоторых общих и частных вопросов теории частей речи, другая — с разной оценкой лингвистами «разрешающей» способности ведущих идентифицирующих признаков.

До недавнего времени вопрос о том, можно ли обойтись без классификации слов по частям речи, лингвистами фактически не ставился. Считалось само собой разумеющимся, что такая классификация необходимо вытекает из тождества и различия признаков у разных слов языка, что закономерно отражается в выделяемости однотипных группировок единиц, с одной стороны, и разнотипных, противостоящих друг другу группировок слов — с другой.

Сомнения в нужности классификации слов по частям речи высказал, в частности, чешский ученый О. Лешка. Он подчеркивает, что распределение слов по частям речи не раскрывает с достаточной степенью точности особенностей морфологического строя конкретных языков в силу универсальности используемых по традиции классификационных схем и — главное — не является единственно возможным способом описания морфологического строя. Более или менее полное и точное описание морфологической системы языка, как полагает ученый, можно провести, совершенно не затрагивая вопрос о частях речи. Для этого потребуются, во-первых, выявить репертуар морфологических категорий языка; во-вторых, установить диапазон отдельных категорий и рассмотреть их функциональную структуру; в-третьих, раскрыть механизм, управляющий планом выражения, т.е. представить перечень правил дистрибуции алломорфных элементов и изложить закономерности организации плана выражения в его соотносительности с известными морфологическими категориями.

Высказанные этим лингвистом соображения интересны, но не все в них бесспорно и приемлемо для английского языка. Неструдно заметить, например, что классификация слов по частям речи, жсплицишо исключаемая данным автором из общей схемы анализа, косвенно в последнем все же присутствует. Помимо прямой соотносимости морфологических категорий с определенными частями речи на это указывает также и обусловленность семантико-грамматического своеобразие различных групп элементов их дистрибутивными характеристиками, равно как и связанность соответствующих характеристик через посредство морфологических категорий с каки-

ми-то конкретными классами слов. Необходимо отметить вместе с тем и то, что морфологическими категориями располагают далеко не все части речи, из чего следует, что метод Лешки ориентирован, по существу, на описание не морфологического строя языка, а лишь морфологии флексийных классов, представляющих собой только одно из звеньев системы частей речи.

В современном английском языке к несомненным флексийным классам исследователи относят существительное, местоимение и глагол. Хотя у лингвистов и не вызывает сомнений выраженность категорий числа у существительного (категорию падежа у существительного в английском языке признают не все грамматисты), числа и падежа — у местоимения, очевидным остается то, что подавляющее большинство конститuentов данных классов отличает морфологическая неизменяемость. Поскольку морфологические категории наиболее репрезентативно отражены в глаголе, об описании морфологии флексийных классов методом Лешки в случае с английским языком можно было бы говорить весьма и весьма условно. Уже это указывает на то, что «категориальный подход» не вскрывает всех характеристик английской морфологической системы и он должен необходимо сочетаться с другими методами описания последней.

Можно предположить, что всякая схема описания морфологического строя языка непременно так или иначе соотносится с классификацией слов по частям речи, ибо неоднородность слов языка и в содержательном и в грам-

матическом отношениях, объективная невозможность последовательного их научного изучения в изоляции друг от друга настоятельно требуют проведения той или иной их классификации.

По совокупности ряда взаимосвязанных лексических и грамматических признаков в языке выделяются классы слов, называемые частями речи. Всякая часть речи обладает следующими признаками:

1. Общее значение данного класса слов (у существительных — значение предметности, у глаголов — значение процесса и т.д.);

2. Формы словоизменения (грамматические формы), характеризующие слова данного класса (у существительных — числа, у глаголов — залога, вида и т.д.);

3. Сочетаемость с другими словами (существительные сочетаются с прилагательными, предлогами, артиклями и др.; глаголы — с наречиями, существительными и т.д.);

4. Типы (способы) словообразования, характерные для данного класса слов.

Итак, поднятые нами вопросы показывают, что далеко не все является ясным и бесспорным в такой, казалось бы, простой проблеме, как проблема частей речи, с каких бы позиций, обще- или частноязыковедческих, мы ее ни рассматривали. Проведение дальнейших изысканий в этой области представляется крайне целесообразным, так как новые данные помогут не только оценить весомость уже достигнутого, но, можно думать, и найти новые оригинальные решения тех или иных дискуссионных вопросов.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). — М.: Флинта, 2005. — 384 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы категории прагматики. Шовое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XIV. — М.: Прогресс, 1985. — с. 3–47.
3. Борхударов, Л. С. Штеллинг Д. А. Грамматика английского языка. М. 1973—423с.
4. Борхударов, Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М. Высшая школа, 1975—156 с.
5. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.; Высшая школа 1990. — 176 с.
6. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики. — М.: Высшая школа, 1981. — 320с. 1963

The comparison of the lingua-cultural idioms that are commonly used in English, uzbek and russian languages

Yuldasheva Zaynab Kamilovna, teacher;
Jumanazarova Shohista Zeripboyevna, student
Urgench State University (Uzbekistan)

Юлдашева Зайнаб Камиловна, преподаватель;
Жуманазарова Шохиста Зерипбоевна, студент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

The idiom is a group of words whose meaning as a group is different from the meaning those words would have if

you considered each one separately. Idiomatic units are word-groups that cannot be made in the process of speech; they exist

in the language as ready-made units. N. M. Rayevskaya defines idiom (idiomatic phrase) as «a phrase, developing a meaning which cannot be readily analyzed into the several semantic elements which would ordinarily be expressed by the words making up the phrase. It transcends the ordinary syntactic patterns and must be studied as an indivisible entity, in itself». The following idioms which are commonly used in English culture have their equivalents in Uzbek and Russian languages.

Above average expresses the meaning to be higher or better than the average. Ex: His intelligence is clearly above average. The Uzbek version is «Kichkina demang bizni ko'tarib uramiz sizni». If we analyze it grammatically, in Uzbek version the plural form of pronoun «we» is used instead of «I» as it is «Biz» and «Siz».

Chin up — this idiom is used for somebody who has changed his character towards someone after having a great amount of money. Ex: It was impossible not having seen me at the street; I thought that she was chin up. The Uzbek equivalents are:

1. Burni ko'tarilib qolmoq it was accepted as a translation of this idiom, but chin means «yanoq», hence, using «nose» in Uzbek language variant.

2. Ko'zini yog' bosdi.

3. Ko'zini shira bosdi. So let's make so discussion about using the word «ko'z» as it's eye in English. The eyes are the single part of head functions to see all. When something in your eyes it's hard to see and you may not notice the things or people.

As cool as a cucumber means to be a calm and not agitated; with one's wits about one. Ex: During the fire the homeowner was as cool as a cucumber. Again here the green color is associated with its meaning as envies, a jealousy. There are many variants in Uzbek language: «Yuragi daryodek keng», «Daryo tohsa to'pig'iga chiqmaydi», «Dunyoni suv bossa to'pig'iga chiqmaydi». All of them express one meaning. The Russian versions are: «широкая натура» «Ему море по колено», «А ему и горя мало».

All talk and no action is used for somebody who talks about doing something, but never actually doing it. Ex: Bill keeps saying he'll get a job soon, but he's at **all talk and no action**. In Uzbek we say «Aravani quruq olib qochadi», «Qulog'iga lag'mon ilmoq», «Quloqqa tepmoq».

Some Uzbek idioms have very strong exaggeration rather than English: As different as night and day- it means something or somebody is completely different. Ex: Although Bobby and Billy are twins, they are **as different as night and day**. The Uzbek variant of it «Yer bilan osmonchalik farqi bor», which has a high rate of exaggeration. The Russian form of it: «Как небо и земля. Дистанция огромного размера». As you see the Uzbek and Russian versions are the same. «Holiga maymunlar yig'laydi», the Russian version is «Хоть волком вой». This idiom is used to threaten somebody that bad thing will happen to him and his situation will be very bad even can't imagine it. Actually the monkey doesn't cry, it only laughs and does other activities. In order to show the hard time this idiom is used. Some Uzbek idioms have both figurative and literal

meaning for ex: «Qovun tushirmoq», «Taruvi qo'ltig'idan tushmoq» in figurative meaning they're idioms, but in literal meaning they are simple sentences. The English equivalent is: **Lay an egg** (for people) to give a bad performance. Ex: I hope I **don't lay an egg** when it's my turn to sing. To express the detailed analyze of something the Uzbek language used the following idioms: «ipidan ignasigacha, miridan sirigacha, qilidan quyrug'igacha», but the English form is one: **learn something from the bottom up** — to learn something thoroughly, from the very beginning; to learn all aspects of something even the least important ones. Ex: I learned my business from the bottom up. There are many idioms in Uzbek languages using the word «Qil» in Uzbek «a hear» in English language: «Qildan qiyiq axtarmoq» the synonym version of it «Tirnoq ichidan kir qidirmoq», the English equivalent is: **Arguing for the sake of arguing and arguing for the sake of argument**. Ex: you are just arguing for the sake of arguing. You don't even know what the issue is. The next one is also connected to those idioms: **As thick as thieves** means to be very close friend with somebody, very close-knit, friendly. Ex: Mary, Tom, and Sally are **as thick as thieves**. They go everywhere together. Uzbek eq: «Orasidan qil o'tmas dugonalar». This is also one type of exaggeration, because you can hardly see a hear as it «qil» in Uzbek and all of this shows very close relationship with somebody. The word «thieves» used in English idiom because as it's clear the thieves are very mysterious, and keeps everything secretly. The Uzbek idiom is «Ko'ngliga qil ham sig'maydigan» which means very upset and hasn't got English equivalent.

There are some Uzbek idioms that can only show the lingua cultural aspect of the language. They are not existed in other languages. Only the Uzbek culture uses them: They all express Uzbek national food «Osh» or you can also say «Palov» and «Chuchvara»:

1. Osh bo'lsin (totli bo'sin). Ex: Ovqat juda shirin bo'libdi oyijon rahmat. Osh bo'lsin bolam dedi oyisi. The Russians say «Приятного аппетита» as its Bound Appetite in English language (it was taken from French language).

2. O'dirsa ham osh o'ldirsin it means that if you die from the food let it be the food «osh» because it's very delicious meal even you agree to die.

3. Ko'ribsan-ki osh, ko'tarmagin bosh. Ex: Rahmatlik dadam: «Ko'ribsanki osh, ko'tarmagin bosh» derdilar. Biz ovqatga qolganda, tog'a, kattalikni bilmaymiz: to'g'ri kelsa qo'lda, to'g'ri kelsa qoshiqda tushuraveramiz». [1; 76]

4. Pulingdan bir tiyin qolsa ham osh ye, umringdan bir kun qolsa ham osh ye.

5. Dushmaning seni tosh bilan ursa sen uni osh bilan ur. Sometimes the word «osh» can mean to general all meals: «Oshga tushgan pashshadek», the Russian equivalent is «Третий лишний» which is nowadays used in Uzbek languages by youth too. The English equivalent of this idiom is **It takes two to tango** «Oshing halol bo'lsa ko'chada ich» is Uzbek proverb. «Oshdan tosh chiqdi»: «Lekin oshdan tosh chiqdi, ko'zdan achchiq yosh chiqdi. Oy yuziga qo'ndi dog', toptaldi ishq degan bog' [B. Boyqobulov, «Samarqand»].

The word salt as it is «tuz» in Uzbek language also has general meaning of food: «Tuz totganim yo'q» which means ate nothing. «Osh tuzimni yeb yana menga xiyonat qildi», «Tuzini yeb tuzug'iga tupurmoq» (yani xiyonat qilmoq). According to the Uzbek Tradition when bridegroom comes home while somebody is laying the table and putting the national food «palov» on the table and says «Qaynonangiz yaxshi ko'rar ekan osh suzahayotgan edim». There is also one metaphorical use using the word «osh», and «do'ppi»: «Do'ppidek qilib osh poki palov pishirmoq». This expression means both the shape and the littleness of it. Moreover, there are many idioms in Uzbek language using the tradition cloth of «Do'ppi» as it's translated as a skullcap. «Do'ppisi tor keldi» — this idiom means to express the time that everything should be decided. The synonym version is «Oy tuynikka, arava eshikka kelganda yoki taqillaganda», and Russian equivalents are: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха (А. С. Пушкин), «Жить задним умом». The next one is «Do'ppisini osmonga otmoq» means to be very happy. Example of use: Bu yilning planlarini bajarsak ham do'ppimizni osmonga otardik». «Do'ppisi yarimta», «kosasi oqarmaydi», «biri ikki bo'lmaydi», «Qo'li kaltalik qilmoq», all mean to have not enough money even somebody works hard. The English used as «Hard (tough) row to hoe». Example of use: (Ustaning ishi yirik, uning noni butun, do'ppisi yarimta.) The Russian version is «В ажуре. Дела идут, контора пишет.» The next idiom also show the Uzbek mentality: «Do'ppini olib qo'yib bir o'ylamoq», ex: «Otang to'g'risida bu fikr-mulohazalarimni bundoq do'ppingni olib qo'yib bir o'ylab ko'rsang, o'ylab ko'rib, bu xavfning oldini olishga yordam bersang.» The Russian version is «Раскинуть умом». The proverb «Bosh omon bo'lsa do'ppi topiladi» is widely used in Uzbek culture. The Uzbek idiom «To'nini teskari kiymoq» is also one of the most favorable that shows culture and tradition. There is also one national food is used in Uzbek idioms: «Chuchvarani xom sanamoq» (misunderstanding or hope unreal thing): Nigora: «Men maoshimga tush, lak, padada, krem... Farmon Bibi: «Bo'ldi, bo'ldi...».

Nigora: «Shularni olmoqchi edim, qarasam chuchvarani xom sanabman» [2; 56].

In some contexts the idiom «Tarvuzi qo'ltigidan tushdi» can be synonym for that idiom. It also expresses the sadness when you planned to do something but couldn't afford to do it. In this kind of situation this idiom is used in Uzbek culture. The idiom «Qulog'iga lag'mon ilmoq» means to tell a lie and persuade somebody with full of lies. The word «lag'mon» is Uzbek's national food. The English equivalent of this idiom is **to pull somebody's leg**. The following Uzbek idioms with deep analyze are about the relationship between Mother-in-law and bride: «**Qaynona va kelin tuprog'i bir joydan olinar**» — it means they have similar characters, after time passes the bride also will be as her Mother-in-law in the future. «**Kelinning tilini qaynona chiqarar**» — it means that bride answers back to her Mother-in-law according to her sentences. «**Kelin kelmay to'rvani to'g'irla**» — The word «to'rvani» means the condition of the family in this idiom and means to prepare well before coming new bride to your house. «**Kelin qaynonaning supurgisi**» — means the bride is the servant of her Mother-in-law. «**Kelin bilan qaynona o't bilan suv**» — as it's known that these two things have contradiction with each other. «**Kelin bo'yini yashirar, tovushin tovdan oshirar**» — means that brides do many things in secret relying on their husbands. The following Uzbek proverbs are also in use in Uzbek culture:

- Kelinni kelganda ko'r sarpasini yoyganda ko'r.
- Kelin kirgan uyga nur kirar.
- Qizim sen eshit, kelinim sen tingla.
- Qaynonali kelin qarqara kelin, qaynonasiz kelin masxara kelin.
- Kelinimning yig'lagani — Eshshagimning hangragani.
- Katta kelin uyda, kichik kelin-toyda kelin kelsa uzoqdan, arba-arba osh kelar, kelin kelsa yaqindan arba-arba so'z kelar.

References:

1. The Uzbek-Russian short idioms dictionary. M. Abdurahimov: Tashkent, «O'quvchi», 1980.
2. Said Ahmad «Kelinlar Qo'zg'oloni»
3. Dean Curry. Illustrated American Idioms. — United States Information Agency Washington, D. C.
4. Macmillan English Dictionary 2nd edition. — London: Cambridge press. 2004.
5. <http://dictionary.Reference.com/browe/idiom>

Der Besondere Gebrauch Der Trennbaren Verben Mit «An-» und «Ein-»

Юсубова Чамангул Мамутжоновна, преподаватель
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Unter Partikelverben versteht man komplexe Verben mit einem morphologisch und syntaktisch trennbaren Er-

stglied. Je nach Beschreibungsebene und Beschreibungsziel werden für diese Erstglieder verschiedene Termini gebraucht.

In der Wortbildung heißen sie beispielsweise trennbares Präfix (Fleischer 1969), Halbpräfix (Wellmann 1998), postponierbares Präverb (Šimečková 1994), Nachverb (Weinrich 1993) oder Verbpartikel (Eichinger 1989; Eisenberg 2006;), in der Syntax u.a. Verbzusatz.

Als Basis der Partikelverben fungieren hauptsächlich einfache Verben:

abhalten, ausreisen, hiausgehen, hineinsteigen, umschlagen, krankschreiben usw. [3, S. 700]

Bei der Präfigierung von Verben wird ein Präfix mit einem Vollverb zu einem neuen Verb verbunden. Das Verb bekommt durch das Präfix eine neue semantische Bedeutung oder wird nur in einer bestimmten Richtung modifiziert.

Es ist eine neue Erscheinung für jede Sprachwissenschaftler, die Verwendung von trennbaren Verben in einem bestimmten Werk zu forschen und ihre Bedeutung durch Analyse zu erklären. Denn diese Erscheinungen sind von der Sprache abhängig. Und natürlich dienen sie ihrer Bereicherung.

Hier sind es ein paar Verben mit «an-» und «ein-» als Beispiele angeführt und aus morphologischer und semantischer Ansicht analysiert. Z. B., Deutsch: «Mirko **zündete** eine Zigarette **an**, beschleunigte den Wagen und dachte an nichts». [S. 44]

Usbekisch: «*Mirko sigaretani yoqib, mashinani tez haydab ketdi va hech narsani o'ylamadi*».

	zünden	anzünden
Definition:	(Technik) <i>in Brand setzen</i> entzünden; <i>den Verbrennungsprozess eines Gasgemischs o. Ä. einleiten; das Explodieren eines Sprengstoffs bewirken:</i>	<i>Zum Brennen bringen.</i>
Beispiele:	<i>eine Mine zünden</i> <i>eine Rakete zünden</i> <i>eine Sprengladung zünden</i> <i>einen Knallkörper zünden</i> <i>Motor zünden</i>	<i>eine Kerze anzünden</i> <i>eine Lunte anzünden</i> <i>den Ofen anzünden</i> <i>ein Streichholz anzünden</i>
Analyse:	Man zündet etwas, sodass es in Gang kommt, sich in Bewegung setzt. Man zündet Motor, d.h., Motor kommt durch Zündung in Bewegung, es läuft.	Man bringt etwas zum Brennen. Das Verb anzünden ruft keine negative Assoziation hervor (z.B., Explodieren). Eine Kerze anzünden, es heißt «(von einer Lichtquelle) eingeschaltet oder angezündet sein und leuchten». Das Halbpräfix <i>an-</i> gibt die Inbetriebnahme, räumliche Nähe zu etwas oder den Kontakt mit etwas an.

Jedes Verb hat hier seinen eigenen Bedeutungskreis. Und die beiden Verben haben seine eigene Funktion. Sie unterscheidet sich voneinander. Wenn man im Wörterbuch nachschlägt, sieht man schon, dass es gleiche Wortbezeichnung zu beiden Verben steht. Diese Wortbezeichnung kann zur Definition des Verbs dienen, aber Gebrauchsweise ist anders.

Deutsch: «*Oh. Sie wollen in die Geschichte eingehen?*»

Usbekisch: «*O'. Tarix sahifalariga kiritilishni istay-sizmi?*»

Das Verb «*eingehen*» bedeutet «Eingang, Aufnahme, einen Platz finden; aufgenommen werden». In Verbindung mit Verben gibt das Halbpräfix *ein-* vor allem *die Richtung nach innen, die Bewegung oder Beförderung in etwas hinein an*. Wir können noch weitere Beispiele anführen und sie analysieren. Z. B., *Sein Name, dieses Ereignis ist in die Geschichte eingegangen*, d.h., Sein Name ist in der Geschichte geblieben, ins Geschichtsbuch aufgenommen. Oder das Ereignis hat auch geschichtliche Bedeutung erlangt. Wenn wir auf die Präfixbedeutung eingehen, wird es uns klar, das trennbare Präfix *ein-* ist selbst Bedeutungsträger. Damit kann man viele schöne Ausdrücke bilden. Das Verb «*eingehen*» kann Synonyme von «*hineingehen, reingehen*» sein.

Deutsch: «*Sie können ihm natürlich jeden beliebigen Befehl geben, aber solange Sie ihm gewisse Freiheiten **einräumen**». [S. 25]*

Usbekisch: «*Siz unga erkinlik hadya qilguningizgacha hohlagan bir buyruqni berishingiz mumkin*».

Das Verb «*einräumen*» ist aus dem Substantiv *Raum* abgeleitet. Und heißt hier *zugestehen, gewähren*. Es entsteht hier ein neues Wort mithilfe des Präfixes *ein-*. Bedeutungsübersicht des Verbs *einräumen*:

a. *in einer bestimmten Anordnung hineinstellen oder legen: die Möbel ins Zimmer einräumen;*

b. *in einen Schrank, Raum etwas, was dort hineingeht, stellen oder legen: den Schrank einräumen;* Ich stelle es hier fest, dass Kennwort *Raum* äußert, dass es alles (Handlungen), was mit dem Verb zu tun hat, im Raum abläuft.

c. *zugestehen, gewähren: jemandem einen Kredit zu einem günstigen Zinssatz einräumen.* Analyse: Man ist dazu berechtigt, Kredit von einer Bank aufzunehmen. Darauf hat der Kunde Recht, deshalb gibt die Bank ihm das Kredit. Einen Rabatt einräumen, d.h., Zum Kaufen gehört es auch Preisreduktion. Man bekommt manchmal Rabatt auf Waren. Z. B., Wenn es so viele Regenmantel von der Herbstsaison übrig bleibt, wenn man will, alles ausverkauft werden, weil es zur nächsten Saison neue Modelle erscheint, dann räumt man Rabatt den Kunden ein. Danach funktioniert es alles wieder gut beim Verkauf. *Jemandem Freiheiten einräumen*, d.h., was man sich wünscht, was man braucht, worum man bittet, gibt man ihm es, erfüllt man es ihm.

Hier sieht man eine neue Wortbildung mithilfe des Halbpräfixes *ein-*.

Deutsch: «*Er legte eine Kassette ein*». [S. 42]

Usbekisch: «*Keyin u kasseta qo'ydi*».

Das Verb «*einlegen*» drückt aus (*etwas für einen bestimmten Zweck Geeignetes, Passendes, Vorgesehenes*) in etwas [*hinein*] legen.

In Verbindung mit Verben gibt das Halbpräfix *ein-* vor allem die Richtung nach innen, die Bewegung in etwas hinein an. Beispiele mit dem Verb «*einlegen*»:

einen Film in die Kamera einlegen, beim Einparken den Rückwärtsgang einlegen, Gurken einlegen usw.

Deutsch: «Aber er schlief auf einem Bett, das mit genügend Geld gestopft war, um Zerrbilder seines Traumes Realität werden zu lassen und ihnen pervernes Leben **einzuhauchen**». [S. 43]

Usbekisch: «*U shunday karovotda uxlardiki, uni tamirlashga yetarlicha pul sarflangan bo'lib, uning maqsadi orzularini ko'z oldiga keltirib, ularni yengil va axloqsiz (buzuq) hayot doirasida haqiqatga aylantirish edi*».

Definition		Beispiele und Analyse
hauchen einhauchen	aus [weit] geöffneten Mund warme Atemluft auf etwas gerichtet ausstoßen; durch Hauchen irgendwo entstehen lassen; jemanden, etwas mit etwas erfüllen; verleihen, vermitteln	<i>auf seine Brille hauchen; gegen die Fensterscheibe hauchen; jemandem neues Leben einhauchen.</i> Wir können es analysieren, man lässt in jemandem ein Gefühl entstehen, wieder zu leben. Man verleiht jemandem ein neues Leben, z.B., den Flüchtlingen. Sie haben in ihrem Land alles verloren, was sie besitzen. Sie haben keine Arbeit, kein Zuhause, kein Essen. Das Land (Deutschland) haucht ihnen ein neues Leben ein. Bei ihnen ruft man positive Gefühle wieder (wieder ruhig/ friedlich leben können, nicht zum Zweck einfach in kriegerischen Tätigkeiten ums Leben kommen).

Ein + hauchen = Hier sind Präfix- und Verbbedeutung zusammengebunden. So dass es eine neue Spracheinheit entsteht. Dieses präfigiertes Verb heißt «man gibt jemandem etwas Positives (neuen Mut), es lässt in ihm ein bestimmtes Gefühl (Mut, Hoffnung) entstehen».

In der Zusammenfassung möchte ich eine Situation bilden. Damit es alles klar wird, was mit den präfigierten Verben zu tun hat.

Wenn ich nur Fleisch anbräte, hat es auch seinen eigenen Geschmack. Aber wenn ich dazu noch Zwiebeln gebe, und zusammen gare, beide Zutaten zusammen anrühre, es kommt am Ende ein anderes leckeres Geschmack.

Bei den Verben ist es auch so. Z. B., *ein+hauchen* = *einhauchen*. Diese Verbpartikel «*ein-*» ist auch selbst Bedeutungsträger, das Verb «*hauchen*» auch. Beide zusammen bilden ein neues Verb.

Literaturverzeichnis:

1. Bartz / fleischer / Schröder: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen 1995.
2. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 6., überarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2006. [2016 s.] ISBN 3-411-05506-5.
3. Duden. Die Grammatik. 4., völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich Dudenverlag, 1984. [800 s.] ISBN 3-411-20904-6.
4. Frank Schätzing «Lautlos» Roman.

Analyse Der Trennbaren Verben Mit «Aus-» und «An-» Aufgrund Der Grammatischen und Semantischen Funktion

Юсубова Чамангул Мамутжоновна, преподаватель
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Jede neue Erscheinung in der Sprache ist wichtig sowohl für die Sprachträger als auch -forscher. Es ist auch nicht unin-

teressant, persönliche (individuelle) Verhältnisse der Schriftsteller zu forschen, die der Entwicklung der Sprache dienen.

In diesem Artikel wurden die präfigierten Verben im Werk „Lautlos“ von Frank Schätzing analysiert. Im Verlauf der Analyse des Werkes stellt es sich heraus, dass die Präfixe nicht nur zur Wortbildung dient, sondern auch zur Bedeutungserweiterung.

Es ist eine neue Erscheinung für jede Sprachwissenschaftler, die Verwendung von trennbaren Verben in einem bestimmten Werk zu forschen und ihre Bedeutung durch Analyse zu erklären. Denn diese Erscheinungen sind von der Sprache abhängig. Und natürlich dienen sie ihrer Bereicherung. Das zeigt sowohl die Neuigkeit unserer Arbeit als auch ihre Aktualität.

Deutsch: «Kälte und Hitze **machten** ihr nichts **aus**». [S. 128]

Usbekisch: «*Sovuq va jazirama unga xalaqit bermaydi*».

Das Verb «*ausmachen*» drückt aus *jemanden stören; Mühe, Unbequemlichkeiten o. Ä. bereiten*.

Das Halbpräfix «aus-» weist *Hinzugehörigkeit einer Handlung dem Subjekt*.

Deutsch: «Jana und ich werden einen Auftrag **ausführen**». [S. 138]

Usbekisch: «*Jana va men topshiriqni bajarmoq-chimiz*».

Das transitive Verb «ausführen» drückt aus *einem Auftrag gemäß tun, vollziehen*.

Das Präfix «aus-» kennzeichnet hier eine Aktionsart, und zwar (pefektiv) die vollständige Durchführung.

Deutsch: «Er hatte sein Leben darauf **ausgerichtet**, das Geld zu nehmen, das man ihm bot». [S. 43]

Usbekisch: «*Kim unga pul taklif qilsa, u barchasini olgan. Hayotini faqat shunga, ya'ni pul olishga qaratgan*».

	richten	ausrichten
Definition	in eine bestimmte Richtung bringen, lenken;	auf etwas, jemanden einstellen, einrichten, abstellen.
Beispiele und Analyse	sich mit einer mündlichen oder schriftlichen Äußerung an jemanden wenden. die Kamera auf etwas richten, ihre Augen richteten sich auf mich, den Blick auf jemanden richten, es heißt, jemanden ansehen, sich den Blick an jemanden wenden, Sehrichtung lenken, ändern. Der Brief war an die gerichtet (für dich bestimmt). Die schriftliche Äußerung wendet sich an dich.	die Preise auf den zukünftigen Umsatz ausrichten; das Angebot auf die Bedürfnisse/ nach Bedürfnissen der Kunden ausrichten. Produktion auf den Publikumsgeschmack ausrichten, es heißt, Man gestaltet / schafft/ oder stellt her, dass es sich für Publikumsgeschmack eignet, es passt Publikumsgeschmack an. Die Leute wünschen sich so ein Produktion haben. Malibu auf die Wünsche der Kunden ausrichten, d.h., vielleicht es ist jetzt in Mode, dem viele Leute folgen, zu kaufen. Das Auto Malibu ist ein schickes Auto, man will nicht heute Tiko, Matiz (das sind Automodelle) haben. Schönes modernes Auto wie Malibu ist Zweck von vielen. Man berücksichtigt es und produziert.

Den Satz, den wir ganz oben angeführt haben, können wir so analysieren.

Er reguliert sein Leben so, nur Geld zu haben. Wenn es Geldangebot gibt, nimmt man es einfach an. Er lebt sein Leben daran orientiert, Geld zu nehmen, das man ihm bot. Dieses Verhalten ist für ihn geeignet. Die Bedeutung des trennbaren Verbs bezieht den Inhalt des Ausgangsverbs ein.

Deutsch: «Stattdessen lief der Konflikt aus dem Ruder und **artete** in ein grundsätzliches Kräftemessen **aus**». [S. 9]

Usbekisch: «*Ziddiyatli vaziyatni nazorat qilib bo'lmadi va bu asosan kuchlarni sinash maydoniga (urush) aylanib ketdi*»

Das Verb «*ausarten*» bedeutet *sich ins Negative entwickeln, steigern*.

Das trennbare Präfix *aus-* drückt hier in Bildungen mit Substantiven oder Adjektiven und einer Endung aus, dass man etwas ausdehnt, vergrößert, erweitert. *In Kriege ausarten*, d.h., *Kriege weiterführen und es auf andere Länder auch erweitern*. Es ist hier gemeint, wie im Kosovo so was Schlimmes passierte, dass man in den Straßen Pekings Kriege führte. Es wurde da amerikanische Flagge verbrannt und die deutsche Bundesregierung manövrierte Russland in eine gefährliche Außenseiterrolle.

Deutsch: ««Sehr differenziert **ausgedrückt**» spottete Wagner».

Usbekisch: «*Wagner kulib, juda aniq ifodaladingiz dedi*».

Substantiv	Verb	Verb
Druck	drücken	ausdrücken

Das Verb «ausdrücken» bedeutet *in bestimmter Weise formulieren*. Das präpositionale Präfix gibt dem Verb eine neue Bedeutung.

ausdrücken		
Beispiele	<i>Eine Zitrone ausdrücken</i>	<i>Etwas mündlich oder schriftlich ausdrücken.</i>
Analyse	Durch Drücken, Pressen die enthaltene Flüssigkeit aus etwas austreten lassen; auspressen.	Man formuliert etwas mündlich oder schriftlich. Man bringt etwas in eine entsprechende sprachliche Form. Es kommt alles aus Mund heraus, lässt aus dem Mund austreten. In Verbindung mit Verben kennzeichnet «aus-» meistens <i>die Richtung nach außen</i> , gibt <i>die Bewegung aus einem Bereich heraus</i> , <i>Hinausbeförderung an</i> .

Deutsch: «Kurz, man war *übereinstimmend* der Ansicht, die Beziehungen zu Neuronet **ausweiten** zu wollen». [S. 24]

Das Verb «ausweiten» ist abgeleitet aus dem Adjektiv *weit*. Es gibt die Verben «*weiten*» und «*ausweiten*». Die beiden haben gleichen Stamm und stehen nah zueinander Hinsicht des Inhalts aber bemerkt man schon bei der Analyse irgendwelche Unterschiede. Das einfache Verb «*weiten*» heißt weiter machen, z.B., *Schuhe weiten lassen*. Das Verb mit tren-

nbarem Präfix bedeutet auch (*beim Gebrauch*) *ausdehnen und so zu weit machen*. Das trennbare Verb hat mehr Vergrößerung und Erweiterung im Vergleich zum Verb «*weiten*». Das Präfix «aus-» hat Wirkung auf die Verbbedeutung.

Deutsch: «*Sein Auftraggeber blieb stehen und starrte ihn an*». [S. 135]

Usbekisch: «*Uning buyurtmachisi to'xtadi va majolsiz unga qaradi*».

	Definition	Beispiele und Analyse
starren anstarren	<i>starr blicken</i> den Blick starr auf jemanden, etwas richten	<i>auf jemanden, etwas starren.</i> <i>die Wände anstarren;</i> <i>was starrst du mich so an?</i> Das Halbpräfix <i>an-</i> dient der Akkusativierung des intransitiven Verbs (starren) mit dem Präpositionalobjekt. Die beiden Begriffe (starren und anstarren wie sehen und ansehen) sind fast Synonyme. Das Präfix «an-» kennzeichnet die Nähe und die vertikale Lage.

Deutsch: «Ihr Blick zeigte immer noch die naive Verliebtheit, mit der sie den Physiker **angehimmelt** hatte, allerdings sagte ihr der Verstand. Irgendetwas sei gerade dumm gelaufen». [S. 116]

Usbekisch: «*Fizikning bolalarcha sodda sevgisi uchun u uni hurmat qilardi va yuqori baholardi. Uning nigohidan buni bilib olish mumkin edi. Aqli esa unga bu yerda biron narsa ahmoqona bo'lganini aytardi*».

Das schwache Verb «anhimmeln» drückt aus *schwärmerisch verehren*. Das Halbpräfix «an-» bedeutet hier *die Richtung auf jemanden, auf etwas zu, besonders die Hinwendung zu jemandem*.

Deutsch: «Mirko **stellte** das Radio **an**, aber hier oben empfing er nichts als Rauschen. Er legte eine Kassette ein». [S. 42]

Usbekisch: «*Mirko radioni qo'ydi, biroq shovqindan bo'lak hech narsa eshitmadi. Keyin u kasseta qo'ydi*».

Das Verb «anstellen» bedeutet *einschalten, in Betrieb setzen*.

Das Halbpräfix *an-* gibt die Inbetriebnahme an.

Die präpositionalen Verbpartikeln sind für den Ausbau des Verbwortschatzes besonders wichtig. Sie treten an einfache Verben (anstellen) — das ist der typische Fall — und auch an Derivate (anvertrauen, auserwählen). Präpositionale Verbpartikeln sind historisch aus Adverbien hervorgegangen, heute fungieren sie im freien Gebrauch meist als Präpositionen, einige auch als Adverbien. Desubstantivische Partikelverben werden mithilfe der präpositionalen Verbpartikeln *an-*, *ab-*, *auf-*, *aus-* und mit *ein-* gebildet, allerdings nur schwach reihenhaft und in wesentlich geringerem Umfang als deverbale Partikelverben [3, S. 701]:

anstellen, anhimmeln, anstarren, ausarten, ausdrücken, absahnen usw.

Die Basen desubstantivischer Partikelverben sind simplizische Substantive (Art, Stelle, Himmel, Druck).

Deadjektivische Partikelverben stellen eine Randgruppe der Partikelverben dar: *ausweiten, anfeuchten, aufheitern* usw.

In den oben genannten Sätzen haben die Präfixe Verbbedeutung ganz verändert. Sie ist das wichtigste Motiv für die Präfigierung von Verben. Hier haben wir auch auf individuelle Weise analysiert. Jeder Fremdsprachenlerner kann es benut-

zen, weil es mehr über den Inhalt der trennbaren Verben erzählt. Damit man die Verben richtig im Gespräch anwenden kann, muss man es alles inhaltlich klarverstehen. Nur einfach das Wort zu kennen, geht es nicht. Man muss es erkennen.

Literaturverzeichnis:

1. Bartz / Fleischer / SCHRÖDER: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen 1995.
2. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 6., überarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2006. [2016 s.] ISBN 3-411-05506-5.
3. Duden. Die Grammatik. 4., völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich Dudenverlag, 1984. [800 s.] ISBN 3-411-20904-6.
4. Frank Schätzing «Lautlos» Roman.

ФИЛОСОФИЯ

The capability approach as an evaluative framework for disability — general overview

Glushakova Darya, PhD candidate;
Wen Chengwei, PhD, professor, supervisor
Dalian University of Technology (Dalian, China)

The article introduces the Capability Approach as a relevant framework for evaluating the life of persons with physical disabilities. The first part of the article introduces the concept of the Capability Approach (CA), the basic concepts of functionings and capabilities. The second part of the article discusses the concept of disability and presents the reasons for using the CA as an evaluative framework regarding the problem of persons with disabilities.

Key words: capability approach, capabilities, disability

The Capability Approach has started its development since the 1980s and has been formulated and developed by the welfare economist and philosopher Amartya Sen, who presented the notion of capabilities in his “Equality of What?” Tanner Lectures on Human Values in 1979, and the political philosopher Martha Nussbaum. For more than 3 decades the army of capability scholars has expanded, and the CA has been successfully used as an evaluative framework regarding the questions of equality, justice and good life. The center of the CA is formed by the list of capabilities — the real opportunities that people use to live a valuable life. The key point lies in the realm of people’s actual ability to use these opportunities, rather than being promised equal opportunities for all by normative standards.

The Capability Approach is an interdisciplinary framework, and the capabilities that make the core of the CA are being used as a comparative tool in the UN’s Human Development Index (DHI), in the Human Development Reports presented by the United Nations Development Programme (UNDP); and in 2004 the CA researchers inspired the creation of the Human Development and Capability Association (HDCA).

In his “Equality of What?” Tanner Lecture on Human Values Amartya Sen debates on different concepts of equality and compares them to Rawlsian concept of equality based on an equal distribution and desire of natural and social primary goods, and later introduces his own concept of basic capability equality, summarizing that “as a partial guide it has virtues that the other characterizations of equality do not possess” [1]. Sen proposes to replace the use of resources such as income and wealth as measurements of well-being with a list of capabilities. Among other reasons for introducing the concept of capabilities, Martha Nussbaum explains her criti-

cism of Rawlsian idea of justice based on resources with “the inadequacy of wealth and income as indices of the well-being of people with disabilities: the person in a wheelchair may have the same income and wealth as a person of “normal” mobility and yet be unequal in capability to move from place to place” [2]. It is important to mention that the capability theorists and the resource oriented theorists do not contradict each other regarding the importance of the input resources but rather have a different perspective on them. The Capability Approach cannot overlook the importance of the initial resources and other means available to a person speaking in terms of people’s capabilities. The analysis of resources, such as finances, food, primary education, state of health is also essential to the Capability Approach.

Functionings and capabilities are the important terms of the CA. While functionings are the valuable activities or states that people have reason to value (such as health, safety, skills, friendship, valuable job, education, etc.), capabilities are the combination of functionings that a person can actually achieve. Capabilities describe “the real actual possibilities open to a person” [3].

Capability theorists stress that even being granted the equal distribution of resources, people differ in their ability to use and transform them into equal opportunities. Capability theorists believe that people have personal differences and these differences are important and significant in evaluation of their well-being and the ability to achieve it. Thus, the Capability Approach presents sets of capabilities as valuable ends to human well-being. There is some argument, however, that capabilities cannot be seen as ultimate ends, but rather should be evaluated in terms of conditions a person is put into in which he can achieve these valuable ends [4]. The Capability Approach focuses on achieving the ends in a gen-

Table 1. Nussbaum's list of "Central Human Capabilities"

Life. Being able to live to the end of a human life of normal length; not dying prematurely, or before one's life is so reduced as to be not worth living. Bodily health. Being able to have good health, including reproductive health; to be adequately nourished; to have adequate shelter. Bodily Integrity. Being able to move freely from place to place; to be secure against violent assault, including sexual assault and domestic violence; having opportunities for sexual satisfaction and for choice in matters of reproduction. Senses, Imagination, and Thought. Being able to use the senses, to imagine, think, and reason — and to do these things in a "truly human" way, a way informed and cultivated by an adequate education, including, but by no means limited to, literacy and basic mathematical and scientific training. Being able to use imagination with thought and in connection with experiencing and producing works and events of one's own choice, religious, literary, musical, and so forth. Being able to use one's mind in ways protected by guarantees of freedom of expression with respect to both political and artistic speech and freedom of religious exercise. Being able to have pleasurable experiences and to avoid nonbeneficial pain. Emotions. Being able to have attachments to things and people outside ourselves; to love those who love and care for us, to grieve at their absence; in general, to love, to grieve, to experience longing, gratitude, and justified anger. Not having one's emotional development blighted by fear and anxiety. (Supporting this capability means supporting forms of human associations that can be shown to be crucial in their development.) Practical Reason. Being able to form a conception of the good and to engage in critical reflection about the planning of one's life. (This entails protection for the liberty of conscience and religious observance.) Affiliation. Being able to live with and toward others, to recognize and show concern for other human beings, to engage in various forms of social interaction; to be able to imagine the situation of another. (Protecting this capability means protecting institutions that constitute and nourish such forms of affiliations, and also protecting the freedom of assembly and political speech.) Having the social bases of self respect and nonhumiliation; being able to be treated as a dignified being whose worth is equal to that of others. This entails provisions of nondiscrimination on the basis of race, sex, sexual orientation, ethnicity, caste, religion, national origin. Other Species. Being able to live with concern for and in relation to animals, plants, and the world of nature. Play. Being able to laugh, to play, to enjoy recreational activities. Control over One's Environment. <i>Political.</i> Being able to participate affectively in political choices that govern one's life; having the right of political participation, protections of free speech and association. <i>B. Material.</i> Being able to hold property (both land and movable goods), and having property rights on an equal basis with others; having the right to seek employment on an equal basis with others; having the freedom from unwarranted search and seizure. In work, being able to work as a human being, exercising practical reason and entering into meaningful relationships of mutual recognition with other workers

Source: Nussbaum (2006) [2, pp.76–78]

eral way. While seeking a job a handicapped person should have a possibility for proper job placement and the ability to perform the required duties. According to the Capability Approach, the ability to hold a satisfying job is the valuable end, but it is the privilege of a handicapped person to translate this capability into a more specific one, like working from home or from the place of employment, or even taking the particular job at all.

In many countries with average state of provision and care for the disabled people it would be safe to assume that persons with disabilities are given limited opportunities to live a valuable life of their own choice. The impairment to a great extend determines their choice of professional realization and social activity. Let us take a disabled

elderly man in a wheelchair with little educational skills to get a valuable job, whose social pension is his only way of income, as an example. If given other opportunities, like having skills to use a computer and working from home, or having manual skills to produce certain goods for sale, or being able to move around freely in his wheelchair and get to a working place outside his place of residence, would he have the desire to work for a living or would he continue living on the pension? These questions make the core of the CA: asking if people have a satisfying way of life, and if given other (better) opportunities, would they choose to live the way of life they are currently living. The next important question is what should be done and changed to provide these opportunities.

Martha Nussbaum's most recent list of capabilities appears in *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership* (2006). The list of capabilities remains open to change and modification and "no doubt it will undergo further modification in the light of criticism." [2]

The term «disabled» is usually used as «not applicable». A disabled person is the person suffering from health problems, moderate or significant disorder of various functions or systems of the body, which are the result of a disease or the effects of trauma. As a result, we can talk about disabilities, which are the full or partial loss of the opportunity for a person to care for himself, to walk without assistance, to enter into dialogue with others, to clearly express his thoughts, to navigate in space, to control his actions, be responsible for his acts, or receive education and to work.

UNESCO promotes and supports *the Convention on the Rights of Persons with Disabilities* which was adopted in 2006, which purpose is "to promote, protect and ensure the full and equal enjoyment of all human rights and fundamental freedoms by all persons with disabilities, and to promote respect for their inherent dignity" [5]. According to the UN statistics of 2006, around 10 per cent of the world's population (or 650 million people) live with a disability and persons with disabilities form the world's largest minority, 20 per cent of the world's poorest people are disabled and tend to be regarded as the most disadvantaged group in their own communities [6].

We may see that the general principles promoted by *the Convention on the Rights of Persons with Disabilities* share the principles promoted by the CA. Some of the rights include the following [5]:

- Respect for inherent dignity, individual autonomy including the freedom to make one's own choices, and independence of persons;
- Non-discrimination;

- Full and effective participation and inclusion in society;
- Respect for difference and acceptance of disability as part of human diversity and humanity;
- Equality of opportunity;
- Accessibility, etc.

The Convention on the Rights of Persons with Disabilities, among other things, recognizes the definition of "Discrimination on the basis of disability" which means "any distinction, exclusion or restriction on the basis of disability which has the purpose or effect of impairing or nullifying the recognition, enjoyment or exercise, on an equal basis with others, of all human rights and fundamental freedoms in the political, economic, social, cultural, civil or any other field. It includes all forms of discrimination, including denial of reasonable accommodation" [5].

Regardless of the massive coverage of the problems of persons with disabilities and attempts of practical development in the spheres of rehabilitation and social inclusion, today there is a large scale of disabilities and physical and mental conditions which lead to severe restrictions in many aspects of people's personal and professional lives. From the above-mentioned list of capabilities we can mention at least a half of capabilities which disabled people have difficulties with, such as: bodily integrity, freedom of movement, freedom from assault, affiliation, play, control over one's environment, political participation, etc. And even such capabilities as life, bodily health or emotions can be put in question, since the person whose living conditions and social integration were compromised by having certain disability, can have difficulties with providing food and shelter for himself, form caring attachments to other people or even relate positively to nature and other species. Our strongest belief is that the level of social and technological development of the society has the primary importance to this kind of correlation.

References:

1. Sen, Amartya (1980). Equality of What? in McMurrin (ed.), *Tanner Lectures on Human Values*, Cambridge: Cambridge University Press.
2. Nussbaum, Martha (2006). *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Alkire, Sabina (2005). Capability and Functionings: Definition & Justification. HDCA Introductory Briefing Note.
4. Robeyns, Ingrid (2011). The Capability Approach, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Edward N. Zalta (ed.). <<http://plato.stanford.edu/archives/sum2011/entries/capability-approach/>>
5. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006). The United Nations. <<http://www.un.org/disabilities/convention/conventionfull.shtml>>
6. Ibid. <<http://www.un.org/disabilities/convention/facts.shtml>>

Этика Б. Спинозы: перспективы постмодернистской интерпретации

Еникеев Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент;

Гредасов Александр Михайлович, студент

Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар)

Историко-философский процесс предполагает нелинейную логику понимания и интерпретации предшествующей традиции. Наиболее отчетливо это проявилось в эпоху постмодерна, когда даже классические историко-философские исследования необходимы лишь для того, чтобы лучше понять концепцию того или иного современного мыслителя. В этом смысле можно согласиться с мнением переводчика Я. Свирского, который считает, что работа Ж. Делеза «Спиноза», будучи историко-философским исследованием, интересна нам лишь в качестве текста, помогающего «... глубже проникнуть в весьма непростой понятийный аппарат философствования самого Делеза» [1, с.321–322]. Таким образом, Спиноза оказывается подверженным постмодернистской интерпретации, в то же время он является своеобразным предшественником многих постмодернистских философов современности. Наша задача разобраться, так ли это на самом деле.

Спиноза в основе своей этики проповедовал идею о том, что нет существенного различия между способностью психической деятельности и умом. Эта способность является стремлением разума удерживать идеи, которые ему приятны, и ограждать себя от тех, которые ему неприятны. Отрицающая или утверждающая себя идея — это желание. Воля и разум, тождественные по своей сущности, параллельны в своем развитии, полагает Спиноза. Представляющему вещи согласно нашим впечатлениям воображению, соответствует в практической области страсть, инстинктивное движение, которое или отвлекает нас от объекта, или влечет к нему. Абсолютно простая форма хотения именуется желанием, любовью, радостью, наслаждением, когда то, что дает нам фантазия, способно придать огромную интенсивность физиологической и нравственной жизни, поэтому то, что нам дает фантазия, приятно и тянет нас к себе. Когда же, напротив, предмет фантазии нам неприятен, вследствие того, что он по собственной природе имеет возможность уменьшать наше существо, то эта форма есть антипатия, ненависть, испуг, мучение [См. 7].

Воля, освещаемая разумом и определяющаяся истинным, но неприятным, в практической сфере соответствует высшему пониманию, в точном смысле этого слова. Только на этой ступени воля, еще совершенно пассивная на ступени инстинкта, становится активной, способностью. Мы оперируем в строго философском значении любой раз, когда в нас или же вне нас случается акт, которому мы служим абсолютной предпосылкой, или, другими словами, всякий раз, когда в нас или же вне нас, за пределами нашей природы случается что-то, что

имеет возможность быть понятно и точно объяснено лишь только нашей природой. Мы пассивны, считает Спиноза, когда в нас или же вне нас случается что-то, чему мы выступаем предпосылкой лишь только в некоторой степени. Мучиться, претерпевать — это абсолютно не означает не действовать; это лишь только означает быть ограниченным в собственной деятельности. Мы страдаем, потому что мы части мира, модусы Божественного существа. Бог не имеет возможность страдать, вследствие того, что он не ограничен. Он чистый акт, абсолютная деятельность [См. 6].

Спиноза считает, что в страсти человек — существо страждущее, то есть ограниченное, бессильное, раб вещей. Только через разум он может освободиться и стать деятельным. Стать свободным от мира, можно только поняв его. Быть безгранично свободным, значит понять все. Страсть исчезает, как только у меня является ясное понятие о ней. Свобода — в мысли, и только в ней. Мысль также относительно пассивна, поскольку она ограничена воображением; но она может освободиться от власти воображения постоянным старанием, неуклонными усилиями. Мера нашей этики, нравственности, это ничто иное, как наше понимание вещей, так как свобода только в мысли. Этично и нравственно то, что развивает ум, а то, что омрачает или ограничивает ум — безнравственно [См. 7].

Желающий подчинить свою жизнь законам разума человек, будет стараться возвыситься над жалостью, считает Спиноза. Он так же, как всякий другой и даже более всякого другого придет на помощь к своим нуждающимся братьям, но он сделает это по принципу, по разуму, а не из жалости. Следовательно, он будет действительно добродетелен, действительно деятелен, действительно силен, потому что зрелище человеческих бедствий сокрушать его не будет, а не будет это происходить потому, что он знает, что всякая вещь исходит из необходимости, присущей природе Бога и по неизменным законам. Истинный смысл этики в этом и заключается по мысли Спинозы. Такая её трактовка очень близка к иудейскому и мусульманскому фатализму — той философской традиции, которая была Спинозе гораздо ближе, чем западноевропейская [См. 6].

Философ говорит, что не найдут ничего стоящего ненависти, смеха, презрения или жалости те, кто вполне прониклись этой истиной. Часто человек увлекается и совершает поступки, в которых впоследствии раскаивается, из-за того, что слишком легко поддается ощущениям жалости. Слезы часто обманчивы, к тому же мы никогда не можем знать, положительно ли какое-либо действие, призванное мимолетным душевным волнением,

или же нет. Конечно, здесь дело идет о человеке, который живет по разуму. Всякий раз и абсолютно точно будет являться существом извращённым, который ни по принципу, ни по ощущению сострадания не жаждет прийти на поддержку собственным собратям. Если ничто, соединённое с болью, страданием, страстью, не достойно именовать добродетелью, ибо этика и добродетель есть синонимы энергии, инициативной силы, то на нравственную подавленность и сожаление следует взирать так же, как на сочувствие. Вдвойне достоин сожаления, вдвойне несчастлив, порочен и бессилён именно кающийся.

Отсюда следует вывод, что человеческая природа есть ничто иное как этика, поскольку производить те или иные действия, который не могут быть объяснены иначе, как законами этой природы способна именно она. Когда страдаем, мы безнравственны, а нравственны, когда действуем. Согласно Спинозе, могущество и этика — синонимы. Ключевую роль в процессе этического становления личности играет образование, здесь Спиноза, опережая свое время, говорит о важном сдвиге от восприятия (перцепции) к мышлению (концепции) [4]. Современная система образования, начиная с эпохи Просвещения, является своеобразной наследницей идей Спинозы, в этом нам видится его современность для сегодняшнего дня.

Если внимательно рассмотреть систему Спинозы, то можно заметить, что абсолютно последовательно этическая теория Спинозы выливается из его метафизических основ. Как все существа исходят, по его мнению, из всеобщего Существа по нескончаемо важным законам, так и деяния всякого существа выливаются из его особенной природы с математической неизбежностью. Каково дерево, таков и плод. В случае если Клитемнестра преступна, а Эдип несчастлив, то это следствие того, что природа жены Агамемнона неизбежно тянет ее к злодеянию, а природа фиванского повелителя абсолютно располагает, его к большому количеству преступных деяний, которые вследствие вызывают целую сумму бедствий. Те же самые законы управляют физическим и этическим миром, в этом исследователи усматривают детерминизм этической теории Спинозы [См. 7].

По убеждению Спинозы, детерминизм обязан сделать нас оптимистами и методом «этического улучшения» личности привести к бескорыстной любви к миру, которая за каждой вещью принимает её стоимость в совокупности существований, к той философской любви к природе, которая есть вершина добродетели. Это ощущение значимо отличается от того, что именуют любовью к Богу в религии. Религиозная приверженность к Богу содержит собственным предметом представляемое существо и соответствует той простой ступени ума, которую можно назвать фантазией. Бог религии — индивид, лицо, как и мы, даровитый, как и всякая реальная живая личность к любви, гневу, ревности. Приверженность, которую мы чувствуем к нему есть ощущение собственное, смесь любви и боязни, веселья и безграничной ревности. Блаженство, которое он нам даёт, довольно далёко от безукоризненного

блаженства, к которого мы жаждем. По Спинозе, философская приверженность к Богу есть, ощущение полностью бескорыстное. Объект его — не действующий по личному произволу индивид, от которого мы ожидаем милостей, а существо, стоящее на верху настоящей этики: выше и любви, и ненависти.

Бог Спинозы не испытывает чувств так, как люди; ибо обожать, означает испытать наслаждение, а испытать наслаждение — означает чувствовать себя усилившимся, увеличившимся внутренне, достигшим наибольшего могущества. Но существо, безгранично безупречное, не имеет возможность усиливаться. Оно чуждо и ненависти, ибо ненавидеть — означает мучиться, мучиться же — означает испытывать сокращение собственного существа, что, собственно, невозможно для Бога. С обратной стороны, ненависть, которую некоторые чувствуют в отношении к Богу, ропот, который они позволяют себе против него, вероятны лишь только с религиозной точки зрения, когда Господь рассматривается как личность, действующая произвольно. Такое абсолютное повиновение мыслителя высокому закону, это примирение души с потребностями жизни, эту безбрежную покорность природе вещей и именует Спиноза интеллектуальной любовью к Богу, источником нескончаемого блаженства. В данном чувстве, отличие между Богом и душой, между субстанцией и модусом сглаживается до такой степени, что возлюбленный объект делается любящим субъектом, и наоборот. Умственная приверженность человека к Богу, это приверженность Бога к самому себе. Благодаря данной «заменяемости выражений», душа человека (в ее человеческой составляющей) должна быть подвержена устранению, потому что она в своих функциях связана с жизнью тела, но она бессмертна поскольку в ней есть божественное. Бессмертие души заключается не столько в не иссякающем существовании личности, как в сознании того, что она вечна в собственной субстанции. Уверенность в том, что субстанция нашей личности вечна потому, что она есть Бог, изгоняет из души философа всякий страх смерти и наполняет её чистой этической радостью [См. 7].

Такова этическая концепция Спинозы. Остается вопрос, почему его идеи оказались востребованы философией постмодернизма? Какие важные концепты его системы актуальны для современных мыслителей? Можно вслед за Ж. Делезом сказать, что ценность Спинозы и его современность связана с тремя обстоятельствами. Во-первых, это параллелизм Спинозы, который отрицает причинно-следственную связь между телом и духом [1, с.206], предполагая целостную связь тела и психического аппарата личности. Во-вторых, это «действия-эффекты», которые являются следствием работы сознания и которые в наибольшей степени отвечают «гипертекстовому» характеру современного массового сознания [См. 2]. В этой связи для сознания важно топологически определять свое местоположение, поскольку от этого будут зависеть его когнитивные и познавательные способности [См. 3]. В-третьих, это «иммориализм» Спинозы, который по

мысли Ж. Делеза не только предвосхитил некоторые идеи Ницше, но и обеспечил ценность культурных исследований, главная задача которых подчеркнуть многообразие жанров философского дискурса [См. 5]. Подобное многообразие не только является гарантией отсутствия догма-

тического мышления, против которого выступал Спиноза, но также выражением постмодернистского плюрализма в понимании истины, что делает идеи Спинозы востребованными и требующими дальнейшей интерпретации и понимания.

Литература:

1. Делез, Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. — М.: ПЕР СЭ, 2000. — 351с.
2. Еникеев, А. А. Гипертекст в пространстве современного социально-гуманитарного дискурса: проблема философского обоснования // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Самара: ПГСГА, 2010, с.43–46.
3. Еникеев, А. А. Методология топологической аналитики в социально-гуманитарном дискурсе XX века (Исторический экскурс и постановка проблемы) // Культурная жизнь Юга России № 3 (54), 2014, с.34–36.
4. Еникеев, А. А. Художественное образование: от перцепта к концепту // Многоуровневая система художественного образования и воспитания: современные подходы в научных исследованиях: сборник материалов Тринадцатой заочной Всероссийской научно-практической конференции. — Краснодар, КГУКИ, 2013, с.247–251
5. Многообразие жанров философского дискурса. Коллективная монография. Учебное пособие / под ред. д.ф.н., проф. Плотникова В. И. — Екатеринбург: Российское философское общество; Межвузовский центр проблем непрерывного гуманитарного образования при Уральском государственном университете им. А. М. Горького; Банк культурной информации, 2001. — 276с.
6. Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография / под общей ред. проф. О. И. Кирикова. — Книга 15. — Воронеж: ВГПУ, 2008. — 485с.
7. Фишер, К. История новой философии: Бенедикт Спиноза. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. — 557с.

Методологические проблемы исследования формирования ценностных ориентаций личности в креативном пространстве городского поселения¹

Ермакова Лариса Ивановна, доктор философских наук, профессор;
Суховская Дарья Николаевна, преподаватель
Пятигорский государственный лингвистический университет

Статья посвящена анализу методологических оснований исследования формирования ценностных ориентаций личности в креативном пространстве городского поселения, а именно, рассмотрению положений философского направления инвайронментализма и средового подхода; социальной парадигмы пространства и парадигмы информационно-коммуникационного пространства; положений социально-топологической теории; метода ценностного познания к исследуемой проблематике.

Ключевые слова: креативное пространство, креативность, город, методологический подход.

В настоящее время значительный интерес у философов вызывает проблема формирования ценностных ориентаций человека в современных условиях его жизни, что инициирует поиск актуальных способов и методов ее исследования и осмысления. Одним из таких способов исследования формирования ценностных ориентаций личности в социальной среде города является анализ современных городских поселений в проблемном аспекте креативных пространств и площадок. Опираясь на смыс-

ловые и логические идеи социального пространства, используя и адаптируя методологические основы средового подхода к его исследованию, концепция креативного пространства современного поселения способствует открытию и установке новых возможностей в выявлении и определении жизненных и ценностных характеристик человека в условиях городского социума.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что креативные пространства городского поселения в ус-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16–33–00035.

ловиях глобализационных трансформаций, характерных для поселений XXI в., выступают наиболее значимыми площадками реализации креативного (творческого) потенциала личности и потенциальными источниками формирования ее ценностных ориентаций. Научная гипотеза исследования предполагает изучение состояния диалектической взаимозависимости между личностью-творцом, присущими ей ценностными ориентациями и креативным пространством поселения. В условиях урбанизированного социума креативное пространство поселения посредством собственного творческого потенциала выступает в роли системы приращения творческих способностей личности, местом ее самореализации, реализации творческого потенциала и формирования ценностных ориентаций. При этом влияние креативного пространства можно рассматривать как с точки зрения позитивных изменений личности (ее самоактуализации и самореализации), так и с точки зрения деструктивного влияния (популяризации массовых форм гедонистического бытия и релятивистского отношения к их формированию). Подобные выводы нуждаются в дальнейшей проработке и уточнении при помощи современных методологических подходов, поскольку креативная среда пространства поселения и личность в современном обществе крайне вариативны, подвержены изменениям и множественным трансформациям [4, с. 150].

Выдвинутая исследования гипотеза может получить свое обоснование благодаря следующим методологическим основаниям.

1. Основопологающей концепцией формирования стратегии анализа обозначенной научной проблемы и первым методологическим основанием является средовой подход [3, с. 35], представляющий собой один из элементов современного инвайронментализма.

В контексте исследуемой проблематики формирования ценностных ориентаций личности в креативном пространстве города средовой подход позволяет рассматривать городскую среду со всеми ее вкраплениями (включая креативные пространства) как результат освоения человеком своего жизненного окружения. В соответствии с данным методологическим основанием деятельность и поведение индивида выступают в качестве определяющих факторов, связывающих остальные элементы социальной среды города в единую целостность.

Креативные пространства городских поселений России — многогранные объекты исследований; закономерности их организации и существования, а также влияние на личность и формирование ее ценностных ориентаций имеют большое число качественных уровней существования и, как следствие, изучения. Выбор данного принципа в качестве методологии исследования позволяет теоретически осмыслить новый социально-философский концепт «креативное пространство», этот выбор спровоцирован современной ситуацией, нуждающейся в коренном пересмотре моделей развития общества и ценностных ориентаций человека в нем. С точки зрения средового подхода, возможным видится обоснование органи-

ческой взаимосвязи между жизненной средой городского поселения (включающей в себя креативные пространства) и образом жизни человека, в том числе и вопросов формирования ценностных ориентаций личности.

2. Вторым методологическим основанием служат социальная парадигма пространства и парадигма информационно-коммуникационного пространства.

Обращение к социально-философской парадигме пространства позволит создать программу исследования проблемы креативного пространства города. Обращение к парадигме информационно-коммуникационного пространства позволяет проанализировать социальные информационные связи, возникающие на территории креативных пространств городских поселений.

Посредством применения данной парадигмы возможно определить взаимное расположение субъектов ценностно-коммуникационного процесса, действующих на территории креативных пространств: аудиторий средств массовой коммуникации, неинституализированных источников информации, информационно-коммуникационных полей и потоков, а также их способность иметь определенный объем (емкость), занимать конкретный сегмент информационно-коммуникационного рынка.

3. Третьим методологическим основанием служит социально-топологическая теория.

При анализе таких характеристик современного городского поселения, как процессуальность, гетерогенность и подверженность постоянным трансформациям, актуальными являются ключевые положения социально-топологической теории.

Для проведения исследования, посвященного трансформациям ценностных ориентаций личности в креативном пространстве города, необходимым представляется обращение к анализу различных топосов [2, с. 120], существующих в современном социуме. Топосы городского пространства — основа его полиморфной структуры: каждому из пространств (мест) города присущи характерные функции, собственное назначение, цели. Одни и те же пространства городской среды, например, рестораны, театры, магазины и т.п., для одних жителей города являются местом отдыха, общения, а для других — местом работы. Соответственно, жизнь первой и второй групп индивидов различна в одном и том же городском пространстве.

4. Актуальным представляется использование метода ценностного познания, посредством которого становятся возможным определение и обозначение креативного начала поселения, которое позволяет интерпретировать его не только как постоянно трансформирующуюся социальную среду, жизненное пространство современного представителя креативного класса [1, с. 266] или автономно существующий «социальный космос», находящийся в состоянии поиска социального порядка и организации, но и как элемент более масштабных социально-философских пространственных структур, как элемент целостной картины мира, способный оказывать влияние на формирование ценностных ориентаций человека.

Актуальный для XXI в. аксиологический поворот в метафизике и его понимание в контексте герменевтического, семантического и деятельностного подходов вызвали авторский интерес к экзистенциально-смысловому содержанию феномена креативного пространства города. Работа над исследованием в рамках метода ценностного познания, направленная на выявление объективных человеческих начал в жизнедеятельности города и его интерпретация как постоянно изменяющейся искусственной среды, позволяет выявить некоторые аспекты существования креативных пространств городских поселений, а именно определить их как сознательно формируемые жизненные пространства или автономные социальные «космосы», несущие в себе возможности культурной преемственности, практику поиска естественного социального порядка, формирования культурного опыта индивида, как одного из факторов, влияющих на выбор системы ценностных ориентаций личности.

Анализ креативного потенциала пространств городского поселения и вопросов формирования ценностных ориентаций личности в их среде требует аналитической проработки исследований на стыке философской и социологической, урбанистической, культурной, антропологической наук, т.е. использования метода междисциплинар-

ного синтеза различных научных дискурсов, но при этом основная теоретическая и методологическая направленность исследования остается социально-философской, что позволяет раскрыть социально-философскую сущность трансформаций современного городского поселения, а также его креативных пространств.

При анализе социально-философской роли креативного пространства поселения в жизни индивида, выявлении взаимосвязи и взаимного влияния человека и его непосредственного окружения в качестве методологической базы необходимым видится использование теоретических постулатов этнической антропологии, а также мифологической школы этнографии.

В заключение отметим, что в XXI в. индустриальная экономика, высокотехнологичное производство и природные ресурсы уже не выступают достаточным основанием для успешного развития города, социума и личности, поэтому понимание креативного потенциала городского пространства как творческого ресурса, который дает возможность продуцировать новые формы человеческой жизни, изменять и корректировать социальную реальность, формировать общественные тенденции и направления, влиять на ценности и ценностные ориентации личности, становится реальностью, без которой не представляется дальнейшее развитие общества.

Литература:

1. Воинова, А. А. Креативный класс Р. Флориды: концептуализация понятия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5—2. с. 266—268.
2. Зенец, М. Г. Топос философской мысли в условиях современности // Омский научный вестник. 2010. № 2 (86). с. 119—122.
3. Медведева, О. П. Современные проблемы в содержании понятия «средовый подход» // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 9. с. 24—28;
4. Суховская, Д. Н. Креативные пространства поселений в российской и зарубежной философской мысли. В сборнике: Университетские чтения — 2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2015. с. 139—143.

Место креативного пространства города в структуре глобальной урбосети¹

Ермакова Лариса Ивановна, доктор философских наук, профессор;
Суховская Дарья Николаевна, преподаватель
Пятигорский государственный лингвистический университет

Статья посвящена рассмотрению роли и места креативного пространства в структуре социальной среды современного города.

Ключевые слова: креативное пространство, креативность, город

В XXI веке человек, будучи погруженным в определенные социальные условия того или иного общества, осознанно или неосознанно адаптируется к ним.

Примером социальной среды, обладающей особым устройством, способами и механизмами организации ее элементов и фокусирующей все сферы жизнедеятель-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16—33—00035.

ности человека, является среда креативных пространств городских поселений. Располагая рядом особенностей, она формирует своеобразную базу или площадку, опосредующую влияние креативного потенциала городского поселения как особой социальной реальности на личность и включает в себя материальные и духовные условия становления, существования, развития и деятельности людей, вовлеченных в общественные процессы.

Ситуация вовлечения/исключения современных креативных пространств поселений в иерархию глобальной урбосети может считаться как качественно отличная стадия от предыдущих этапов урбопроцесса, ибо место поселения в глобальной геометрии в существенной степени определяет его жизнеспособность. В глобальной сети поселений присутствует разительное неравенство в концентрации стратегических ресурсов и возможностей действий. В результате этого поселения во всем мире постепенно разделяются на тех, которым удастся соответствовать стандартам глобальных производственных систем, и тех, у которых для этого не хватает ресурсов. Отсюда становится понятной необходимость осмысления философских проблем креативных пространств поселений в локальном измерении, поскольку динамика конкретно-исторических ситуаций проистекает из динамики локальных социальных ситуаций, коррелирующих, в свою очередь, с жизненными стратегиями людей [2, с. 141].

Поселения, как и люди, живут не только настоящим, но и будущим. Ощущение утраты будущего, потеря перспективы и ожидание еще большей нестабильности существования, делают проблематичным как таковое рассуждение о жизни и креативности. Если мы хотим опровергнуть разного рода апокалиптические предсказания, то должны обратиться к исходным основаниям принципа креативности. Несомненно, что избавление от господства глобальной сети будет невозможно, пока не будет подготовлена для этого процесса почва на локальном уровне. Достичь этого возможно, лишь определив достойные условия для жизни поселения и его креативных пространств, обеспечив ему широкий доступ к жизнеобеспечивающим ресурсам и создав эффективную систему принятия решений на всех структурных уровнях. При условии, что участие в данном процессе не будет изначально спонтанным, поселения сможет взять на себя жизненно важную роль для того, чтобы сознательно и ответственно определять горизонты своего развития.

Поскольку ситуация децентрализации вынуждает поселения избрать эгоцентристский путь созидания собственной идентичности, это нацеливает на выявление их внутреннего потенциала и возможностей. В частности, города пробуют не зависеть от глобализующейся власти. Мощь сети вполне может быть не реализована, если ее поглотит встречный оппозиционный процесс. То есть поселения вполне самодостаточны, чтобы переоценить и переосмыслить свой *modus operandi* [3, с. 29], рассматривая

свое саморазвитие и самовыражение как форму протеста против модели «глобализации и гегемонизации», стремящейся к созданию единого центра власти, к стандартизации консьюмеристских привычек путем создания гомогенных культур и сглаживания, насколько возможно, любых национальных различий. Иными словами, средства и способы самовыражения креативные пространства могут стать особыми возможностями для создания новых альтернатив его развития. Однако они не являются набором жестких принципов, игнорирующих особенности процессов изменений, которые в каждом поселении специфичны, не выступают условием перехода от вакханалии хаоса к заданному «мертвящему» порядку. Но они могут создать благоприятную среду, необходимое жизненное пространство, способное обеспечить жизнеспособное саморазвитие поселения. Это означает, что вариант изменений предпочтительней любой статичной модели, и креативность проявляется как творческий процесс пересмотра отживших порядков реальности с целью чуткого жизнеустройства, полноценного и разумного.

Говоря о возможности такого процесса, необходимо исходить из наличия определенной системы взаимосвязей сообщества, объединенного единым историческим императивом, определенным институциональным и культурным контекстом. В этом случае самобытность не должна быть идеалистической и «идеологизированной» абстракцией и превращаться в отображение застывших форм некоей неизменной изолированной реальности, но быть стройной и гибкой системой развивающихся отношений. Итак, самобытность, на наш взгляд, есть единство в преемственном движении. Это значит, что все своеобразие культуры сообщества способно противостоять чуждым ей влияниям и, в то же время, способность ассимилировать все новое, что представляется конструктивным. Это не изоляция и не замкнутость, но основополагающее условие универсальности. Это отказ от унифицирующей модели бытия. Ибо потребность подражать и подчиняться престижным, имперским нормам и формам — значит впасть в соблазн, подвергнуться духовному насилию.

Чтобы стать жизнеспособным, креативное пространство может ставить перед собой, на наш взгляд, ряд задач:

- креативные пространства должны переоценить свою роль в контексте глобализирующейся урбосети;
- продуцировать и гибко ассимилировать новации, обеспечивая преемственность положительного опыта;
- изменения должны создаваться для того, чтобы улучшить ситуацию без ухудшения состояния жизни населения, поэтому усилия креативного пространства должны быть постоянно сфокусированы на результате, то есть на «выходе», а не на «входе»;
- концентрируясь на собственных проблемах, находить и закреплять точки соприкосновения собственных интересов с интересами других в жизненном пространстве взаимодействий (на региональном, национально-государственном, международном уровнях);

Таким образом, предложенный теоретический конструкт креативного пространства поселения, содержит креативный поиск рекомендаций, позволяющих четко видеть свои цели, оценивать свои результаты и определять ответственность за принятые решения. Как известно, любые проблемы являются источником беспокойства и стимулом к активности, к поиску способов решения. Это значит, что, формулируя проблемы, мы выделяем область своих забот и ищем источник их возникновения. Поиск задает направление движению мыслей и ценностей. Ценности, лежащие в основе суждений и представлений о жизненных сложностях, выявляют сферу наших ориентации и могут стать мотивом или для объединения с теми, кто имеет сходные трудности, или условием для консенсуса с теми, кто имеет конкурентные интересы. Это подводит к необходимости поиска и выявления внутреннего, глубинного потенциала города, который заложен в живущих в нем людях, в культурном опыте, который содержит возможность способствовать осуществлению жизнеспособного развития.

В социальной жизни действуют два детерминизма. Первый предполагает тот факт, что за каждой идеологической конструкцией встают более старые конструкции. Второй, — что на каждой стадии этого сложного процесса всякая идеологическая конструкция изменяется, деформируется по различным направлениям под действием преобладающих обстоятельств (техничко-экономических). Однако никакой общий механизм, лежащий в основе способов, какими человеческий разум действует в различных обществах и на разных этапах исторического развития, не работает в вакууме — эти «ментальные зубчатые колеса» должны сцепляться с другими механизмами. В реальности наблюдаются лишь результаты их целостного взаимодействия. Приспосабливаясь друг к другу, эти два порядка реальности — исторические тенденции с их специфическими характеристиками среды и ментальными требованиями — смешиваются, создавая таким образом значимое целое. Это блоки памяти, без которых не может существовать человеческое общество. Это тот ресурс, который делает любое пространство жизнеспособным.

Подведем итоги:

- креативность пространства проявляется в творческом процессе пересмотра отживших порядков реальности с целью чуткого жизнеустроения, полноценного и разумного;
- креативное пространство постулирует равновесный порядок и предстает как самобытная целостность;

— саморазвитие креативного пространства возможно через синергические импульсы общественного содружества;

— качество жизни есть индикатор эффективной работы креативных пространств на территории поселения; ментальный опыт, социопамять является ресурсом, обеспечивающим креативность пространства и историческую перспективу.

В заключение подчеркнем, что креативные пространства городов позволяют оценить актуальные социальные процессы, происходящие в современном обществе в сфере культуры, интеллектуального и духовного поиска личности. Креативные пространства — быстро развивающийся и увеличивающийся сектор городского тела. С одной стороны, они обеспечивают мобильность, выход на глобальный рынок, формируют проектное и инновационное мышление личности, используют множество разнообразных ресурсов, способствуют развитию человеческой индивидуальности, стремлению к самоактуализации в обществе. С другой стороны, креативные пространства способствуют новому пониманию многообразия мира, развитию и сохранению культурного наследия города, истории и традиций, возрождению неиспользуемых территорий городских поселений и формированию их социально-культурного пространства. Креативные пространства важны с точки зрения изменения и подхода к потреблению [1, с. 9].

Креативные пространства — это новый вызов для тех экономик и стран, в которых прошли широкие этапы индустриализации с высоким уровнем доверия к культурным достижениям. При этом важной особенностью является то, что креативные пространства характерны для стран, где важную роль играют гражданское общество и плюрализация отношений в нем. В эпоху глобализации развитие поселений все больше зависит от человеческого фактора; состояние человеческих ресурсов определяет процессы формирования современной социальной среды. Если еще совсем недавно жизнь поселения определялась производственными или рыночными процессами, то теперь города развиваются человеком и для человека. Современный рост активности, интенсивности процессов взаимодействия индивидов как между собой, так и со средой продуцирует вовлечение индивидов в различные сферы деятельности города, способствуя развитию в людях навыков активной жизнедеятельности и подавляя пассивный, обывательский образ жизни.

Литература:

1. Левинтов, А. Е. Город будущего: онтологические основания // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 1. с. 5—14.
2. Суховская, Д. Н. Креативные пространства поселений в российской и зарубежной философской мысли. В сборнике: Университетские чтения — 2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2015. с. 139—143.
3. Ковалева, Т. Н. Трансформации городского пространства в контексте научно-технической модернизации: опыт осмысления // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 4. с. 27—30.

Sociological theories of the 20th century and sources of communicative rationality

Pirozhnikova V., PhD student;
Hong Xiaonan, PhD, Professor
Dalian University of technology, China

As can be seen, until the XIX century, epistemological function of the concept of rationality is decisive for almost the entire history of thought. In XX century rationality acquires social and philosophical implications. This is due to the work of Weber, Durkheim, Mead, Parsons, Schutz and other representatives of Western sociology of XX century.

Reason and rationality is so central to Weber's thought. His understanding of the rationality he took from Kant in the way he place reason and understanding at the center of the individual's life to help create order out of the chaos of everyday experience. Like the great philosopher, he drew sharp boundaries between scientific knowledge and subjective human values in order to preserve the integrity of both spheres.

The Weberian theory of social action defines rationality by the categories of *end* and *means* within a given situation, i.e. the achievement of "certain ends by choosing appropriate means on the basis on the facts of the situation" [1, p.5]. Rational action is thus purposive involving the "choice of means" for attaining these purposes [1, p.5]. Reason not only expresses itself in thought but also in action. It employs our rational ideas and acts on them in a deliberative manner by choosing the most efficient and effective means available to achieve a particular goal.

Weber identified two "ideal types" of rational social action: instrumentally rational (*zweckrational*) and value-rational (*wertrational*). Instrumentally rational action is characterized as involving means for attaining actors "rationally pursued and calculated ends," namely the rational consideration of first, alternative means to ends; second, the relations of these ends to secondary consequences; and third, the comparative relevance of various possible ends" [1, pp.24–25]. In this sense, instrumentally rational action includes self-interested behavior, but cannot be subsumed under it insofar as these ends may be both self-interested and disinterested ones, as Weber often suggests. Value-rational action, in turn, is seen as guided by a "conscious belief in the value for its own sake" of a certain type of human conduct (e.g. ethical, aesthetic, or religious), "independently of its prospects of success" [1, pp.24]. Hence, this is a course of action induced by immanent or transcendental (as opposed to instrumental) values and thus by intrinsic rather than extrinsic motivation.

From an instrumentally rational "point of view, however, value-rationality is always irrational. [On the other hands] the orientation of action wholly to the rational achievement of ends without relation to fundamental values is, to be sure, essentially only a limiting case" [2, p.26]. Although Weber approves of instrumental rationality, he is aware of its limita-

tions and dangers. His discontent with the disenchantment which followed Occidental rationalization and his complaint about the conversion of the economic and technical means into ends in themselves led him to believe that in the rationalized society "the care for external goods [has] become an iron cage" [2, p.181].

Weber demonstrates the diversity of reason and how they operate at many different levels [3, p.30]. Reason not only links ideas together but it creates, organizes and assesses the contradictions between them. It binds concepts into principles which in turn become systems — law, politics, ethics, etc — connected to other systems until it seems all of life is one massively, unified rational construction.

So, finally we could note that Weber regards rationality as confined to the procedure through which one can attain an ultimate end or value "toward which experience shows that human action may be oriented" [1, p.5]. He distinguishes between instrumentally-rational and value-rational orientations of action and calls the former rationally pursued and calculated ends. For Weber, values, on the other hand, are not rationally determined because they do not refer to a result ulterior to them their significance lies in the unconditional demand an actor believes to be called for by some ethical, aesthetical, religious, or other sources of obligation; value-rational action are carried out for their own sake and cannot be rationally established. One can rationally pursue values without being able to rationally determine them. Such an approach robs values of their claim to universality and of any ground for determining the right values from the wrong ones. It is left to societies, groups or individuals to choose which values they want to pursue.

But how could we understand the subjective sense/meaning of communicative situation from a partner within the framework of the theoretical model? Does it assume that there is an intersubjective structure, referring to which we can clarify the subjective meaning? Weber didn't raise such questions. In addition, he convinced of the coincidence of objective meaning attributed to the action of the subject with the subjective meaning of the actor.

Durkheim approaches rationality from a standpoint of the operation and application of reason. If we want to understand the roots of ought to found in validity claims and communicative action, Habermas argues that we can follow Durkheim's analysis of the binding power of a normative expression. This power is in turn rooted in the context of the demarcation of the world into sacred and profane realms. This action could, in fact, exist prior to symbolically-mediated language, and be constituted in non-verbal form through expressive gesture. The connection of social acts to the realm of the sacred is fur-

ther evident, holds Habermas, in light of their ceremonial nature, and in the fact that the ceremony itself is only held to be legitimate when it fulfills a valid norm [4].

For Durkheim, we might recall, the sacred is by nature the projection of the ideal of a collective. This ideal serves the function of stabilizing group identity, all the while the concrete facts of reality feedback in the specific form the projected ideal itself takes. That is, ideals mediate between reality and goals/images.

One of Durkheim's central research interests was the various ways societies can function as more-or-less unified wholes. A distinction, which he thought critical to demarcating modern from basically primitive societies, was that between mechanical and organic solidarity. Mechanical solidarity, characteristic of earlier social formations, is essentially an enforced unity. Societies function as unities because of the threat of external sanctions, often rooted in religious or mythical concepts of guilt and necessity. Furthermore, the individual derives his or her personality directly from shared collective identities. That is, the degree of difference among individuals tends to be smaller, given that there are fewer differentiating resources to draw upon, and correspondingly less latitude for individuation. With more modern societies comes a form of organic solidarity anchored, in part, through differentiated labor spheres. As society becomes more complex, a greater number of increasingly specialized functions are required. In turn, individuals come to rely upon the collective efforts of many others in order for their own security and functioning. There is also a greater range of sources from which to build personal identity [5].

This, in effect, amounts to an organic form of solidarity, secured through the intermeshing of ideas, interest, and labor roles. Habermas, taking a slightly different focus, is more interested in the solidarity-ensuring effects of communicative action. Yet, following Durkheim, he inquires after the mechanisms or processes by which the socially-integrative functions supplied by religion pass over to communicative action. In other words, Habermas claims that the ritually-secured domain of the sacred gradually becomes replaced by the secularized realm of normative agreement arrived at through forms of argumentation premised on reasons [4, p.156].

If the sacred is the projection of an idealized group self-image, then this image reflects something of the group's hopes, wishes, norms, and so on. For the former, the motivating power of the sacred is replaced by a depersonalized morality. For Habermas, on the other hand, sacrality is rationalised into communicative practice where "moral agreement... expresses in rational form what was always intended in the symbolism of the holy: the generality of underlying interest" [6, p.156]. Religion, which once secured solidarity by way of a pre-linguistic consensus rooted in ritual practice, undergoes dissolution as consensus becomes not a pre-given reality, but an actually achieved phenomenon.

Since religion serves the function of providing pre-given interpretive schemes, experiences which conform to such schemes have the tendency to buttress the underlying reli-

gious belief system. As societies become increasingly complex, the need for increased differentiation builds a tension between the relative fixity of the religious interpretative patterns and the dynamic flow of experiential data coming from the realm of the profane. Religion can only ignore those ideas and facts with which it does not accord at its own peril. The result is that language more and more becomes responsible for processing dissonant experiences, even as it surrenders the unity of its underlying structural components. This in turn devalues received tradition as the source of understanding and solidarity. Communicatively-achieved consensus takes over the solidarizing load traditionally handled by the sacred. As this happens, though, more and more of experience tend to open up to new communicative interpretation. Since all of these interpretative accomplishments are built upon criticizable validity claims, which in turns are contingent upon reasons, we can see why Habermas considers these to be examples of processes of (communicative) rationalization.

Parsons, analyzing oeuvre of Max Weber, emphasizes the objective transpersonal nature of rationality. Cultural standards, norms and values are regulators of instrumentally rational and value-rational actions, relating the behavior of the actor with the existing socio-structural reality. The action of the individual becomes clear understandable and is recognized only in the framework of culture. According to him, if there is no general culture, there is no way for meaningful interpretation what is designated the observed action for the actor in his system [4]. The rational action has a normative structure and serves as a means of legitimizing this structure and as a social control mechanism. Thus, rationality appears in the behavior of actors in the process of its correlation with cultural norms, samples and standards. In relation to them it has the status of an autonomous objective reality as a result of theoretical investigation into the social world. Rationality in Parsons' theory — it is rather a normative rationality in the system of cultural phenomena hierarchy.

For Mead rationality or what he calls the rational process in a socio-psychological sense generally consists of the "indication of alternatives, different possible conclusions of the act which the particular social situation calls for," with such acts presupposing intentions. Notably, according to Mead [6, pp.200–202], human rationality involves a continued social interchange, and consequently society is composed of rational beings in constant interaction. In this regard, rationality is a matter of social interaction rather than purely psychological or biological factors. In particular, for Mead actors are rational in the ethical sense that they act from the viewpoint of a "social situation" so that their moral acts "must take into account all the values involved" [6, pp.385–389]. In the context of the "mental development" of the individual, the "rational phase" particularly consists of language as a symbol and thus the means or mechanism by which individuals emit "organized responses in their implicated relationships to each other" [7, p.268]. In this sense, a universe of discourse as produced by language represents

what is called the “genius of the rational self” or self-consciousness [7, p.268].

However, it is the social process which gives and demonstrates the means by which the individual comes back to himself and becomes an object to himself and thus through an identity in response reaches the rational situation. And the factor that makes the social process rational and thus represents the basis of social life is what Mead identifies as the universal element in the self or the essence of the mind. Since this universal is implicated in self-consciousness, rationality is seen as dependent on such consciousness [7].

Hence, the self constitutes a “rational entity” in the sense that it entails taking the role of other (or talking to oneself) in “terms of the group” or the “generalized other,” and this process is the “basis of all rational thinking and thought” [7, p.151]. Notably, the above noted universal” in self-consciousness is of a social nature given that the self is a “social entity” and the human organism is “involved in the social process.” Thus, the condition giving to the process of social adjustment a rational character consists in the fact that the “attitude of the other” is essentially the “attitude of the group” [7, pp145–151]. In this regard, a necessary precondition for rational acting (and thinking) is that actors “must take the attitude of the group” given the necessity of a social “organization among a set of individuals who are rational and who put this rationality into universal demands” [7, p.161]. Consequently, Mead infers that all rational individual action “is based on the feeling that one belongs to a definite group” [7, p.162]. In this sense, individual rationality derives from social or collective rationality.

Schutz’s conception of rationality is in many respects an extension and elaboration though not a mere restatement of that of Weber. Thus following Weber, Schutz proposes defining rational action in terms of actors having “clear and distinct insight into the ends, the means, and the secondary results” [8, p.326]. Thus understood rational action is then distinguished from sensible and reasonable behavior, with the latter, for example, being characterized as involving judicious choice among different courses of action.

Like Weber, Schutz then recognizes the possibility for a discrepancy between subjective (actor) rationality and objective (observer) rationality, i.e. between common sense and scientific concepts of rationality. Namely, “a course of action which is perfectly rational from the point of view of the actor may appear as non-rational to the partner or observer or vice versa” [10, p.326]. Particularly, subjective rationality often implies the concept and meaning of rational in the sense of reasonable thus using judgment of reasonableness in reference to projects concerning the course of action as well as the choice among such alternative projects rehearsed in fantasy. In this sense, rational decision and thus action presuppose that actors possess a “clear and distinct knowledge” of the following: the concrete state of affairs serving as the setting for projected actions (e.g., specific definitions of their “biographical situation”), the state of affairs to be reached by these ac-

tions or simply the purpose, and the necessary means for reaching that purpose [8, pp.326–330].

In the view of Schutz, rational individual action leads to the “condition of ideally rational interaction” or “intersubjective behavior” insofar as one actor’s project of rational action implicates and is implicated in other actors’ rational (re) actions. In turn, such social interaction, especially the “interaction among consociates,” mutual participation and the sharing of anticipations, becomes the prerequisite for individual rational activity through the «success of intersubjective behavior” (e.g. resources, trust, information, conformity, etc) [8, pp.328–330]. However, to the extent that the “interaction among consociates” tends to involve “pure We-relations” these can be the irrational element of such an interrelationship [8, p.329]. In this regard, social interaction among consociates, involves a paradox of rationality in that it can represent both a precondition and an impediment of rational action.

For Schutz rational action is a matter of taken-for-granted framework of social rules rather than of natural propensities. Thus, the rationality of human (inter) action is accounted for by the fact that actors orient their behaviors on certain socially-approved standards, whose origins, existence and importance cannot be rationally explained, however [8, pp.330–333]. In light of such standards, rational behavior (at the common-sense level) appears as action within an “unquestioned and undetermined frame of constructs of typicality of the setting, the motive, the means and ends, the course of action, and personalities involved and taken for granted” [8, pp. 330–333].

The significance of the considered conceptual ideas as a theoretical base was assessed by Habermas. He made a fundamental step in this direction by creating a Theory of Communicative Action. Habermas’s theory of communicative action represents one of the variants of the modern understanding of the reason in communicative aspect. The leading motive of the theory of communicative action was an attempt to create a new concept of rationality. With the formal pragmatic analysis of speech acts contained in the theory of argumentation, J. Habermas attempts to rethink the basic concepts of social action. He puts the task of creating a new communication-theoretical notion of rationality and on its basis framing the synthesis of two pillars of modern social theory — theory of action and systems theory, creating the basis for their qualitatively new social theory, which attempts to define its own critical scale [9].

Communicative rationality is the “intersubjective relation that speaking and acting subjects take up when they come to an understanding [*Verständigung*] with one another about something” [9, p. 392]. It is, therefore, a process rather than a capacity, in which argument is central. It emerges and manifests itself through different forms of communication, discourse and social interaction. And it is this fundamentally “social” form of rationality.

In addition to awareness of the rational basis of one’s actions, Habermas also states that reflection is also important

in rationality. "A person is rational who interprets the nature of his desires and feelings in the light of culturally established standards of value, but especially if he can adopt a reflective attitude to the value standards through which desires and feelings are interpreted" [9, p.20].

According to the above statement, reflective attitude towards one's self-awareness should be based on normative value judgments, whose framework is culturally established. The normative element is crucial in this case, as culturally established standards of value seem to function as a critical criterion against which the rationality of actions should be judged. Culturally established standards mentioned in the above statement may have a normative function; however the element of interpretation of one's actions, desires or feelings according to those standards renders them fallible.

Therefore, by definition, communicative rationality is a process rather than a capacity, based on mutual understanding between actors. It emerges and manifests itself through interactive and more specifically, through debate and argumentation, claim and counterclaim. It is precisely this model of rationality, embodied in argumentative practices, concerning contested validity claims, since the latter emerges and sustains itself through rational-critical debate. The validity claims mentioned above are, according to Habermas, propositional truth, normative rightness and subjective truthfulness and communicative rationality points

to "different forms of discursively redeeming [these] validity claims" [9, p.75].

Unlike teleological forms of rationality, the aim of communicative rationality is reaching understanding, which requires communicative actors to overcome their subjective views. "This concept of communicative rationality carries with it connotations based ultimately on the central experience of the unconstrained, unifying, consensus-bringing force of argumentative speech, in which different participants overcome their merely subjective views and [...] assure themselves of both the unity of the objective world and the intersubjectivity of their lifeworld" [9, p.10]. Understanding reached through processes of communicative reason, therefore, would be a prerequisite for the generation of consensus according to Habermas.

As part of the communicative rationality language plays an important role as the main tool for achieving a communicative consensus. According to Habermas, this idea became crucial for the problem of the social order. Through language it is achieved the necessary social cohesion which lies at the basis of social consensus. In this sense, social consensus itself, for Habermas, is based on the force of the better argument. Opening in communication the social space as a sharing the lifeworld, considers Habermas, is the key to communicative-theoretical understanding of society as a stable social system.

References:

1. Weber, M. (1968) *Economy and Society*. New York: Bedminster Press
2. Weber, M. (1958) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, trans. Talcott Parsons. New York, NY: Charles Scriber's Sons
3. Brubaker, R. (1991) *The limits of rationality: An Essay on the Social and Moral Thought of Max Weber*
4. Habermas, J. (1987) *The Theory of Communicative Action: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason (Vo.2)*, Cambridge: Polity Press.
5. Durkheim, E. (1966) *The Rules of Sociological Method* New York: Free Press
6. Mead, G. (1962) *Mind, Self, and Society*. Chicago: University of Chicago Press
7. Mead, G. (1982) *The Individual and the Social Self*. Chicago: University of Chicago Press
8. Schutz, A. (1967) *The Phenomenology of the Social World*. New York: Northwestern University Press
9. Habermas, J. (1984): *The Theory of Communicative Action: Reason and the Rationalization of Society (Vol. 1)*, Cambridge: Polity Press

Молодой ученый

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 13 (117) / 2016

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиева А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.,
Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 26.07.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25